

ISSN 2072-2087 (ПЕЧАТНЫЙ)
ISSN 2413-9912 (ЭЛЕКТРОННЫЙ)

ВЕСТНИК Брянского государственного университета

№4(66)
2025

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В «ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ
БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ
УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК, НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК»
ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

(Категория журнала - К2).

Группа научных специальностей: 5.6 – исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. – Отечественная история; 5.6.2. – Всеобщая история;
5.6.3. – Археология; 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. – История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

**№4(66)
2025**

HISTORICAL SCIENCES

The journal is indexed in the following systems and directories:
Russian Science Citation Index, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №4 (66) 2025:
исторические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2025. 154 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Лучиан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменгау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж – доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Иванина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кащенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

ISSN 2072- 2087
ISSN 2413-9912

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

7 **Бакшаев А. А.**

ПРОБЛЕМЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ВОЕННОГО ЗАКАЗА КАЗЕННЫМИ ГОРНЫМИ ЗАВОДАМИ УРАЛА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОРНОГО ВЕДОМСТВА

19 **Дубровский А.М.**

ОСВЕЩЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И.В. СТАЛИНА И ЕГО РОЛИ В ПОБЕДЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ВО ВТОРОМ ИЗДАНИИ БИОГРАФИИ СТАЛИНА 1948 ГОДА

32 **Калашников А.В.**

РОЛЬ «ЧЁРНЫХ КОДЕКСОВ» В СОПРОТИВЛЕНИИ ПОЛИТИКЕ КОНГРЕССОВОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ (1865-1867 ГГ.)

47 **Кулаков В.И.**

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ, СВЯЗАННЫХ С КУЛЬТОМ И ВЕРОВАНИЯ ЭСТИЕВ И ПРУССОВ

57 **Михин О.В.**

ВОСПРИЯТИЕ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ОСВОЕНИЯ КОЛОНИЙ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ ИЗ МЕТРОПОЛИИ

72 **Некрашевич Ф.А.**

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕКРУТСКОЙ ОЧЕРЕДИ У ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (1831 – 1861 ГГ.)

84 **Прилуцкий В.В.**

П.Л. ЛАВРОВ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В США В 1860-Е ГОДЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

94 **Свиридова А.С.**

«БОЛГАРСКИЙ ВОПРОС» ОТ БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА К ЧЕТВЕРНому СОЮЗУ В ОЦЕНКАХ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

105 **Тишина О.В.**

ВЛИЯНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

113 **Хомутова Е.В.**

ОРИЕНТАЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НА СССР В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭРНСТА НИКИША.

Мезга Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларусь, Минск (Беларусь);

Мяжков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард – доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрущева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян – доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цутия Иосифуру – профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

**Подписной индекс
«Пресса России»: 40705 годовая**

122 Шабунина А.К.

РЕЦЕПЦИЯ РАБОТНЫХ ДОМОВ В АНГЛИЙСКИХ ПАМФЛЕТАХ (1834-1842)

134 Шумаков А.А.

БИТВА ПРИ БЛЭК ДЖЕКЕ – ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ МАЛОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КАНЗАСЕ

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 4(66) 2025: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2025. 154 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebennik Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

**Vol.4 – No.66
Scientific
peer-reviewed journal
DECEMBER**

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

7 Bakshaev A.A.

PROBLEMS OF FULFILLING MILITARY ORDERS BY STATE MINING PLANTS OF THE URALS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY IN THE ASSESSMENTS OF REPRESENTATIVES OF THE MINING DEPARTMENT

19 Dubrovskii A.M.

COVERAGE OF THE PERSONALITY OF I.V. STALIN AND HIS ROLE IN THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE SECOND EDITION OF THE BIOGRAPHY OF STALIN IN 1948

32 Kalashnikov A.V.

THE ROLE OF THE "BLACK CODES" IN THE FORMATION OF SEGREGATION IN THE SOUTHERN UNITED STATES DURING THE PERIOD OF CONGRESSIONAL RECONSTRUCTION (1865-1867).

47 Kulakov V.I.

AN OVERVIEW OF ARCHAEOLOGICAL SOURCES RELATED TO THE CULT AND THE BELIEFS OF THE ESTIANS AND PRUSSIANS

57 Mikhin O.V.

THE PERCEPTION OF THE FOREIGN EXPERIENCE OF COLONIZATION BY SETTLERS FROM THE METROPOLIS IN THE SECOND POLISH REPUBLIC

72 Nekrashevich P.A.

FEATURES OF THE FORMATION OF A RECRUITMENT queue AMONG LANDLORD PEASANTS USING THE EXAMPLE OF VITEBSK PROVINCE (1831 – 1861)

84 Prilutskiy V.V.

L. LAVROV ON THE FEATURES OF RELIGIOUS LIFE IN THE USA IN 1860-TH ON THE PAGES OF THE MAGAZINE «OTECHESTVENNYE ZAPISKI»

94 Sviridova A.S.

«THE BULGARIAN QUESTION» FROM THE CONGRESS OF BERLIN TO THE QUADRUPLE ALLIANCE IN THE ASSESSMENTS OF THE NEWSPAPER PERIODICALS OF THE RUSSIAN EMPIRE

105 Tishina O.V.

THE INFLUENCE OF THE PERIODICAL PRESS ON THE FORMATION OF PATRIOTIC SENTIMENT IN THE RUSSIAN SOCIETY AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Departament at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

113Khomutova E.V.

THE ORIENTATION OF GERMAN FOREIGN POLICY TOWARDS THE USSR IN THE VIEWS OF ERNST NIEKISCH

122Shabunina A.K.

RECEPTION OF WORKHOUSES IN ENGLISH PAMPHLETS (1834-1842)

134Shumakov A.A.

THE BATTLE OF BLACK JACK IS THE FIRST BATTLE OF THE SMALL CIVIL WAR IN KANSAS

Бакшаев А.А., кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия)

ПРОБЛЕМЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ВОЕННОГО ЗАКАЗА КАЗЕННЫМИ ГОРНЫМИ ЗАВОДАМИ УРАЛА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОРНОГО ВЕДОМСТВА

В статье представлены причины невыполнения казенными горными заводами Урала военных нарядов в первой четверти XIX в. в оценках представителей органов горного управления и местной горной администрации. Источниками исследования послужили ведомственная переписка, а также отчетные документы региональных органов горного управления, сосредоточенные в федеральных и региональных архивах. Показано, что трудности в выполнении военного заказа выделялись администрацией казенных горных округов Урала, а также изучались в ходе обследований заводов берг-инспектором. Выявленные проблемы анализировались центральными органами горного управления и министром финансов. Выделены основные трудности, с которыми столкнулись горные заводы региона при изготовлении военной продукции: значительное увеличение объемов военных нарядов накануне и входе Наполеоновских войн, недостаточное количество оборудования и работников, ветхость заводских зданий и механизмов, слабая энергетическая база, долгая доставка продукции в результате удаленности уральских заводов от Центра страны. Слабая техническая оснащенность и недостаточное старание местной администрации и работников по изготовлению качественных изделий приводили к огромному количеству брака продукции. Отмечается, что с начала 20-х годов XIX в. горные заводы постоянно не выполняли наряды армии и флота, в результате образовалась большая задолженность перед военным и морским ведомствами.

Ключевые слова: военные наряды, военное ведомство, горное ведомство, казенные горные заводы, морское ведомство, пермский берг-инспектор, Департамент горных и соляных дел, А.Ф. Дерябин.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-07-18

Введение. Главной обязанностью казенных горных заводов Урала с момента утверждения императорского манифеста от 21 мая 1779 г. было изготовление продукции для армии и флота, а также металлов, обеспечивавших работу оружейных предприятий. Виды и объемы военных изделий определялись нарядами, ежегодно устанавливавшимися военным и морским ведомствами. Но уже во время Отечественной войны 1812 г. и в последующий период уральские заводы испытывали проблемы в выполнении военных нарядов, производя продукцию не в полном объеме и с нарушением сроков. С начала 20-х годов XIX в., как отмечал исследователь военной промышленности региона В.А. Ляпин, горные заводы переходят удовлетворять требованиям армии и флота [20, с. 17].

Согласно утвержденному порядку

организации военного заказа военное и морское ведомства направляли сведения об объемах и сроках выполнения военных нарядов в Департамент горных и соляных дел. Тот в свою очередь распределял наряды между уральскими и другими горными заводами. Пермское горноеправление, получив требования о производстве военных изделий и металлов, давало задания казенным горным округам Урала. Горные начальники, получив эти запросы, часто заявляли о невозможности изготовить весь объем военной продукции в требуемые сроки. В своих донесениях в Пермское горноеправление и Департамент горных и соляных дел они приводили причины, почему наряды не могут быть выполнены, обозначали проблемы в деятельности заводов. Департамент горных и соляных дел также поднимал эти вопросы в переписке с Военным и

Морским министерствами.

Причины кризисного состояния казенной горнозаводской промышленности Урала оказались в центре внимания исследователей в 60–е годы XIX в. Но в ходе обсуждения проблем развития казенных предприятий В.П. Безобразов, И.П. Котляревский и др. авторы недостаточно внимания уделили проблемам выполнения военных нарядов [См., например: 2, 19]. К историческому опыту деятельности казенных горных заводов в первой половине XIX в. обращался В.Д. Белов, отметивший, что техническое состояние заводов пришло в упадок во второй половине XVIII в. под управлением казенных палат. В результате, в период Отечественной войны 1812 г. заводы не смогли справиться с увеличением объемов нарядов в короткие сроки [3, с. 59]. Ю. Азанчеев выделил два периода в деятельности горных заводов по производству вооружений, разделенных Крымской войной. Он считал, что на первом этапе, который «характеризуется простотой и однообразием изделий по заказам армии и флота», горные заводыправлялись с выполнением нарядов. Но в военные периоды, когда они получали наряды во много раз превышавшие их возможности, приходилось напрягать все силы для их выполнения [1, с. 5].

В советский период в работах по истории военной промышленности (Л.Г. Бескровный, Л.П. Богданов и др.) отмечалось, что при значительно возросших требованиях военного ведомства казенные заводы не могли справиться с производством военных изделий [4; 5; 37]. Военное производство в горнозаводской промышленности Урала в первой половине XIX в. изучалось В.А. Ляпиным, который выделил основные трудности в изготовлении военных изделий (орудий и снарядов). Автор показал значительное увеличение военных нарядов, возложенных на горные заводы в этот период, которые превышали их возможности [21, с. 185–186]. Проблемы в производстве орудий и

снарядов на уральских заводах накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г. выделил В.Н. Сперанский [34].

В работах И.А. Сергиевского по истории органов военной приемки отмечается снижение качества продукции горных заводов Урала, что было вызвано увеличением объемов и усложнением технологии производства военной продукции [33, с. 349]. Следует выделить специальную работу, где показаны проблемы казенной горнозаводской промышленности региона в оценках современников, но во второй половине XIX – начале XX вв. [35]

Анализ историографии свидетельствует, что исследователи обозначили основные проблемы деятельности казенных горных заводов Урала в первой четверти XIX в. Но изучение проблем выполнения военных нарядов с точки зрения современников не являлось специальным предметом изучения в историографии. Поэтому цель настоящей статьи – показать трудности реализации военного заказа горными заводами Урала в первой четверти XIX в. на основе мнений центральных и региональных органов горного управления, а также администрации казенных горных округов.

Объект и методы исследования.

Объектом исследования выступают казенные горные заводы Урала, выпускавшие продукцию по нарядам армии и флота. В последней четверти XVIII – начале XIX вв. завершается складывание горнозаводских округов и системы их управления. В первой четверти XIX в. на Урале было создано шесть казенных горных округов, основным направлением деятельности которых было выполнение военных заказов: Екатеринбургский, Гороблагодатский, Богословский, Пермский, Златоустовский и Камско-Воткинский. Предмет исследования – проблемы выполнения военного заказа казенными горными заводами Урала в первой четверти XIX в. в оценках горного ведомства.

Источниками для изучения темы

послужила ведомственная переписка органов горного управления (Департамента горных и соляных дел, Пермского горного правления, пермского берг-инспектора) с горными начальниками казенных горных округов Урала, где поднимались вопросы выполнения военных нарядов. Эти документы сосредоточены как в федеральных архивах (Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном историческом архиве (РГИА)), так и фондах региональных архивов (Государственном архиве Свердловской области, Центральном государственном архиве Удмуртской республики). Привлекались также материалы обследований горных заводов, проводившихся органами горного управления, где выделены трудности, с которыми они столкнулись в изготовлении военной продукции.

Результаты и их обсуждение. В качестве одной из важнейших причин не выполнения нарядов руководство горного ведомства указывало значительное увеличение количества военных изделий и металлов, требуемых военным и морским ведомствами. Объемы военных нарядов для горных заводов были определены в указе Сената от 20 августа 1801 г. Уральские горные заводы должны были подготовить ежегодно 30 тыс. пуд. железа для сухопутной артиллерии, а также 100 тыс. пуд. для Тульского и 16 тыс. пуд. для Сестрорецкого оружейных заводов. Кроме того, горные заводы должны были выковывать более 130 тыс. пудов железа (для Черноморского и Балтийского адмиралтейств) по нарядам морского ведомства, а также около 20 тыс. пудов якорей [22, т. 26, № 19986; 30, л. 206–206 об.].

В дальнейшем, накануне и в ходе Наполеоновских войн наряды выросли в несколько раз. Горные заводы Урала не могли при имеющихся у них оборудовании и работниках выполнить все требования армии и флота. Свое мнение по этому вопросу еще в начале XIX в. высказал горный начальник Гороблагодатских и

Камских заводов А.Ф. Дерябин. Он участвовал в работе специального комитета, созданного в 1804 г. по решению императора для разработки первых инструкций по приемке орудий, снарядов и железа с горных заводов. В особом мнении по итогам работы комитета он отметил, что пока вместо ветхих не будут построены новые заводские здания, модернизировано оборудование, а предприятия снабжены достаточным количеством мастеровых «нельзя ожидать в полной мере усовершенствования изделий для флота, артиллерии и Тульского оружейного завода». Его предложение о необходимости отложить отливку артиллерийских снарядов до окончания реконструкции заводов и возобновить производство в 1806 г. было утверждено императором [25, л. 68-69 об.; 26, л. 1–1 об.]

В результате отливка снарядов на горных заводах Урала с 1804 г. была остановлена. В 1809 г. Артиллерийская экспедиция Военного министерства потребовала возобновить изготовление снарядов из-за их недостатка в гарнизонах и полевой артиллерии. Горное ведомство сообщало, что все необходимые суммы на перестройку заводов были выделены и предписало горному начальнику Гороблагодатских заводов продолжить отливку снарядов [29, л. 3–4 об., 5–6].

На основании указа Сената от 22 сентября 1809 г. казенные горные заводы должны были работать только по нарядам армии и флота. Вследствие увеличения потребностей в военных изделиях возросли объемы военного заказа для горных заводов. Так, в 1810 г. военное и морское ведомства представили министру финансов новые требования в военной продукции. По сравнению с указом Сената от 20 августа 1801 г. для артиллерии потребовалось вместо 30 тыс. уже 40 тыс. пуд. железа, для Сестрорецкого оружейного завода – 18 тыс. пуд. железа ежегодно. Горные заводы Урала также должны были поставлять более 6 тыс. пуд. меди для оружейных предприятий, а также более 19 тыс. пуд.

артиллерийских поддонов. Наряды еще более возросли в последующие несколько лет в связи с военными потребностями. В частности, Сестрорецкий завод вместо 18 тыс. пудов в 1813 г. должен был получить 30 тыс., в 1814 г. – 46 тыс. пудов железа [30, л. 207-207 об., 209-210].

В результате уже к 1813 г. уральские заводы накопили большие задолженности перед военным и морским ведомствами, особенно в орудиях и снарядах. В частности, Гороблагодатскими заводами не было изготовлено до 112 011 пуд. снарядов, несмотря на то что наряды были сокращены. Главная контора Камско-Воткинского завода сообщала, что по нарядам 1812, 1813 и 1814 г. следовало приготовить более 172 тыс. пуд. железа для флота, а принято и отправлено было только 51 тыс. пуд. В результате недоимка заводов перед морским ведомством только по этим нарядам составила более 120 тыс. пуд. [28, л. 2–2 об., 6–6 об., 13–13 об.]

Препятствовало выполнению нарядов в полном объеме и то, что заводские здания и оборудование к началу XIX в. пришли в ветхость. Многие из них были построены 40 и более лет назад. В частности, перестройка Каменского завода Екатеринбургского округа началась в 1809 г. при управителе Н.Р. Мамышеве, который сообщал, что плотина, ларевые прорезы и доменные корпуса так изношены, что «заводскому действию угрожает опасность и совершенное разрушение». Он настаивал на перестройке всего доменного корпуса, который, по его сообщению, «был в таком виде еще до перестройки в 1748 г.». Но реконструкция затянулась до начала 1820-х годов, в результате чего была приостановлена отливка орудий по нарядам [17, л. 100–105].

Уже в должности управляющего Камско-Воткинским заводом Н.Р. Мамышев доносил пермскому берг-инспектору в октябре 1814 г., что завод не может приготовить все наряды к каравану 1815 г. по причине изношенности оборудования и

разрушающихся зданий. Была произведена починка наиболее обветшавших зданий, но реконструкция завода не начиналась, как сообщал управитель, по причине позитивных отчетов региональных органов управления. В 1813 г. предприятие было обследовано берг-инспектором, который нашел, что «горнов и машин довольноное количество... то, что фабрики ветхие и требовали починки из этих документов не видно». В итоге Н.Р. Мамышев отмечал, что заводские здания и оборудование все более ветшали, что сказывалось на выполнении военного заказа [30, л. 10–28].

В начале 20-х годов XIX в. состояние Камско-Воткинского завода не улучшилось. Управляющий заводом вновь сообщал о сокращении производства металлов по причине ветхости фабрик и плотин, построенных в 1775, 1793 и 1798 гг. Отмечалось, что «многие части сами собой обрушивались и ежедневно угрожают совершенным разрушением». На их ремонт ежегодно тратились значительные суммы. Управляющий указывал на то, что «перестройка главных молотовых ларей и вешняшных прорезов, пришедших в ветхость, неминуемо выпустит их прудов воду...», которой не хватит для действия заводов летом [12, л. 11–22; 25, л. 526–527; 36, л. 22–27 об.].

Передача Ижевского железнодельного завода в военное ведомство в 1808 г. привела к сокращению производства железа казенными горными заводами. Это предприятие в начале XIX в. ежегодно изготавливала 95 тыс. пуд. железа и 13 тыс. пуд. уклада для оружейных заводов и артиллерии, а также якоря для флота. Горное ведомство рассчитывало, что Ижевский завод будет обеспечивать металлами и якорями военное ведомство вместо горных заводов, но наряды не были сокращены. Главной трудностью было наладить вновь производство якорей, для чего в 1814 г. начинается постройка якорной фабрики на Серебрянском заводе Гороблагодатского округа.

Горный начальник докладывал, что пуск фабрики задерживался, в результате чего возникла задолженность перед военными ведомствами. Фабрика была построена в 1816 г., но не могла приступить к работе из-за нехватки работников [22, т. 30, № 23318; 30, л. 207–207 об.].

Горное ведомство также не могло воздействовать в полной мере для производства военной продукции заводы Богословского горного округа (Богословский и Николаепавдинский). Они были освобождены от выполнения военных нарядов в 1810 г. из-за ветхости заводских зданий и оборудования и не укомплектованности рабочими людьми. В августе 1815 г. заводы осмотрел пермский берг-инспектор А.Т. Булгаков. Он обнаружил, что плотина Николаепавдинского завода «с давних лет ветхая», доменные печи и горны «весъма непрочны» и требуют замены новыми. При незначительном производстве металла на заводе имелось большое число рабочих людей, получавших жалование и провиант. В то же время он посчитал, что закрытие Николаепавдинского завода и перевод работников на Богословский негативно скажется на производстве (чугун для заводов будет доставляться с Гороблагодатских заводов на расстояние в 500 верст) и «приведет к расстройству весъма бедного состояния» заводских работников. Берг-инспектор предлагал реконструировать производство, заменить деревянные фабрики каменными, а также составить сметы по перестройке заводов [13, л. 49–51].

Важной причиной медленного выполнения военных нарядов горная администрация называла слабость энергетической базы горных заводов. Заводское оборудование часто простоявало длительное время из-за выпадения малого количества осадков, в результате чего заводские пруды не пополнялись водой. Плотины заводов также находились в неудовлетворительном состоянии. Горный начальник Екатеринбургских заводов И.Ф. Герман,

получив в июне 1810 г. новые требования военного ведомства о приготовлении ежегодно 50 тыс. пуд. снарядов и 15 тыс. пуд. орудий для Астраханского и Сибирского департаментов, сообщал, что в Каменском заводе в результате малого притока воды в прудах действовала одна домна $\frac{2}{3}$ года. В Нижнеисетском заводе, напротив, воды в пруде было с избытком. Он предлагал производить отливку орудий на Каменском, а сверление и отделку орудий перенести на Нижнеисетский завод. Требовалась также перестройка сверлильных и точильных машин на Каменском заводе [28, л. 88–90].

Похожие проблемы испытывали и другие казенные горные округа. Руководство Гороблагодатских заводов в 1814 г. докладывало, что из-за малоснежной зимы заводские пруды не пополнялись. Отсутствие воды привело к остановке оборудования. В результате главная контора Гороблагодатских заводов доносила, что в первую очередь будет выполнять наряд в железе для Тульского оружейного завода, а если позволит состояние воды в прудах зимой будет изготовлено железо для Санкт-Петербургского адмиралтейства. Возникли проблемы и с изготовлением снарядов, которые отливал один Верхнетуринский завод, но он не мог подготовить весь наряд в 25 тыс. пуд. орудий и снарядов [10, л. 22–23].

В производстве орудий и снарядов горные заводы столкнулись с несовершенством технологии изготовления, низким качеством руд, в результате чего большое количество военных изделий было забраковано артиллерийскими приемщиками. В частности, горный начальник Екатеринбургских заводов в 1812 г. сообщал о неудовлетворительных качествах чугуна для отливки орудий. В результате отлитые на Каменском заводе и окончательно отделанные на Нижнеисетском орудия при пробе разрывало на 9–14 частей. На просьбу принять некоторые орудия в чрезвычайных условиях военных действий

приемщик поручик Масалов заявил, что некоторые из 18-фунтовых орудий могут быть приняты при крайней необходимости, если заделать глубокие раковины и неровности [8, л. 8–8 об.].

Военное ведомство возлагало на горные заводы приготовление новых видов военной продукции, для производства которой не имелось необходимого оборудования и обученных мастеров. В частности, был получен наряд на изготовление лафетной и ящичной оковки, которую ранее изготавливали арсеналы. В сентябре 1813 г. Департамент горных и соляных дел предписал приготовить к весеннему каравану 1814 г. ящичной оковки «сколько удобно» для Казанского, Киевского и Брянского арсеналов. Горное ведомство отмечало, что Гороблагодатские и Камско-Воткинский заводы в месяц не могут приготовить более 40 ящиков и не в состоянии удовлетворить требования. Артиллерийский департамент просил изготавливать 720 ящиков с колесами или, в крайнем случае, 400 для нужд Киевского и Брянского арсеналов (по 200 для каждого). Остальную оковку для арсеналов на 1780 ящиков следовало приготовить в течении 1814 г. [9, л. 89–90]

Руководство Камско-Воткинского завода доносило, что невозможно принять наряд на изготовление оковки по причине отсутствия работников и инструментов. Но Департамент горных и соляных дел настаивал на его выполнении, и главная контора приняла необходимые меры: возобновила инструментальный цех, переведя в него 200 мастеровых, занимавшихся до этого отделкой ящичной и лафетной оковки. Кроме того, в заводскую работу были направлены все пешие непременные работники, занятые заготовкой дров; из-за нехватки горнов были построены новые, а также возведена слесарная для отделки начисто лафетной оковки. Были также возведены просторная приемная и магазин для хранения оковки [16, л. 6–7].

Выполнению нарядов препятствовала и нехватка мастеровых и непременных работников. Так, в 1818 г. по сведениям Департамента горных и соляных дел, потребность в работниках составляла: на Гороблагодатских заводах 1300, на Каменском заводе Екатеринбургского округа – 131, на Нижнеисетском – 40 работников. На Камско-Воткинском заводе требовалось 1364 мастеровых и 1006 непременных работников, в наличии было 1014 и 1006 соответственно. В итоге недостаток составлял 350 человек [6, л. 29–34].

Горное ведомство отмечало и недостаточное старание мастеров и местного горного начальства к приготовлению военных изделий нужного качества. Так, Канцелярия главного заводов правления в 1801 г. дважды предписала Гороблагодатскому горному начальству выковать 900 пуд. железа для Черноморского адмиралтейства если не к 1801 г., то к весеннему каравану 1802 г. Заводские конторы ссылались на нехватку необходимого оборудования для изготовления железа, которое могло быть выковано только под ручными молотами в кузнице, колотушечное железо из-за тонкости получалось неудовлетворительного качества. Но Берг-коллегия не приняла эти объяснения, отмечая, что заводские конторы заняты только отписками, а Гороблагодатское горное начальство «так беспечно, что не знает под ведомством его где, что и сколько делать можно и вместо того, чтобы понудить конторы к деятельности, дать наставление... остается ныне в одних переписках» [24, л. 454–457].

Одной из главных причин невыполнения нарядов в полном объеме был большой процент брака военных изделий. В частности, приемщики признавали негодными от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ от общего количества артиллерийских снарядов. Горные заводы объясняли это строгими требованиями артиллерийских приемщиков. Кроме того, военная продукция забраковывалась уже при поступлении в арсеналы и

оружейные заводы. Горные чиновники также жаловались, что один комиcсионер мог допустить снаряды, а другой забраковать [24, л. 6–6 об.; 31, л. 46–46 об., 65–65 об., 112, 165–167, 183]. Стоить отметить, что местное горное начальство в донесениях могло складывать с себя вину за производство некачественных изделий. В частности, военные приемщики сообщали в Артиллерийский департамент о том, что при осмотре орудий, изготовленных на Гороблагодатских и Екатеринбургских заводах, были выявлены раковины, замазанные глиной и закрашенные под цвет металла. Главный приемщик на уральских заводах Я.М. Бикбулатов полагал, что этот метод использовался много-кратно по разрешению заводской администрации [18, л. 16–17].

Горные начальники жаловались, что изготовление военных изделий задерживало отсутствие на заводах чертежей, моделей и образцов ядер, бомб и картечии всех калибров, а также других изделий. Так, контора Камско-Воткинского завода в октябре 1821 г. доносила об отсутствии образцов артиллерийской оковки. В ответ главный приемщик Я.М. Бикбулатов приказал изготовить и доставить новые образцы с Гороблагодатских заводов, но держать их под замком у артиллерийских приемщиков и использовать только при приемке изделий. На многократные жалобы управляющего заводом о выдаче образцов и моделей приемщики отказывались это делать. Все это приводило к жалобам управляющего в Пермское горное правление и Департамент горных и соляных дел [14, л. 85; 15, л. 26].

Трудности вызывала транспортировка военной продукции к местам назначения – на военные склады, арсеналы и оружейные заводы. Военные изделия и металлы отправлялись ежегодно в весенних караванах и доставлялись только через 2–3 года после отправки. Военное и морское ведомства часто просили изготовить и доставить продукцию в короткие сроки. Так,

Адмиралтейств-коллегия в марте 1800 г. потребовала изготовить для Черноморского флота 24500 пуд. кричного и 3000 пуд. листового железа, которое должно быть доставлено на Дубовскую пристань в течении 1800 г. Берг-коллегия в ответ сообщала, что караваны казенных горных заводов отправляются весной в конце апреля – начале мая и доставить железо в срок не получится. Местной горной администрации было предписано по возможности отправить железо из старых нарядов или изготовить его как появится возможность [21, л. 427–430].

Департамент и горных и соляных дел обобщил информацию, полученную от местной горной администрации, и пришел к выводу, что большая часть нарядов выполнялась Гороблагодатскими и Камско-Воткинским заводом. Значительное увеличение нарядов в орудиях и снарядах привело к сокращению выковки железа для нужд армии и флота и оружейных заводов. Было принято решение для облегчения действия этих предприятий возложить часть нарядов на другие казенные горные заводы. Так, в 1815 г. изготовление железа для артиллерии и Тульского оружейного завода было передано на Златоустовские заводы, несмотря на то, что они находились на особом положении, изготавливали металлы на продажу и платили в казну повинности как частные заводы. Департамент горных и соляных дел предписал платить Златоустовским заводам за железо для военного ведомства по ценам, установленным на Макарьевской ярмарке [30, л. 2–6].

Пермское горное правление в 1816 г. поручило берг-инспектору изучить представленные от горных начальников причины невыполнения нарядов, их объемы сравнить с имевшимся на местах оборудованием. В результате, берг-инспектор подготовил отчет, где обобщил трудности выполнения военного заказа. Он указал на то, что военные изделия и металлы изготавливались не в полном объеме «не от чего другого как от усиленных требований

военных департаментов особенно с 1812 г.». Эти наряды не соответствовали оборудованию заводов и количеству мастеровых и непременных работников. При этом он выступал против расширения производства горных заводов и введения паровых машин в связи с большими расходами для казны и значительным уничтожением лесов [6, л. 10–20; 7, л. 3–34]. Департамент горных и соляных дел также называл важнейшей причиной неудовлетворительного выполнения нарядов несоответствие числа имевшихся на заводах машин и оборудования «требованиям военных департаментов особенно с 1812 г.» [6, л. 10–20].

Новые наряды военного и морского ведомств, возложенные на казенные горные заводы в 1820 г., были вновь увеличены. Они, в частности, включали изготовление в течение 4 лет более 34 млн штук снарядов. Артиллерийский департамент не согласился на сокращение нарядов и потребовал скорейшего приготовления снарядов уже к весеннему каравану 1821 г. Огромный наряд в снарядах для Гороблагодатских заводов, составлявший более 15 млн. штук, был частично передан на Златоустовские заводы. Оставшаяся часть была распределена поровну между Екатеринбургскими и Гороблагодатскими заводами. При этом горный начальник Екатеринбургских заводов сообщил, что наряд можно выполнить если снабдить Каменский завод достаточным количеством людей и завершить реконструкцию, на что потребуется еще 3 года. Он признавал, что даже с постройкой на Каменском и Нижнеисетском заводах вагранок выполнить наряд вовремя не может и просил возложить его на другие заводы. Но Департамент горных и соляных дел департамент отказал ему в этой просьбе [31, л. 134–135, 165–167].

Неудовлетворительное выполнение военного заказа казенными заводами Урала заставило министра финансов Д.А. Гурьева обратиться к императору с просьбой сократить военные наряды, пока

оборудование казенных округов не будет усовершенствовано. Решением Александра I в 1822 г. начал работу специальный комитет из военных и горных чиновников, который решил продлить выполнение наряда вместо 4 на 6 лет, были отменены заказы на лафетную и ящичную оковку, для изготовления которой на горных заводах не имелось оборудования и опытных мастеров [31, л. 1–1 об, 134–134 об.; 32, л. 11–11 об., 80–82 об.].

Выводы. Таким образом, проблемы в выполнении военных нарядов горными заводами Урала обострились во втором десятилетии XIX в. накануне и в ходе Наполеоновских войн. Администрация казенных горных округов Урала, ссылаясь на различные трудности в производстве и сдаче военных изделий приемщикам, заявляла о невозможности их выполнения в полном объеме и в требуемые сроки. Главной причиной не выполнения нарядов горная администрация называла возросшие в несколько раз объемы нарядов накануне Отечественной войны 1812 г. При имевшихся оборудовании и работниках горные заводы не могли полностью удовлетворить требования армии и флота. Эти проблемы усугублялись пришедшими в ветхость заводскими зданиями и механизмами, не обновлявшимися с 70-х годов XVIII в. Большое влияние на выполнение нарядов оказывала слабость энергетической базы заводов, нехватка оборудования и работников. Кроме того, из-за отдаленности горных заводов военная продукция в основном доставлялась потребителям через 2–3 года после изготовления. Органы горного управления уделяли большое внимание изучению причин неудовлетворительного выполнения нарядов, возлагая производство военных изделий и металлов на новые горные заводы. Но так и не решенные к середине 20-х годов XIX в. проблемы совершенствования техники и технологий, снабжения заводов рабочей силой приводили к накоплению задолженностей горных заводов перед военным и морским ведомствами.

Список литературы

1. Азанчеев Ю. Очерк деятельности казенных горных заводов по изготовлению предметов вооружения за 200-летие существования Горного ведомства. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1900. 29 с.
2. Безобразов В.П. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов СПб.: издание Комиссии для пересмотра системы податей и сборов, 1869. 641 с.
3. Белов В.Д. Исторический очерк Уральских горных заводов. СПб.: тип. И. Гольдберга, 1896. 177 с.
4. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.
5. Богданов Л.П. Русская армия в 1812 году: организация, управление, вооружение. М.: Воениздат, 1979. 192 с.
6. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 25. Д. 63а.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 811.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 216.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 258.
10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 259.
11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 378.
12. ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 503.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 627.
14. ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 819.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 1075.
16. ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 1084.
17. ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 267.
18. ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 20.
19. Котляревский И.П. Заметки об уральском горном хозяйстве: по поводу сочинения В.П. Безобразова, действительного члена Императорской Академии наук «Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов». СПб. 1868. СПб.: В типографии В. Демакова, 1870. 362 с.
20. Ляпин В.А. Военное производство на казенных горных заводах Урала в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь: Пермский гос. университет, 1983. 18 с.
21. Ляпин В.А. Военно-экономический фактор победы России над Наполеоном в отечественной историографии // «И вечной памятью двенадцатого года...». Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию Отеч. войны 1812 г. (Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г.) / под общ. ред. Е.Е. Приказчиковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 196–201.
22. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собр. 1-е. (ПСЗРИ-1). СПб.: Тип. второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830.
23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1. Д. 2739.
24. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2850.
25. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 3033.
26. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 628.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 9. Д. 155.
28. РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 156.
29. РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 167.

30. РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 291.
31. РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 382.
32. РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 401.
33. Сергиевский И.А. Зарождение отечественного института военной приемки на горных заводах России в начале XIX века // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 3. С. 128–138. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.12
34. Сперанский В.Н. Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном в 1812 - 1814 годах. Дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1967. 548 с.
35. Фомичева Т.С. Проблемы состояния казенной горнозаводской промышленности Урала в конце XIX в. в оценках современников // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 24(125). С. 41-52.
36. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. 212. Оп. 1. Д. 1124.
37. Шилов А.В. К вопросу о влиянии войн начала XIX в. на положение горнозаводской промышленности Урала // Учен. записки Пермского гос. ун-та. № 158. Пермь: Б.м., 1966. С. 82-91.

PROBLEMS OF FULFILLING MILITARY ORDERS BY STATE MINING PLANTS OF THE URALS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY IN THE ASSESSMENTS OF REPRESENTATIVES OF THE MINING DEPARTMENT

The article presents the reasons for the failure of the Ural state mining plants to fulfill military orders in the first quarter of the 19th century, as assessed by representatives of mining administration bodies and local mining administration. The sources of the study were departmental correspondence, reporting documents of the heads of mining districts and the Berg Inspector, concentrated in federal and regional archives. The author shows that the problems of fulfilling the military order were highlighted by the administration of the Ural state mining districts in reports on the fulfillment of orders, and were also studied during inspections of plants by regional mining administration bodies. The identified problems were analyzed by the central mining administration bodies and the Minister of Finance. The main difficulties encountered by the Ural mining plants in the manufacture of military products are highlighted: a significant increase in the volume of military orders on the eve and during the Napoleonic Wars, insufficient equipment and workers, dilapidated factory buildings and mechanisms, a weak energy base, long delivery of products due to the remoteness of the Ural plants from the Center of the country. Weak technical equipment and insufficient efforts of local administration and workers to produce quality products led to a huge number of defective products. The author noted that from the beginning of the 20s of the 19th century, mining plants constantly failed to fulfill the orders of the army and navy, as a result of which a large debt to the military and naval departments was formed.

Keywords: military outfits, military department, mining department, state-owned mining plants, naval department, Perm Berg Inspector, Department of Mining and Salt Affairs, A. F. Deryabin.

References

1. Azancheev Ju. (1900). Ocherk dejatel'nosti kazennyh gornyh zavodov po izgotovleniju predmetov vooruzhenija za 200-letie sushhestvovanija Gornogo vedomstva [Essay on the activities of state-owned mining plants for the production of weapons during the 200th anniversary of the Mining Department]. SPb: Tip. M. Merkusheva. 29 s.
2. Bezobrazov V.P. (1869). Ural'skoe gornoje khoziaistvo i vopros o prodazhe kazennykh gornykh zavodov [Ural mining economy and the issue of selling of state-owned mining plants]. SPb.: izdanie Komissii dlja peresmotra sistemy podatej i sborov. 641 s.
3. Belov V.D. (1896). Istoricheskij ocherk Ural'skih gornyh zavodov [Historical essay on the Ural mining plants]. SPb.: tip. I. Gol'dberga. 177 s.
4. Beskrovnyi L.G. (1973). Russkaia armiya i flot v XIX v. Voenno-ekonomicheskii potentsial Rossii [Russian army and navy in the 19th century. Military-economic potential of

Russia]. M.: Nauka. 616 p.

5. Bogdanov L.P. (1979). Russkaia armiiia v 1812 godu: organizatsiia, upravlenie, vooruzhenie [Russian army in 1812: organization, management, armament]. M: Voenizdat. 192 s.
6. Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti (GASO) [State Archive of the Sverdlovsk Region]. F. 24. Op. 25. D. 63A
7. GASO. F. 24. Op. 25. D. 811.
8. GASO. F. 24. Op. 33. D. 216.
9. GASO. F. 24. Op. 33. D. 258.
10. GASO. F. 24. Op. 33. D. 259.
11. GASO. F. 24. Op. 33. D. 378.
12. GASO. F. 24. Op. 33. D. 503.
13. GASO. F. 24. Op. 33. D. 627.
14. GASO. F. 24. Op. 33. D. 819.
15. GASO. F. 24. Op. 33. D. 1075.
16. GASO. F. 24. Op. 33. D. 1084.
17. GASO. F. 28. Op. 1. D. 267.
18. GASO. F. 39. Op. 1. D. 20.
19. Kotljarevskij I.P. (1870). Zametki ob ural'skom gornom hozjajstve: po povodu sochinenija V.P. Bezobrazova, dejstvitel'nogo chlena Imperatorskoj Akademii nauk «Ural'skoe gornoje hozjajstvo i vopros o prodazhe kazennyh gornyh zavodov» [Notes on the Ural Mining Industry: Regarding the work of V.P. Bezobrazov, full member of the Imperial Academy of Sciences, “The Ural Mining Industry and the Question of the Sale of State Mining Plants”]. SPb.: V tipografii V. Demakova. 362 s.
20. Liapin V.A. (1983). Voennoe proizvodstvo na kazennykh gornykh zavodakh Urala v pervoi polovine XIX v. [Military production at state-owned mining factories of the Urals in the first half of the 19th century]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Perm': Permskij gos. Universitet. 18 s.
21. Liapin V.A. (2013). Voenno-jekonomiceskij faktor pobedy Rossii nad Napoleonom v otechestvennoj istoriografii [The military-economic factor of Russia's victory over Napoleon in domestic historiography] // «I vechnoj pamjat'ju dvenadcatogo goda...». Materialy Vseros. nauch. konf., posvjashhh. 200-letiju Otech. vojny 1812 g. (Ekaterinburg, 14–15 dekabrya 2012 g.) / pod obshh. red. E. E. Prikazchikovoj. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. S. 196-201.
22. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda (1830). Sobr. 1-e (PSZRI-I) [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. Second Collection]. SPb.: Tip. vtorogo otdelenija Sobstvennoj E.I.V. Kanceljarii.
23. Rossiiskii gosudarstvennyi arkiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archives of Early Acts] [in Russian]. F. 271. Op. 1. D. 2739.
24. RGADA. F. 271. Op. 1. D. 2850.
25. RGADA. F. 271. Op. 1. D. 3033.
26. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive]. F. 1. Op. 1. D. 628.
27. Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive] F. 37. Op. 9. D. 155.
28. RGIA. F. 37. Op. 9. D. 156.
29. RGIA. F. 37. Op. 9. D. 167.
30. RGIA. F. 37. Op. 9. D. 291.
31. RGIA. F. 37. Op. 9. D. 382.
32. RGIA. F. 37. Op. 9. D. 401.

33. Sergievskii I.A. (2018). Zarozhdenie otechestvennogo instituta voennoi priemki na gornykh zavodakh Rossii v nachale 19 v. [The origin of the national institute of military acceptance at the mining plants of Russia at the beginning of the 19th century] // *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoryya. Filosofiya. Pravo.* N. 3. pp. 128-138.
34. Speranskii V.N. (1967). Voenno-ekonomicheskaia podgotovka Rossii k bor'be s Napoleonom v 1812-1814 godakh [Military-economic preparation of Russia for the fight against Napoleon in 1812-1814]. Dis. ... kand. ist. nauk. Gor'kii. 548 s.
35. Fomicheva T.S. (2008). Problemy sostojanija kazennoj gornozavodskoj promyshlennosti Urala v konce XIX v. v ocenkah sovremennikov [Problems of the state of the Ural state mining industry at the end of the 19th century in the assessments of contemporaries] // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* N. 24(125). S. 41-52.
36. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj respubliki (CGA UR) [Central State Archive of the Udmurt Republic]. F. 212. Op. 1. D. 1124.
37. Shilov A.V. (1966). K voprosu o vlijanii vojn nachala XIX v. na polozhenie gornozavodskoj promyshlennosti Urala [On the Impact of the Wars of the Early 19th Century on the Situation of the Ural Mining Industry] // *Uchen. zapiski Permskogo gos. un-ta.* N 158. Perm': B.m. S. 82-91.

Об авторе

Бакшаев Александр Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (Россия); E-mail: alexander.bakshaev@yandex.ru

Bakshaev Alexander Alekseevich – PhD (History), Associate Professor, Chair of Document management, Archival science and History of public administration, Ural Federal University names after B.N. Yeltsin (Russia). E-mail: alexander.bakshaev@yandex.ru

Дубровский А.М., доктор исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОСВЕЩЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И.В. СТАЛИНА И ЕГО РОЛИ В ПОБЕДЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ВО ВТОРОМ ИЗДАНИИ БИОГРАФИИ СТАЛИНА 1948 ГОДА

В статье идет речь о комплексе идей, который сложился в партии большевиков в своем зрелом виде в 1930-е гг. и проявлялся в пропаганде как кульп личности И.В. Сталина. В годы Великой Отечественной войны в среде фронтовиков этот кульп проявлялся слабее, чем в предвоенное время. Победа в войне дала новый импульс развитию этой идеи на историческом материале, главным образом – биографии Сталина, которая вышла вторым изданием в 1948 г. Главное внимание в жизни вождя авторы уделили его руководящей роли в социалистическом строительстве и в победе в Великой Отечественной войне. Освещая деятельность вождя в военную пору, авторы биографии сделали его пророком, предвидящим события войны и предупреждающим командование войск о намерениях противника, разработчиком планов решающих сражений. Stalin был представлен как спаситель страны. Новые исторические материалы обогащали фактологическую основу культа Сталина в идеологии партии. Послевоенные годы дали наивысший взлет в развитии этого комплекса.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, второе издание биографии Сталина, величайший полководец.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-19-31

Введение. В трудах, авторы которых затрагивали идеологию партии большевиков в советский период отечественной истории, главное внимание уделялось внедрению патриотических идей в духовный багаж ВКП(б) и общественное сознание населения СССР. Это было характерно как для зарубежной исторической мысли (она раньше отразила это явление), так и для российской. Обращал на себя внимание исследователей и кульп исторических героев, утвердившийся уже в 1930-х гг. Однако ряд теоретических положений большевизма оказался за рамками исследований как отечественных, так и зарубежных историков. К числу таких идейных комплексов относится комплекс, связанный с кульпом И.В. Сталина. Опубликована лишь одна работа о разработке этого комплекса в дореволюционный и межвоенный период истории большевизма [3].

Предлагаемая статья посвящена эволюции кульпа Сталина во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Методы. Главнейшим методом в настоящем исследовании является анализ и сопоставление текстов. Вместе с тем, в настоящей работе применяется анализ визуальных источников (иллюстрации в краткой биографии И.В. Сталина). Они не только воплощали в зримых образах идеи большевизма, но и дополняли их. Обладая эмоциональной окраской, они усиливали воздействие идей на сознание народа.

Результаты. В годы Великой Отечественной войны в среде фронтовиков кульп Сталина стал слабее, чем в довоенные годы. В наиболее популярных песнях, сочинённых и исполнявшихся в это время, о нём не говорилось ни слова, какую песню ни возьми из числа самых

любимых солдатами – «Священная война» (это была музыкальная эмблема войны), «Катюша» (сочинена в 1938 г., но особенно была любима в годы войны), «В землянке», «Синий платочек», «Смуглёнка», «Тёмная ночь», «Случайный вальс», «Дороги», «В лесу прифронтовом», «На солнечной полянке», «Вечер на рейде» «До свиданья, города и хаты»... Солдата на отдыхе тянуло к лирике, а не к политике. Его политикой был бой. В этих песнях не было также ни слова о партии, социализме, родном колхозе. Даже политические плакаты, полные драматизма и даже трагизма в первые два года войны, говорили в основном о таких общенародных (не классовых!) духовных ценностях, таких понятиях как «Родина», «армия», «народ», «победа».

В тылу же в связи с подъёмом религиозных настроений с течением времени укреплялась вера в прозорливость Сталина, в то, что ему ведомы сроки окончания войны. Победа в войне, естественно, сказалась на его почитании как главы государства, вооружённых сил, освободивших страну.

Эта победа была несомненным достижением Сталина, что он подчеркивал, снимаясь на фотопортреты в форме генералиссимуса и таким образом как бы помещая себя в ряд полководцев России. С течением времени устоялся новый официальный имидж: Stalin был представлен во френче с петлицами и с погонами, на которых были заметны большие звезды. Из всех наград на груди у вождя красовалась только звезда Героя Советского Союза.

29 июня 1945 г. «Правда» вышла с передовой статьей «Народ и вождь» [6, с.1]. В ней говорилось о том, что «жизнь тов. Сталина целиком отдана борьбе за народное благо и счастье», что «Сталин — это Ленин сегодня», что он «исходит

в своих замыслах и деяниях из учёта коренных интересов масс». В принципе эти словесные формулы были дежурным набором. Новым было следующее: о Сталине говорилось, что он «стоит на такой вышке, которых ещё не было. Он — величайший полководец всех времён и народов». «Источником исторической победы» в Великой Отечественной войне было определено «великое единение народа-победителя со своим вождём и полководцем» [6, с.1].

В 1946 г. на экраны вышел фильм «Клятва», в котором одним из центральных эпизодов была речь Сталина с клятвой в верности заветам Ленина. С этой речью Stalin выступил на II съезде Советов 26 января 1924 г. В фильме вопреки исторической правде вождь произносил эту клятву на Красной площади перед огромным скоплением народа, и народ вслед за Сталиным также приносил клятву. На протяжении нескольких номеров – с 31 июля по 15 августа – «Правда» писала об «огромном успехе» фильма. 8 августа «Правда» посвятила всю свою вторую страницу фильму. Общая «шапка» для опубликованных статей гласила: «Выдающееся достижение советской кинематографии». Самая большая статья была подписана именем М. Чаурели, режиссёра фильма и соавтора сценария наряду с П. Павленко, и называлась «Воссоздание великого образа». Несомненно, что текст или его большая часть была написана привлечёнными для выполнения такой задачи членами редакции «Правды». Создатель фильма взволнованно писал: «Показать облик Сталина на протяжении двух десятилетий! Уже одна мысль об ответственности этой задачи заставляла вновь и вновь задуматься над тем, хватит ли у нашего коллектива сил, чтобы успешно решить тему. Нужно было найти черты, характеризующие Сталина

и как гениального зодчего нового мира, и как величайшего полководца, творца новой тактики и стратегии, вдохновителя и организатора побед на фронте и в тылу. Мы должны ещё найти средства, чтобы раскрыть в художественном образе всю глубину и многогранность облика этого величайшего человека всех времён и народов».

Употреблённые в статье словосочетания были привычными или всё более становились (должны были становиться!) привычными для пропагандистов и идеологов того времени: «величайший человек всех времён и народов», «гениальный зодчий нового мира», «величайший полководец». Победа, к которой Stalin имел самое прямое отношение, способствовала употреблению самых пышных эпитетов, велеречивых оборотов речи.

С 1946 г. «Правда» особо отмечала выход каждого тома из собрания сочинений Сталина. Обычно статья о вышедшем книге занимала целую страницу газеты. Издание собрания сочинений утверждало выдающуюся роль Сталина как теоретика марксизма-ленинизма.

В 1948 г. было опубликовано второе издание биографии Сталина [1]. В первом издании 1939 г. авторы не были указаны. В книге 1948 г. их имена перечислены на титульном листе ниже названия. Это главный редактор «Правды» П.Н. Поспелов, философы Г.Ф. Александров, М.Б. Митин и В.С. Кружков, историки М.Р Галактионов и В.Д. Мочалов. В первом издании биографии 88 страниц, во втором – 243. Естественно, что прибавился материал по истории Великой Отечественной войны, но и вырос объем материала, относящегося к предыдущим периодам деятельности Сталина. Он

занял 176 страниц. Изданное в твердой обложке, совпадающей по цвету и формату с цветом обложек и форматом томов с сочинениями Сталина, это произведение примыкало к первым вышедшим томам этих сочинений.

Главные слова в названии книги «Иосиф Виссарионович Stalin» были напечатаны красными буквами. Это придавало торжественность, парадность изданию, которое выходило накануне 70-летнего юбилея Сталина. В первом издании биографии такого не было. Книга содержала не только текст, но и фотоснимки. Каждый из них по сути – иконический (образный) текст, несущий свою информацию политico-идеологического содержания. Он делал зрителям рассказ книги, дополнял и конкретизировал его. По своему содержанию эти фотографии не менее значимы, чем тот текст, с которым они были связаны.

После титульного листа была помещена фотография Сталина. Этот снимок демонстрировал народу вождя партии и государства. Тексты его выступлений и мифы, сложенные вокруг его имени, получили наглядное воплощение.

В первом издании биографии Сталина его облику присущи строгость, простота. Взгляд водя устремлен вдаль. Он как бы видит то, что пока еще не видно рядовым людям, его современникам. Фотограф не скрыл морщин в уголках глаз и на виске, обращенном прямо к зрителю. Положение фотокамеры несколько ниже уровня головы Сталина, поэтому и читатель книги смотрит на него снизу вверх. Фон, на котором помещено фотоизображение Сталина, довольно темный. Создан контраст между цветом лица и этим фоном. Эти детали также усиливали строгость облика.

На фотографии во втором издании книги Сталин был представлен не в том виде, каким его могли видеть современники в 70 лет, а времён 1920-х гг. Он показан довольно молодым и красивым с чуть заметной сединой и морщинками у глаз. В облике сквозит что-то изящное. Вождь смотрит с фотографии на читателя чуть сверху вниз прямо в глаза. Даже не смотрит, а пристально вглядывается, его веки едва прищурены, как это бывает, когда человек хочет разглядеть что-либо внимательно. Судя по другим

снимкам, этот прищур был характерен для Сталина. Кажется, что ничто не скроется от этого взгляда на неулыбающееся лицо. Как ни гляди на снимок, уклоняясь влево или вправо, глаза вождя пронизительно смотрят в глаза зрителю. Как и в предыдущем издании, фотокамера немного ниже уровня головы, поэтому зритель смотрит на вождя, как и положено, снизу вверх. Фон для фотографии выбран довольно светлый, опять-таки в отличие от первого издания. Это смягчает суровость облика.

Сталин внимательно относился к своим изображениям еще в начале 1920-х гг., когда он был всего лишь одним из руководителей партии. В 1922 г. художник Н.А. Андреев нарисовал его портрет. В это время Андреев создавал портреты делегатов конгресса Коминтерна, некоторых современников, в том числе политических вождей, в частности, Сталина. Получив портрет, Сталин расписался карандашом в нижней части. Потом, взглянувшись в своё изображение, он взял ручку с красными чернилами и сделал две надписи. Видимо, сперва под портретом он написал: «Ухо кричит, вопиет против анатомии». Потом, чтобы зачеркнуть

работу художника, застраховаться от публикации портрета, он сделал надпись прямо на изображении собственной щеки: «Ухо сие говорит о том, что художник не в ладах с анатомией» и подчеркнул свою подпись двумя чертами. А на ухе он поставил небольшой крестик, отмечая неудачное место [8, р.5].

Из этого эпизода понятно, насколько придирчиво Сталин рассматривал свои портреты, все детали, анализируя их и критически оценивая работу исполнителя. Видимо, он понимал, что в том или ином обличье он войдёт в историю.

Естественно, что прежде чем поместить свою фотографию в идеологически

важную книгу, Сталин внимательно рассматривал все предложенные ему снимки, размышлял, какой из них выбрать, какой именно наиболее удачно донесёт до

народа его облик. Он остановился на том, который, как и иные, был тщательно обработан ретушёром, приготовлен к показу в идеологически нужном ключе.

В основе опубликованного в биографической книге снимка лежит фотография, на которой было дано поясное изображение Сталина с правой рукой, положенной на какой-то предмет из мебели и со свисающей кистью этой руки. В облике Сталина сквозила власть благодаря пристальному и несколько суровому взгляду, направленному прямо на зрителя.

Улучшая облик вождя, искусный мастер-ретушёр смягчил тени на лице,

высветлил его, убрал складку на щеке справа от зрителя, на левой стороне сделал более высоким лоб, затемнил и даже уменьшил ухо, больше «прижал» его к голове, уменьшил ширину усов, сделал их более изящными, открыл часть верхней губы. Лицо сделал чуть уже, сгладил морщины в углу правого глаза, скрыл двойной подбородок. Но, главное, мастер поработал с глазами вождя. Он смог смягчить этот холодный подозрительный взгляд с

жёстким прищуром. Мебель, на фоне которой Сталин был запечатлён, в новом, преображенном снимке исчезла, был сделан светлый фон. На первоначальной фотографии чёрные волосы Сталина несколько сливались с темноватой стеной позади него. Теперь голова вождя резче контрастировала с фоном, ярче впечатывалась в восприятие зрителя. Поясной фотопортрет был сменён оплечным, лицо приближено к зрителю. Сталин получился и близким смотрящему на него человеку, и красивым, каким-то значительным, неординарным.

Другие снимки были не столь ответственными. Юношеский (в 16 лет), потом молодой поры в 22 года. Тут можно было допустить и некоторую небрежность в одежде, и сильную щетину на щеках и иное. Сталин здесь еще не вождь, превращение в мастера революции идет, главное впереди. А далее – две фотографии с Лениным (видимо, недаром именно две: верный и близкий к учителю ученик!), с Кировым (другом и однопартийцем, очень популярным вождём ленинградцев). Ряд фотографий демонстрировал государственную деятельность – на палубе крейсера «Червона Украина» (забота о вооруженных силах), Сталин и Горький (забота о культуре, близость к ее выдающимся творцам), «Сталин среди детей на Тушинском аэродроме. 1936 г.» (любовь к детям), «Сталин в рабочем кабинете», «Заседание Президиума Верховного Совета СССР» (собственно руководящая деятельность), фото на трибуне с поднятой рукой, видимо, в знак приветствия первомайской демонстрации (судя по легкому костюму). В той части книги, где освещался ход войны, была помещена фотография Сталина в военном мундире с орденами и медалями (1944 г.). Мундир как бы свидетельствовал о непосредственном участии Сталина в войне, а награды – о важных заслугах в ходе борьбы с врагом. Последняя фотография представляла Сталина в

группе маршалов, генералов и адмиралов – депутатов Верховного Совета СССР. Военные были главными героями второй половины 1940-х гг. На снимке их больше полусотни. А в центре – генералиссимус, тот, кто по званию выше всех. Снимок демонстрировал близость к военным, руководящую роль Сталина в их среде. Нет снимков с крестьянами, рабочими. Не было нужды демонстрировать демократизм и близость к народу.

Фотографии, сопровождавшие текст жизнеописания Сталина, показывали разные стороны личности вождя, удостоверяли, дополняли и таким образом усиливали сказанное в тексте. Они оживляли книгу, давали опору воображению читателя в виде зримых образов.

Структура текста биографии Сталина характерна для послевоенных лет. После победы в Великой Отечественной войне уже не было необходимости посвящать особое внимание событиям октября 1917 г. Они отошли в прошлое, которое для молодежи послевоенных лет было уже далекой историей. Отдаленной представлялась и гражданская война, тема которой в свое время сыграла важную роль в рождении культа Сталина. Поэтому событиям 1917 г. было отведено только 4% от объема всего текста, гражданской войне – чуть больше 5%. Значительное внимание было уделено истории строительства социализма – с середины 1920-х гг. до предвоенных лет. Эта часть заняла 30% объема. Естественно, что о войне рассказывалось подробно. Текст о ней занял почти 22%, несколько больше пятой части всей биографии Сталина и немногим уступил объему того фрагмента, который был посвящён социалистическому строительству. Война была важнейшим событием для всех жителей страны – от мала до велика. Тема о ней говорила многое любому. Это было событие, сплотившее народ, разных людей, которые в прошлом придерживались далеко не одинаковых взглядов,

занимали разное социальное положение. Сталин это понимал.

Словарь понятий в идейном комплексе культа Стalinа уже сложился до войны. Составители мало чего могли в него прибавить, разве что словосочетание «сталинское военное искусство», которое наполнялось не партийным, а чисто военным содержанием. В свое время Ворошилов в статье «Сталин и Красная Армия» не употреблял такого слова по отношению к Stalinу, а еще смел писать, что вождь «не имея никакой военной подготовки..., (мог) так хорошо понимать специальные военные вопросы» и говорил о Stalinе лишь как о «первоклассном организаторе и военном вожде», но не как о полководце [2, с.48-49, 59]. Конечно, теперь чаще употреблялось слово «гений», «гениальное» и т.п.

Во втором издании биографии Stalin'a авторы повторяли те мифы о жизни вождя, которые были представлены в первом. Здесь использовался тот же прием преувеличения роли и значения Stalin'a, его дел, его трудов. В связи с этим замалчивались имена других людей. Была и откровенная ложь.

Известно, что Stalin правил этот текст. В 16 томе собрания его сочинений опубликована правка, которую провел Stalin в тексте. Он снял упоминание фамилии своего отца – Джугашвили, – так как не желал выпячивать свое грузинское происхождение особенно в обстановке возвеличения именно русского народа [7, с.70]. Эту же цель преследовала вставка, указывающая на то, что Stalin поступил учиться в православную семинарию. Слово «православная» было вставлено Staliniным два раза [7, с.70].

Обращают на себя внимание проявления скромности вождя, сравнение которых обнаруживает определенную тенденцию в правке. Stalin засекнул слова о своей руководящей роли в стачке 1900 г., вписал имена других руководителей,

которые вместе с ним работали в Кавказском союзном комитете РСДРП или руководили стачкой бакинских рабочих в 1904 г., расширил «крепкое ядро испытанных большевиков-ленинцев, которые сплотились вокруг него после революции 1905 г., упомянул Свердлова в составе редакции «Правды» [7, с.71, 72]. Он явно стремился потесниться в ряду революционеров, дать место другим (Цхакая. Джапаридзе и др.) в интересах большей исторической точности и полноты. Stalin убрал текст постановления ЦИК о его награждении орденом Красного Знамени за руководство обороной Петрограда, вычеркнул явную ложь о том, будто он руководил работой XII съезда партии [7, с.74]. Поскольку XII съезд открыл L.B. Kamенев, а с политическим отчетом ЦК выступил G.E. Zиновьев, то Stalin счел за благо убрать фразу о своем руководстве и уточнить, что он выступал с «организационным отчетом», значение которого было гораздо меньшим, чем значение отчета политического.

Время противостояния революционных биографий давно прошло. Двадцатые годы вместе с борьбой Stalin'a, Troцкого и других канули в вечность. Революционное прошлое теряло свою ценность. Теперь Победа была главным козырем Stalin'a.

Stalin вставил в текст книги слова о том, что он ученик Ленина, правда, в отличие от других, «выдающийся» [7, с.74, 76]. Снизил оценку своих произведений. Вместо слов о разработке марксистско-ленинской теории Stalin вписывал иное – «конкретизация» теории [7, с.78, 81]. Вместо «сталинское учение о роли постоянно действующих факторов войны» вписывал «сталинский тезис» или «положение» [7, с.82, 83, 86-87], вместо «учения о советском патриотизме» – «тезис» [7, с.86], вместо «творец передовой советской военной науки» – «развил дальнее передовую советскую военную науку» [7, с.86], вместо «бессмертные образцы» – «выдающиеся» [7, с.87].

Несколько иначе Сталин представил своих политических оппонентов внутри партии. Он вычеркнул слово «предатель» применительно к Троцкому [7, с.71], заменил слова «защитники капитализма» применительно к Каменеву и Зиновьеву на «капитулянты» [7, с.75]. Слишком уж нелепо выглядело такое определение и применительно к дореволюционному времени (относительно Троцкого) и применительно к старым членам партии – той партии, которая изначально боролась против капитализма.

Однако думается, что это только часть работы Сталина в роли цензора. В полном объеме его корректировка предстает, когда текст второго издания биографии Сталина сравнивается с текстом первого. Ряд поправок по смыслу совпадает с теми коррективами, который опубликовали составители 16 тома, что является аргументом в пользу атрибутирования этой правки Сталину. Так, слова «скрытые защитники капитализма» применительно к Рыкову и Каменеву были заменены на «оппортунистическую и антиленинскую линию» [1, с.60].

В рассказе о событиях 1917 г. была сделана большая вставка в текст, где говорилось о VI съезде партии в июле-августе. В новом фрагменте говорилось о выступлении «троцкистов», «пытавшихся курс партии на социалистическую революцию поставить в зависимость от пролетарской революции на Западе», о том, как Stalin отверг эту идею и предсказал («слова Сталина были пророческими»), что Россия первой укажет путь к социализму [1, с.63-64].

Роль Сталина в октябрьских событиях была представлена как определяющая. Она нарастала от текста к тексту. В книге 1939 г. речь шла о том, что партийный центр большевиков в составе Военно-революционного комитета был его «душой и сердцем». Такая образная неопределенность позволяла не слишком грубо раздувать роль Сталина, входившего в этот

центр. Теперь, в новых условиях, когда многих современников событий не было в живых, можно было идти на большую фальсификацию прошлого. Партийный центр был определен как «руководящее ядро» комитета, а Stalin как руководитель этого «ядра» [1, с.65]. Уточняя картину событий, Stalin снял совершенно ложное утверждение, которое было допущено в издании 1939 г. о том, что «под руководством товарища Сталина разрабатывается план восстания и намечается самый срок» [4, с.31]. Зато появился новый фрагмент, где рассказывалось о заседании ЦК партии 16 октября. Тот факт, что в его работе участвовал Lenin – главный сторонник восстания – даже не упоминался. Речь шла только о том, что Stalin выступил против Каменева и Зиновьева, которые придерживались более осторожной тактики, чем радикально настроенные сторонники Lenina. Фрагмент как бы обличал врагов партии и оправдывал их уничтожение в 1936 г., а также выпячивал подлинно революционную позицию Сталина. В этом случае обошлось без подчеркивания его единства с Leninом.

После рассказа о взятии власти биографы перешли к началу государственной деятельности Сталина. И здесь Stalin сделал важное изъятие. В редакции 1939 г. речь шла о том, что он написал «Декларацию прав народов России» [4, с.32]. В новом издании это высказывание было убрано, так как проект документа написал Lenin, и в его собрании сочинений этот документ и был опубликован. Ни в 3 ни в 4 томах сочинений Сталина, выпущенных при его жизни и под его контролем, в тех томах, где были собраны его работы 1917 г., «Декларации» нет.

В освещении участия Сталина в гражданской войне, по сути, были повторены основные идеи Voroshilova. Только сделана вставка относительно того, что весной 1920 г. он работал на Украине, способствовал обеспечению углем

транспорт страны [1, с.79].

Завершая освещение истории гражданской войны, авторы сделали большую вставку (абзац, заполнивший страницу), в которой говорилось о том, что «все годы гражданской войны прошли под знаком тесного сотрудничества Ленина и Сталина. Они рука об руку строят и укрепляют Красную Армию. Ленин советуется со Сталиным по важнейшим вопросам... ...Между ними не прекращался обмен письмами, телеграммами, записками. Stalin регулярно знакомил Ленина... Он низменно обращался к Ленину... Ленин был чрезвычайно внимателен к просьбам Сталина... Stalin был главной опорой Ленина...» [1, с.80-81]. Таким путем стиралась память о главе Реввоенсовета Троцким и его роли в военных событиях.

Во втором издании содержание рассказа о дальнейшей деятельности Сталина практически не отличалось от того, что было освещено в издании 1939 г. Лишь большой новый фрагмент на полторы страницы (три абзаца) был посвящен «воспитанию советским обществом собственных кадров,... прежде всего своей интеллигенции» в середине 1930-х гг. Страна была «обильно насыщена новой техникой», и теперь понадобились люди, владеющие этой техникой [1, с.148-150].

Далее авторы в своем рассказе приближались к очень важной части истории страны и жизни вождя – Великой Отечественной войне, о которой в издании 1939 г., естественно, не было ни слова.

Тут авторы, формулируя оценки, характеристики, объяснения, могли опереться главным образом на выступления Сталина в ходе войны. Они подчеркнули, что «вождь и учитель трудящихся – товарищ Stalin встал во главе вооруженных сил СССР, возглавил борьбу советского народа» [1, с.183]. Он «пророчески предсказывал» в своем выступлении 3 июля, что «в этой освободительной войне советские люди не будут одиночками» [1, с.186]. Говоря о пророческом

характере высказывания Сталина, о его «предвидении», авторы как будто забыли, что еще до выступления вождя Англия и Соединенные Штаты заявили о поддержке Советского Союза в его борьбе с гитлеровской Германией.

Ориентируясь на слова Сталина о значении в войне обороны в известном письме к полковнику Разину, авторы его биографии писали о «тактике активной обороны, имевшей целью изматывание противника.... и подготовку условий к переходу в наступление» [1, с.188-189]. В этом высказывании сквозило представление о некоей преднамеренности отступления советских войск в начале войны, чего на самом деле не было ни в 1941 ни в 1942 гг.

Выпячивая роль Сталина, авторы писала о том, что именно им «был разработан и блестяще претворен в жизнь план обороны столицы, план разгрома немецких войск под Москвой» [1, с.189], кроме того, по утверждению авторов, он «лично руководил обороной Москвы, непосредственно направлял действия Красной Армии» [1, с.193]. Роль Г.К. Жукова, Генерального штаба, военных специалистов сводилась, по сути, к нулю. Указания Сталина авторы преподносили как решающее обстоятельство, влиявшее на ход войны («величайшее значение»).

Поражение гитлеровских войск под Москвой характеризовалось в книге как «разгром», авторы писали, что «советские войска... прошли местами на запад более 400 км» [1, с.193]. Однако о «разгроме», то есть полном уничтожении не было оснований говорить. Войска противника отступили от Москвы на 150-200 км, о чём молчали авторы. Преувеличивая успехи советских войск, авторы писали о «пре-восходстве стратегического плана наступательных операций, разработанного товарищем Сталиным» [1, с.194].

Летом 1942 г. Stalin якобы «своевременно разгадал план германского командования», считая, что для немцев по-

прежнему главная цель взятие Москвы. На самом деле, как известно, эта цель перестала быть актуальной для Гитлера уже в 1941 г., и уже тогда он начал готовиться к продвижению своих войск на юг Советского Союза.

План Сталинградской битвы авторы тоже приписали Сталину: «Разработанный и осуществлённый под руководством товарища Сталина стратегический план фланговых ударов обеспечил новую блестящую победу Красной Армии. Это была самая выдающаяся победа в истории великих войн. Одержанная... историческая победа – яркое торжество сталинской стратегии и тактики, торжество гениального плана и мудрого предвидения великого полководца, проницательно раскрывшего замыслы врага» [1, с.202-203].

Позже «товарищ Сталин вовремя разгадал план противника, рассчитывавшего ударом с двух сторон – из района Орла и из Белгорода окружить и уничтожить советские войска в излучине Курской дуги... Сталин предупредил командование войск... о возможном наступлении немцев» [1, с.205]. Кроме того, «призывы товарища Сталина... вызвали мощное партизанское движение» [1, с.207]. 1944 год был годом «успешного осуществления сталинского стратегического плана» [1, с.213].

Книга кончалась цитатой из речи Молотова на торжественном заседании, посвящённом 28 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». О роли вождя в войне Молотов сказал: «Это наше счастье, что в трудные годы войны Красную Армию и советский народ вёл вперёд мудрый и испытанный вождь Советского Союза – Великий Сталин» [1, с.243].

Все освещение истории войны в биографической книге о Сталине подводило именно к этому выводу. Он был непосредственным руководителем военных действий, организовывал работу в

тылу, поднял партизанское движение. Спаситель страны – так можно было бы определить роль Сталина в ее судьбе.

Книга о Сталине была направлена на утверждение его роли как непрекаемого руководителя. Она должна была воспитывать личную преданность каждого советского гражданина вождю. Биографическая книга о Сталине должна была укрепить его культ в идеологии партии, представляя роль этого вождя в ключевых событиях истории страны не только решающей, но и даже спасительной.

Безусловно, послевоенные годы были временем, когда культ Сталина достиг наивысшей точки в своем развитии. Между тем встает вопрос, в какой степени он затрагивал общественное сознание? Отвечая на него, обратимся к материалам очередного съезда партии.

В 1952 г. состоялся XIX съезд партии. Как сообщила мандатная комиссия, несколько больше половины участников съезда составляли люди в возрасте от 41 до 50 лет (61,1%), от 41 до 45 лет – 16,1% [5]. Все делегаты съезда пережили страшную войну и были ее участниками в той или иной роли. В их составе большую долю составляли фронтовики. Восприятие жизни, деятельности партии у них было уже не то, то у делегатов предыдущего XVIII съезда. Это заметно по реакции зала на выступления. Естественно, что речь каждого докладчика завершалась словами о Сталине. Имя Сталина уже не связывалось с именем Ленина, как это было на прежних съездах. О нем говорили как о «любимом вожде и учителе», «гениальном вожде». К Сталину было применено слово «полководец» не в смысле социальном, революционном, а в смысле военном. Зал откликался аплодисментами в конце выступлений, а по сути на имя Сталина. Однако реакция зала была уже заметно более спокойной, чем у делегатов XVIII съезда, даже на упоминание о Сталине в finale каждого выступления. Имя Сталина, произнесенное в середине

речи, как правило, не вызывало той, прежней, бурной реакции. Зато видно иное. Особенно остро зал реагировал на слова об обороне страны, на воспоминания о войне. Делегаты четыре раза прерывали речь Берии аплодисментами, когда он говорил о том, что Советский Союз не запугать провокациями, что его вооруженные силы способны нанести сокрушительный удар, что его обороноспособность стала сильнее, что он сумеет дать отпор врагу. Много внимания войне уделил в своей речи Н.А. Булганин. Он присутствовал на съезде в маршальском мундире, что служило зримым напоминанием о военных годах. Речь Булганина девятнадцать раз прерывалась аплодисментами, особенно тогда, когда он говорил о войне и современном состоянии обороны СССР, причем в последнем случае аплодисменты раздавались десять раз, из них половина приходилась на бурные и продолжительные.

Конечно, эмоциональная реакция делегатов съезда не в состоянии дать полной картины общественных воззрений и настроений, связанных с культом вождя. Но, думается, она может считаться до известной степени характерным явлением в духовной жизни общества.

Заключение. Итак, в послевоенные годы под непосредственным влиянием победы почитание Сталина, культ вождя поднялись на небывалую высоту. Возникла потребность обновить прежний материал о жизни Сталина, что и было сделано при его непосредственном участии. никаких новых идей, обоснований культа теоретическая мысль большевизма не выдвинула. Создатели обновленного облика вождя только подбирали исторические факты для максимального возвеличения его личности. К прежним характеристикам прибавилась мысль о Сталине как гениальном полководце.

Список литературы

1. Александров Г.Ф., Галактионов М.Р., Кружков В.С., Митин М.Б., Мочалов В.Д., Поспелов П.Н. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1948 – 244 с.
2. Ворошилов К.Е. Наш полководец – Сталин. М., 2014 – 208 с.
3. Дубровский А.М. Идеология большевиков и вождизм // История. Общество. Политика. 2024. №4 (32). С.21-35.
4. Иосиф Виссарионович Сталин (краткая биография). М., 1939 – 87 с.
5. Материалы XIX съезда КПСС / stalinism.ru/documentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss (дата обращения 24 апреля 2020).
6. Народ и вождь // Правда. 1945. 29 июня. С. 1.
7. Сталин И.В. Правка в макете второго издания книги «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография» // Соч. Т.16. Ч.1. М., 1947. - С.70-90.
8. King D. The Commissar Vanishes. The Falsification of Fotographs and Art in Stalin's Russia. N.Y., 1997 – 192 p.

COVERAGE OF THE PERSONALITY OF I.V. STALIN AND HIS ROLE IN THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE SECOND EDITION OF THE BIOGRAPHY OF STALIN IN 1948

The article deals with the complex of ideas that developed in the Bolshevik party in its mature form in the 1930s and manifested itself in propaganda as the cult of personality of I.V. Stalin. During the Great Patriotic War, this cult was less pronounced among front-line soldiers than in the pre-war period. The victory in the war gave a new impetus to the development of this idea based on historical material, mainly the biography of Stalin, which was published in the second edition in 1948. The main attention in the life of the leader was paid by the authors to his leading role in socialist construction and in the victory in the Great Patriotic War. Covering the activities of the leader during the wartime, the authors of the biography made him a prophet who foresaw the events of the war and warned the

command of the troops about the intentions of the enemy, the developer of plans for decisive battles. Stalin was presented as the savior of the country. New historical materials enriched the factual basis of the cult of Stalin in the ideology of the party. The post-war years gave the highest rise in the development of this complex.

Keywords: The Great Patriotic War, the second edition of Stalin's biography, the greatest commander.

References

1. Aleksandrov G.F., Galaktionov M.R., Kruzhkov V.S., Mitin M.B., Mochalov V.D., Pospelov P.N. (1948) Iosif Vissarionovich Stalin. Kratkaia biografia [Joseph Vissarionovich Stalin. Brief biography]. M. – 244 p.
2. Voroshilov K.E. (2014) Nash polkovodets Snalin [Our commander] M. – 208 p.
3. Dubrovskii A.M. (2024) Ideologiya bolshevismia i vozhdism [Bolshevik ideology and leadership] // Istoria. Obshchestvo. Politika. №4 (32). P.21-35.
4. Iosif Vissarionovich Stalin (1939) (kratkaia biografia) [Joseph Vissarionovich Stalin (short biography)] M. – 87 p.
5. Materiali XIX siezda KPSS (2020) [Materials of the XIX Congress of the CPSU] / stalinism.ru/documentsi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss (data obrashchenia 24 aprelia 2020).
6. Narod i vozhd (1945) [The people and the leader] // Pravda. 1945. 29 iunia. P. 1.
7. Stalin I.V. (1947) Pravka v makete vtorogo izdania knigi «Iosif Vissarionovich Stalin. Kratkaia biografia» [An edit in the layout of the second edition of the book "Joseph Vissarionovich Stalin. Brief biography"] // Soch. T.16. Ch.1. S.70-90.
9. King D. (1997) The Commissar Vanishes. The Falsification of Photographs and Art in Stalin's Russia. N.Y., 1997 – 192 p.

Об авторе

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г Петровского (Россия), E-mail: alexdubr48@mail.ru

Dubrovskii Aleksandr Mihailovich – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of National History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: alexdubr48@mail.ru

УДК 94(73)"1865/1870"

Калашников А.В., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

РОЛЬ «ЧЁРНЫХ КОДЕКСОВ» В СОПРОТИВЛЕНИИ ПОЛИТИКЕ КОНГРЕССОВСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ (1865-1867 ГГ.)

В статье рассматривается применение местного законодательства на Юге США в годы конгрессовской (1865-1870 гг.) Реконструкции. Исследование охватывает хронологические рамки первого периода эпохи. Ключевым методом работы был выбран системный подход, позволяющий раскрыть заявленную тему наиболее полно. Данное исследование главным образом основано на изучении содержания источников указанного периода — «чёрных кодексов», принятых в южных штатах. Особое внимание уделяется областям конституционных прав афроамериканских граждан Юга, попадающим под ограничение. Отражена реакция федерального правительства на принятые кодексы. На основе рассмотренного материала делается вывод, что сопротивление проводимой политике Реконструкции нашло своё отражение в принятии специфических законов, де-юре существенно ограничивающих, де-факто — отменяющих большую часть конституционных прав чернокожего населения южных штатов. В результате изучения ранее не столь известных документов, а также работ отечественных и зарубежных исследователей, автор приходит к выводу о решающем значении «чёрных кодексов» в формировании режима сегрегации в южных штатах.

Ключевые слова: Реконструкция, чёрные кодексы, республиканцы, демократы, бродяжничество, ученичество.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-32-46

Введение. Особенности расовой сегрегации в США получили подробное изучение в исторической науке, в том числе и среди отечественных ученых, указывавших на пагубное влияние данной практики на социально-экономическое положение чернокожего населения. В то же время истоки, причины внедрения и трансформации данной системы межрасовых взаимоотношений все еще требуют дополнительного изучения. Хотелось бы обратить внимание на следующий аспект проблемы — введение ограничений прав чернокожего населения явилось реакцией Юга на политику, проводимую радикальными республиканцами. Несмотря на компромиссную позицию Республиканской партии в вопросе межрасовых отношений на территории бывшей Конфедерации, сама попытка федеральных властей предоставить равные гражданские права обеим расам, вызывала сильнейшее неприятие белыми южанами всей политики Реконструкции. Причиной тому

была ломка традиционной иерархической системы довоенного Юга, основанной на превосходстве белой расы.

Как указывает современный отечественный исследователь С.А. Исаев, процесс, обратный Реконструкции, то есть возвращение рычагов управления в руки белых южан, сами южане назвали *Redemption* — «искупление». Это богословский термин: так по-английски называется искупление Христом грехов всего человечества на Голгофе. Южане имели в виду, что Юг погиб как политический субъект, потерпев в 1865 г. поражение в войне, но тем самым искупил все свои довоенные грехи, смог воскреснуть и восторжествовать над врагами. Активных участников этого реванша Юга называли *Redemptionists* [2].

Такое отношение в совокупности с поведением федеральной власти в дальнейшем вызвало закономерную реакцию - позволило законодательным собраниям Юга принять ряд актов, закреплявших дискриминацию недавно освобождённого

чернокожего населения, принявшего на себя основную тяжесть гнева южан из-за поражения в войне. Эти акты остались в истории под названием «чёрных кодексов».

Объекты и методы исследования.

Объектом данного исследования выступает законодательство Юга США периода конгрессовской Реконструкции. Предметом исследования является содержание «чёрных кодексов» южных штатов. Хронологические рамки определяются, периодом конгрессовской Реконструкции – 1865 г. начало принятия «кодексов» и конец – объявление о недействительности большей их части в 1867 г.

Методологической основой данного исследования стал системный подход, что предполагает ориентацию исследователя рассматривать взаимное влияние историю на политологию и экономику. Также в исследовании методологической основой стали принципы историзма, объективности и научности.

Хронологический метод использовался для датировки и выстраивания очередности, касающейся принятия «чёрных кодексов».

Автором широко использовались специальноисторические методы, такие, как историко-системный, историко-сравнительный, историкогенетический и другие. Все это в совокупности позволило провести комплексное изучение поставленной в статье проблемы.

Результаты и обсуждение. Нельзя не отметить, что некоторые элементы рабовой сегрегации уже имели место существовать на территории южных штатов еще в рабовладельческий период. До окончания Гражданской войны и принятия «чёрных кодексов» в 1865 г. захоронения белых и чернокожих покойников происходили на разных кладбищах, а во время богослужений в церквях свободнорожденные негры сидели отдельно, как правило, на втором этаже. Уже в послевоенное время чернокожие южане, добившись отделения от белых церковных

деноминаций, создали собственные негритянские баптистскую и методистскую церкви.

Во время Реконструкции Юга 1865–1877 гг. федеральные власти под управлением Республиканской партии ставили задачу добиться как можно большей интеграции освобожденного от рабства чернокожего населения региона в местный белый социум. Однако важно отметить, что даже под управлением Республиканской партии качество услуг, предоставляемых «цветному» населению, было довольно низким: негритянские приюты и школы для сирот были переполнены, а медпомощь больным афроамериканцам оказывалась в недостаточном количестве [1, с. 32–33].

Можно сказать, в тот момент на Юге произошла «демократическая революция» — более 3 млн. афроамериканцев получили гражданские права. Однако часть американской политической элиты вплоть до 1875 г. не считала их полноправными гражданами страны [3, с. 94]. Очевидно, она была заинтересована возвращении прежних рабовладельческих порядков и искала, на какую политическую силу опереться. Такой силой, выступавшей с консервативных позиций, в тот момент оказалась Демократическая партия. Вокруг неё стали концентрироваться противники равенства двух рас — силы, сопротивляющиеся проводившему на Юге курсу республиканцев.

Сопротивление проводимой политике могло принимать различные формы. Оно могло заключаться в затягивании принятия законодательными собраниями южных штатов Тринадцатой поправки. К примеру, так поступили в Делавэре и Кентукки. Неratифицировав поправку, штаты сохраняли легальное рабство до тех пор, пока оно не было запрещено на национальном уровне, т.е. когда поправка вступила в силу в декабре 1865 г. После вступления в силу Тринадцатой поправки штат был обязан пересмотреть свои

законы [11, pp. 102, 107].

Годы конгрессовской Реконструкции характеризуются сопротивлением проводимой политике властей, отразившемся в местном законодательстве через принятие «чёрных кодексов». Исходя из собственного названия, «чёрные кодексы» являлись сборником законов. В их состав, как правило, входили: Закон об избирательном праве, Закон о бродяжничестве, Закон о попечительстве и некоторые другие. Таким образом вводились в действие множественные ограничения прав чернокожего населения.

Первым штатом Юга, принявшим «чёрный кодекс», стал Миссисипи [13]. Его законы послужили образцом для тех, что были приняты в других штатах, начиная с Южной Каролины, Алабамы и Луизианы в 1865 г. и продолжая Флоридой, Вирджинией, Джорджией, Северной Каролиной, Техасом, Теннесси и Арканзасом в начале 1866 г. [19, pp. 2259-2260].

Из текстов «кодексов», в первую очередь, видно очевидное стремление ограничить комплекс политических и судебных прав.

Эпоху Реконструкции в Алабаме можно охарактеризовать как царящее превосходство белых. Законодатели штата уклонялись от федерального вмешательства с целью помочь чернокожим в получении гражданства и гражданских прав путем легализации свободы для них, однако предлагали белым людям больше социальной и экономической стабильности. Генеральная ассамблея штата признала Тринадцатую поправку, заявив, что «принудительный труд, за исключением преступлений, отменен и не должен быть восстановлен, и что с негритянской расой среди нас следует обращаться справедливо, гуманно и добросовестно». Кроме того, архивы штата Алабама показывают, что у вольноотпущенников были некоторые свободы, такие как право подать иск в суд и владеть собственностью, однако право голоса в их число не входило [20].

Значительно жестче к вопросу подошли в Южной Каролине. Здешний закон создал отдельные суды для чернокожих и разрешил смертную казнь за преступления, в том числе за кражу хлопка [6, р. 176]. Также была создана система лицензирования и письменных разрешений, которые затрудняли для чернокожих ведение нормальной торговли [12, pp. 601–602]. Кодекс Южной Каролины явно заимствовал термины и понятия из старых кодексов о рабах, вновь введя систему оценки «полных» и «частичных» работников и часто называя работодателей «хозяевами» [17, р. 46].

Похожая ситуация наблюдалась в Северной Каролине, где «чёрный кодекс» прямо устанавливал привилегии белых людей при подаче, отмене и передаче исков, их защите, а также право на те же привилегии при рассмотрении дел судом присяжных и на все связанные с этим привилегии. Отдельно подчеркнуто, что во всех судебных процессах по справедливости с их участием или против них их ответ «должен иметь ту же силу и действие во всех отношениях, что и ответ белых людей» [9].

Некоторые законы создавали неформальную, фактическую дискриминацию. Таким примером может служить закон, принятый в Кентукки. Введение запрета на охоту по воскресеньям не позволяло чернокожим рабочим охотиться в свой единственный выходной [11, pp. 13, 109].

Не обходили стороной и вопросы брака. Если в относительно «мягком» Теннесси союз между бывшими рабами и право на наследование нажитого ими имущества признавались [10], то в Мэриленде этот раздел запрещал смешанные браки: «Если какой-либо свободный негр вступит в брак с какой-либо белой женщиной или если какой-либо белый мужчина вступит в брак с какой-либо негритянкой, то по решению суда такой негр станет рабом на всю жизнь, а такой белый мужчина или белая женщина, вступившие в такой брак,

станут слугами на семь лет...» [8].

Зачастую такое явно расистское законодательство активно дополнялось местными властями, которые меньше рисковали получить негативную реакцию со стороны федерального правительства. В Опелусасе, штат Луизиана, был принят печально известный «чёрный кодекс», согласно которому максимально ограничивалось передвижение чернокожего населения - вольноотпущенники должны были получать письменное разрешение на въезд в город. Кодекс запрещал вольноотпущенникам жить в городе или гулять по ночам, кроме как под присмотром белого жителя [6, р. 177].

Из принятых в 1866 г. «чёрных кодексов» по своей строгости с луизианским могли сравниться только «чёрные кодексы» Флориды, Миссисипи и Южной Каролины. В первую очередь, это было связано с давлением со стороны плантаторов. Например, рабовладельцы Флориды, казалось, надеялись, что институт рабства будет просто восстановлен [18, р. 365-366]. Законодательное собрание Флориды даже после получения совета от губернатора и генерального прокурора, а также от Бюро по делам вольноотпущенников о невозможности на законных основаниях лишения чернокожих права ношения оружия, отказалось отменить эту часть кодекса [18, р. 373].

Особое значение в «чёрных кодексах» имели Законы о бродяжничестве и ученичестве. На практике эти законы означали введение системы принудительного труда. Внезапное сокращение рабочей силы стало вызовом для экономики Юга, зависевшей от интенсивного физического труда для получения прибыли от выращивания товарных культур, особенно хлопка [7, р. 29]. Вскоре после отмены рабства белые плантаторы столкнулись с нехваткой рабочей силы и искали способ справиться с ней.

Несмотря на то, что освобождённые не прекращали работать в одночасье, они

старались работать меньше. В частности, многие стремились сократить рабочее время по субботам, а женщины хотели уделять больше времени уходу за детьми [23, pp. 54–55]. По мнению П. Эммера, освобождённые люди демонстрировали такое «некапиталистическое поведение», потому что состояние собственности «защищало рабов от рыночной экономики», и поэтому они не могли «тщательно просчитывать экономические возможности» [7, pp. 35–36]. Альтернативное объяснение рассматривает замедление темпов роста как форму получения рычагов влияния посредством коллективных действий [5, pp. 16–17]. Освобождённые чернокожие ценили досуг и время, проведённое с семьёй, больше, чем денежную стоимость дополнительного оплачиваемого труда и определённо не хотели работать многие часы, к чему их принуждали всю жизнь [5, р. 14].

Распространено текст закона о бродяжничестве прописывался таким образом, что под определение «бродяги» можно было подвести любого чернокожего гражданина, если тот не желал работать за плату, предложенную плантатором.

Принятый в штате Миссисипи «Закон о предоставлении гражданских прав вольноотпущенникам» позволял чернокожим арендовать землю только в черте городов, фактически лишая их возможности зарабатывать на жизнь самостоятельным фермерством. Он требовал, чтобы каждый январь темнокожие предоставляли письменное подтверждение трудоустройства. Закон определял нарушение этого требования как бродяжничество, наказуемое арестом, за который арестовывающему выплачивалось 5 долларов из заработной платы арестованного. Положения, аналогичные законам о беглых рабах, обязывали возвращать сбежавших работников, терявших свою заработную плату на год [12, р. 600–601; 14, р. 2–3]. Дополненная версия закона о бродяжничестве также предусматривала наказания для сочувствующих белых.

Стремясь обеспечить доступность вольноотпущенников «для сельскохозяйственных нужд штата», законодательное собрание Луизианы приняло аналогичные законы о ежегодных контрактах и расширило законы о бродяжничестве. Теперь не уточнялось, что речь идёт о чернокожих преступниках, хотя в них была лазейка для «хорошего поведения», которую можно было интерпретировать как расистскую. Были принятые более жёсткие законы о беглых рабочих, и чернокожим требовалось предъявлять новым работодателям документы об увольнении: «Закон о бродяжничестве, который не делал различий между расами, был расширен, и было предусмотрено освобождение осуждённых бродяг (здесь освобождение предоставлялось тем, кто мог убедить судью в своём хорошем поведении и будущей законопослушности, очевидно, чтобы обеспечить выход для осуждённых белых), а срок наказания был увеличен с шести месяцев до года». Привлечение к ответственности, укрывательство или использование в качестве рабочей силы «беглых слуг» было объявлено уголовным преступлением, и законодатели внесли новую поправку, потребовав, чтобы все работодатели предъявляли письменное разрешение от бывшего хозяина работника [14, р. 5].

Подобная ситуация в трудовой сфере послужила причиной первого после окончания Гражданской войны рабовского бунта на Юге США. События произошли в Мемфисе (штат Теннесси) 1-3 мая 1866 г. Главной причиной беспорядков являлась конкуренция за низкооплачиваемый труд между выходцами из Ирландии и чернокожими. Расследование, проведенное Конгрессом США, свидетельствовало о гибели в результате бунта не менее 46 афроамериканцев и 2 белых. Ранения получили 75 афроамериканцев. Были сожжены 91 дом (в основном хижины и лачуги), и все 4 церкви и 8 школ, принадлежавшие афроамериканцам. В

результате около четверти афроамериканцев, составлявших половину населения Мемфиса, вынуждены были после резни навсегда покинуть город [3, с. 94].

В преамбуле аналогичного закона штата Вирджиния говорится, что «в последнее время в некоторых частях этого штата значительно увеличилось число праздных и беспутных людей». Данная фраза является косвенной ссылкой к отмене рабства, из-за которой большая часть чернокожего населения штата покинула его. С заметным количеством белых виргинцев ничего подобного не происходило, что позволяет говорить о направленности закона в основном на бывших рабов. В преамбуле также подмечались негативные последствия — если штат не примет меры, то «будет наводнён распутными и опустившимися людьми».

В качестве меры наказания закон разрешал мировым судьям и надзорателям за бедными арестовывать бродяг и сдавать их в аренду «на срок, не превышающий трёх месяцев». Однако если кто-либо из нанятых таким образом людей «без достаточных оснований» убегал, закон предусматривал суровое наказание. Бродяги должны были вернуться к своим работодателям, у которых они работали бы бесплатно, оставаясь на работе ещё на месяц и нося кандалы. Если бы ни один работодатель не взял их на работу, они были бы вынуждены работать на общественных объектах, также бесплатно и всё ещё нося кандалы. Если бы не было подходящих общественных объектов, бродяги были бы заключены в тюрьму и питались бы только хлебом и водой.

Ни один из многочисленных прецедентов, связанных с этим законом, не предусматривал ношение кандалов. Но в данном случае с бродягами — в частности, с теми, кто сбежал от принудительных работ и был пойман, — обращались так же, как с осуждёнными преступниками, которых отправляли на общественные работы или нанимали к частным

работодателям. В то же время то, как закон разрешал в основном белым мужчинам нанимать в основном чернокожих бродяг для работы на частных работодателей, почти наверняка напоминало освобождённым людям и другим правовую практику времён рабства: позволяло округам и городам требовать, чтобы свободных чернокожих, задолжавших по налогам, нанимали так, как если бы они были рабами [21].

Особенностью законодательной деятельности Арканзаса являлось то, что штат не принимал законы с жесткими ограничениями, как обременительные «черные кодексы». Чернокожие могли заключать контракты и владеть недвижимым или движимым имуществом, и не существовало закона о бродяжничестве. Тем не менее, в Арканзасе были приняты законы, запрещавшие афроамериканцам посещать школу вместе с белыми и голосовать, а также законы с ограничениями на трудоустройство и другими юридическими правами, которые часто классифицировались в «черных кодексах». Относительная мягкость законодательства Арканзаса связывается с тем, что политическая власть меньшинства крупных землевладельцев, подтолкнувшая штат к отделению, испарилась в послевоенный период [16].

Закон Южной Каролины «О семейных отношениях цветных людей» предусматривал специальный налог для чернокожих — всех мужчин и незамужних женщин, а те, кто его не мог уплатить, признавались виновными в бродяжничестве, а также предусматривалось принудительное обучение детей малоимущих родителей или родителей, которые не привили им «трудолюбие и честность». Интересно, что закон не предусматривал таких же наказаний для белых при обращении с беглецами [14, pp. 4–5].

«Акт об ученичестве» (полное название — «Акт для регулирования отношений между хозяином и учеником,

касающийся освобожденных негров, свободорожденных негров и мулатов») предполагал, что в январе и июле каждого года чиновники обязывались сообщать судам обо всех лицах указанных категорий моложе 18 лет, не имеющих родителей или не обеспеченных ими. Таких следовало отдавать в «ученичество» плантаторам на условиях, определяемых соответствующим судом. Бывший хозяин имел преимущественное право на то, чтобы заполучить такого «ученика». Допускалось «умеренное телесное наказание, какое отец или опекун может применить по отношению к своему ребенку». Беглых учеников следовало ловить и доставлять к мировому судье, чтобы уже он передавал беглеца опекуну [2; 15].

Во Флориде Закон о бродяжничестве предусматривал наказание в виде принудительных работ сроком до 1 года. Его правоприменение также связывалось с практикой принудительного детского труда. Детей, чьи родители были осуждены за бродяжничество, можно было нанимать в качестве учеников. Закон распространялся на любого «цветного человека», под которым понимался тот, у кого в родословной был по крайней мере один прадед-негр или 1/8 негритянской крови [18, pp. 374–375]. За проявленное неуважение к белым работодателям цветным работникам также следовало наказание [12, p. 603]. Явный расизм в законодательстве дополнялся дискрецией в правоприменении в практике правоохранительных органов и судебной системы [18, pp. 376–377].

В 1866 г. в Кентукки также был принят свод законов для чернокожих. Он также включал новые Законы о бродяжничестве и ученичестве, явно направленные против афроамериканцев, хотя напрямую они не упоминались. Закон о бродяжничестве предусматривал наказание за «шатание без работы» и «бесспорядочный образ жизни». Принятие закона привело к негативным последствиям — переполнению городских тюрем, а также

падению заработной платы ниже довоенного уровня [11, pp. 107–108, 112–113].

При всём размахе законодательной деятельности, «чёрные кодексы» так и не достигли своих целей. В ноябре 1865 г. генерал Оливер О. Ховард, глава Бюро по делам вольноотпущенников, заявил, что большая часть «чёрного кодекса» штата Миссисипи недействительна [12, p. 603]. В 1866 г. кодекс Южной Каролины стал предметом пристального внимания северной прессы и был подвергнут критике в сравнении с законами о вольноотпущенниках, принятыми в соседних штатах Джорджия, Северная Каролина и Вирджиния [22, p. 78].

Резкая реакция Севера на законы Миссисипи и Южной Каролины привела к тому, что некоторые штаты впоследствии приняли законы, запрещающие открытую расовую дискриминацию, однако их законы о бродяжничестве, ученичестве и других вопросах были составлены таким образом, чтобы обеспечить аналогичный расистский режим. Даже в тех штатах, которые тщательно устранили большую часть явной дискриминации в своих «чёрных кодексах», сохранились законы, предусматривающие более суровые наказания для чернокожих [17, p. 51].

Случались и иные precedents. Например, всего спустя 9 дней после принятия «Закона о бродяжничестве» в Вирджинии командующий армией США в штате Альфред Х. Терри издал прокламацию, запрещающую гражданским и военным чиновникам штата применять этот закон. Прокламация, датированная 24 января 1866 г., была попыткой объяснить реальный контекст закона. По словам Терри, белые работодатели сговорились платить бывшим рабам заработную плату «ниже реальной стоимости их труда» и, предположительно, в связи с практикой найма бывших рабов, «намного ниже цен, которые раньше платили хозяевам за труд их рабов». В результате «заработка плата, совершенно недостаточная для

содержания себя и своей семьи», стала нормой. Генерал также отмечал, что закон будет лишь поощрять искусственно заниженные зарплаты, вынуждая вольноотпущенников соглашаться на работу. И даже там, где не будет сговоров с целью снижения зарплат, «искушение создать их, предлагаемое законом, будет слишком сильным, чтобы ему можно было противостоять». «Конечным результатом принятия закона, — писал Терри, — станет возвращение вольноотпущенников в состояние рабства, худшее, чем то, от которого они были освобождены, — состояние, которое будет рабством во всём, кроме названия».

Выводы Терри побудили некоторых белых жителей Вирджинии отрицать, что закон был разработан для применения только к чернокожим. С целью снять с нового закона «клеймо» рабского труда, редактор газеты Richmond Daily Dispatch написал в статье: «На самом деле закон применим ко всем людям, независимо от цвета кожи. Мы видели, как белых мужчин осуждали за бродяжничество по старому закону и публично сдавали в аренду» [21].

Прокламация Терри привлекла внимание национальной прессы к положению вольноотпущенников в Вирджинии. Это, вероятно, повлияло на мнение Конгресса о том, что полная свобода для бывших рабов не может быть доверена государственным служащим в штатах бывшей Конфедерации, где регулярно принимались «Чёрные кодексы».

Итогом этих и подобных им разбирательств стало 3 января 1867 г. В этот день генерал Джозеф Б. Кидду из Бюро по делам вольноотпущенников объявил закон о договорах несправедливым по отношению к вольноотпущенникам и предотвратил его применение. Это сделало другие подобные трудовые кодексы Юга бесполезными [4].

Однако несмотря на то, что в 1870-х гг. в ряде штатов «чёрные кодексы» были формально отменены, расовая сегрегация,

порожденная данными законами, сохранилась, несмотря на нападки на эту практику на протяжении всей Реконструкции. Аналогичные положения, которые содержались в «кодексах», были включены в конституции и уголовные законы штатов.

Заключение (выводы). Эпоха Реконструкции является чрезвычайно интересным процессом, в ходе которого старые элиты постепенно теряли свою привычную политическую власть. Призванные затянуть данный процесс, «черные кодексы» стали промежуточным звеном между старыми законами о рабстве и сегрегацией.

В условиях социальной напряженности и сильного недоверия роль Республиканской партии в формировании сегрегации на Юге США явилась очевидной реакцией и предложенной альтернативой в силу

неспособности обеспечить конституционные права чернокожего населения без риска его прежнего угнетения заинтересованными политическими кругами сторонников Демократической партии.

Самым непосредственным результатом принятия «чёрных кодексов» стало не достижение каких-либо запланированных целей, а ускорение окончания периода Умеренной Реконструкции и приведение к новому федеральному вмешательству под руководством Конгресса.

Таким образом, слабо продуманная политика радикальных республиканцев в конечном итоге привела к закреплению в США расовой дискриминации и сегрегации, которые превратились в острейшее социальное противоречие, последствия которого сохраняются и в наши дни.

Список литературы

1. Воробьев Д. Н. Создание и закрепление системы расовой сегрегации на Юге США (конец XIX - начало XX вв.) // Вестник БГУ. 2020. №4 (46). С. 31-40.
2. Исаев С. А. Эпоха Реконструкции и процесс Реконструкции в истории США, 1861–1877 гг.: Политико-правовой обзор / С. А. Исаев // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. тр / под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. - Вып. 8. - Курск : Курский гос. ун-т, 2016. - С. 70-92. [Электронный ресурс]. URL: <https://america-xix.ru/library/isaev-reconstruction/> (дата обращения: 15.09.2024).
3. Прилуцкий В.В. Вооруженное политическое насилие на Юге США во время Президентской и Конгрессовской Реконструкции (1865-1870 гг.) Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 3 (10) / гл. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2024. С. 91 — 99.
4. Black Codes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tshaonline.org/handbook/entries/black-codes> (дата обращения: 15.09.2024).
5. Cohen, W. At Freedom's Edge: Black Mobility and the Southern White Quest for Racial Control, 1861-1915. 1991. 362 p.
6. DuBois, Black Reconstruction. 1935. 767 p.
7. Emmer P. "The Price of Freedom" (1992) The Constraints of Change in Postemancipation America. In Frank McGlynn & Seymour Drescher (eds.), The Meaning of Freedom: Economics, Politics, and Culture after Slavery. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, pp. 23-47.
8. Excerpts From Maryland's Black Codes (1865) - US History Scene. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushistoryscene.com/article/excerpts-marylands-black-codes-1865/> (дата обращения: 15.09.2024).
9. Excerpts From North Carolina Black Codes (1866) - US History Scene. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushistoryscene.com/article/excerpts-north-carolina-black-codes-1866/> (дата обращения: 15.09.2024).
10. Excerpts From Tennessee Black Codes (1865) - US History Scene. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushistoryscene.com/article/excerpts-tennessee-black-codes-1865/>

(дата обращения: 16.09.2024).

11. Forehand B. (1996). Striking Resemblance: Kentucky, Tennessee, Black Codes and Readjustment, 1865-1866/ Masters Theses & Specialist Projects. Paper 868.
12. Forte D. F. Spiritual Equality (1998): 43 Loy. L. Rev. 569 1997-1998 [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/301546051.pdf> (дата обращения: 21.09.2024).
13. Missisipi Black Codes [Электронный ресурс]. URL: <https://teachingamericanhistory.org/document/black-codes-of-mississippi/> (дата обращения 21.09.2024).
14. Novak D. A. Wheel of Servitude. 1978. 126 p.
15. Oberholtzer E.P. A History of the United States since the Civil War. 1917. 1:128–129.
16. Post-bellum Black Codes - Encyclopedia of Arkansas [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopediaofarkansas.net/entries/post-bellum-black-codes-5997/> (дата обращения: 20.09.2024).
17. Ranney J. A. In the Wake of Slavery (2006), 212 p.
18. Richardson J. M. *Florida Black Codes* (1969), *Florida Historical Quarterly*: Vol. 47: No. 4, Article 4.
19. Stewart, G. (1998). "Black Codes and Broken Windows: The Legacy of Racial Hegemony in Anti-Gang Civil Injunctions". *The Yale Law Journal*. Vol. 107, No. 7 (May, 1998), pp. 2249-2279.
20. The Harmfulness of Black Codes in the State of Alabama - AAIHS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aaihs.org/the-harmfulness-of-black-codes-in-the-state-of-alabama/> (дата обращения: 21.09.2024)
21. Vagrancy Act of 1866 [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopediavirginia.org/entries/vagrancy-act-of-1866/> (дата обращения: 21.09.2024).
22. Williamson J. *After Slavery* the Negro in South Carolina during Reconstruction, 1861-1877 (1965), 442 p.
23. Wilson, T.B. The Black Codes of the South (1965), 177 p.

THE ROLE OF THE "BLACK CODES" IN THE FORMATION OF SEGREGATION IN THE SOUTHERN UNITED STATES DURING THE PERIOD OF CONGRESSIONAL RECONSTRUCTION (1865-1867).

The article examines the application of local legislation in the Southern United States during the years of Congressional (1865-1870) Reconstruction. The study covers the chronological framework of the first period of the epoch. A systematic approach was chosen as the key method of work, which makes it possible to reveal the stated topic most fully. This study is mainly based on the study of the content of the sources of the specified period — the "black codes" adopted in the southern states. Special attention is paid to the areas of constitutional rights of African-American citizens of the South that fall under the restriction. The reaction of the Federal Government to the adopted codes is reflected. Based on the reviewed material, it is concluded that the resistance to the Reconstruction policy is reflected in the adoption of specific laws that de jure significantly restrict, de facto abolishing most of the constitutional rights of the black population of the southern states. As a result of studying previously unknown documents, as well as the works of domestic and foreign researchers, the author comes to the conclusion about the crucial importance of the "black codes" in the formation of the segregation regime in the southern states.

Keywords: Reconstruction, black codes, Republicans, Democrats, vagrancy, apprenticeship.

References

1. Vorob'ev D. N. (2020) Sozdanie i zakreplenie sistemy rasovoj segregacii na Yuge SShA (konec XIX - nachalo XX vv.) [Creation and consolidation of the system of racial segregation in the South of the USA (late 19th - early 20th centuries)] // Vestnik BGU. №4 (46). S. 31-40.
2. Isaev S. A. (2016) Epoha Rekonstrukcii i process Rekonstrukcii v istorii SShA, 1861–

1877 gg.: Politiko-pravovoij obzor [The Era of Reconstruction and the process of Reconstruction in the history of the United States, 1861-1877: A Political and legal review] / S. A. Isaev // Amerikanistika: Aktual'nye podhody i sovremennoye issledovaniya: mezhvuz. sb. nauch. tr / pod red. T. V. Alent'evoj, M. A. Filimonovo. - Vyp. 8. - Kursk : Kurskij gos. un-t. - C. 70-92. URL: <https://america-xix.ru/library/isaev-reconstruction/> (accessed: 15.09.2024)

3. Priluckij V.V. (2024) Vooruzhennoe politicheskoe nasilie na Yuge SShA vo vremya Prezidentskoj i Kongressovskoj Rekonstrukcii (1865-1870 gg.) [Armed political violence in the South of the United States during the Pre-Presidential and Congressional Reconstruction (1865-1870).] Amerikanistika na Dal'nem Vostoke: ezhegodnyj byulleten'. Vyp. 3 (10) / gl. red. D. V. Kuznecov. – Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU. S. 91 — 99.

4. Black Codes URL: <https://www.tshaonline.org/handbook/entries/black-codes> (accessed: 15.09.2024).

5. Cohen W. (1991). At Freedom's Edge: Black Mobility and the Southern White Quest for Racial Control, 1861-1915. 362 p.

6. DuBois (1935). Black Reconstruction. 767 p.

7. Emmer P. (1992) "The Price of Freedom". The Constraints of Change in Postemancipation America. In Frank McGlynn & Seymour Drescher (eds.), The Meaning of Freedom: Economics, Politics, and Culture after Slavery. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, pp. 23-47.

8. Excerpts From Maryland's Black Codes (1865) - US History Scene. URL: <https://ushistoryscene.com/article/excerpts-marylands-black-codes-1865/> (accessed: 15.09.2024).

9. Excerpts From North Carolina Black Codes (1866) - US History Scene. URL: <https://ushistoryscene.com/article/excerpts-north-carolina-black-codes-1866/> (accessed: 15.09.2024).

10. Excerpts From Tennessee Black Codes (1865) - US History Scene. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushistoryscene.com/article/excerpts-tennessee-black-codes-1865/> (дата обращения: 16.09.2024).

11. Forehand B. (1996). Striking Resemblance: Kentucky, Tennessee, Black Codes and Readjustment, 1865-1866/ Masters Theses & Specialist Projects. Paper 868.

12. Forte D. F. *Spiritual Equality* (1998): 43 Loy. L. Rev. 569 1997-1998 URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/301546051.pdf> (accessed: 21.09.2024)

13. Mississippi Black Codes URL: <https://teachingamericanhistory.org/document/black-codes-of-mississippi/> (accessed: 21.09.2024)

14. Novak D. A. (1978). Wheel of Servitude. 126 p.

15. Oberholtzer E.P. *A History of the United States since the Civil War*. 1917. 1:128–129.

16. Post-bellum Black Codes - Encyclopedia of Arkansas URL: <https://encyclopediaofarkansas.net/entries/post-bellum-black-codes-5997/> (accessed: 20.09.2024)

17. Ranney J. A. (2006). In the Wake of Slavery. 212 p.

18. Richardson J. M. (1969). Florida Black Codes. Florida Historical Quarterly: Vol. 47: No. 4, Article 4.

19. Stewart, G. (1998). "Black Codes and Broken Windows: The Legacy of Racial Hegemony in Anti-Gang Civil Injunctions". The Yale Law Journal. Vol. 107, No. 7. pp. 2249-2279.

20. The Harmfulness of Black Codes in the State of Alabama - AAIHS URL: <https://www.aaihs.org/the-harmfulness-of-black-codes-in-the-state-of-alabama/> (accessed: 21.09.2024)

21. Vagrancy Act of 1866. URL: <https://encyclopediavirginia.org/entries/vagrancy-act-of-1866/> (accessed: 21.09.2024).

22. Williamson J. (1965) *After Slavery* the Negro in South Carolina during Reconstruction, 1861-1877. 442 p.

23. Wilson, T.B. (1965). The Black Codes of the South. 177 p.

Иллюстрации к статье А.В. Калашникова

Фотографии из открытых источников

THE BLACK CODES
Library of Congress.

Рис. 1. На приведённом изображении предположительно зачитывается указ законодательного собрания Луизианы о принятии "чёрного кодекса". Источник: Louisiana Black Code, 1865, Senate Executive Document No. 2, 39th Congress, 1st Session., p. 93. Speaking of America, Vol. II: Since 1865, Laura A. Belmonte.

CHAPTER CXXVIII

An Act to define and declare the rights of persons lately known as Slaves, and Free Persons of Color.

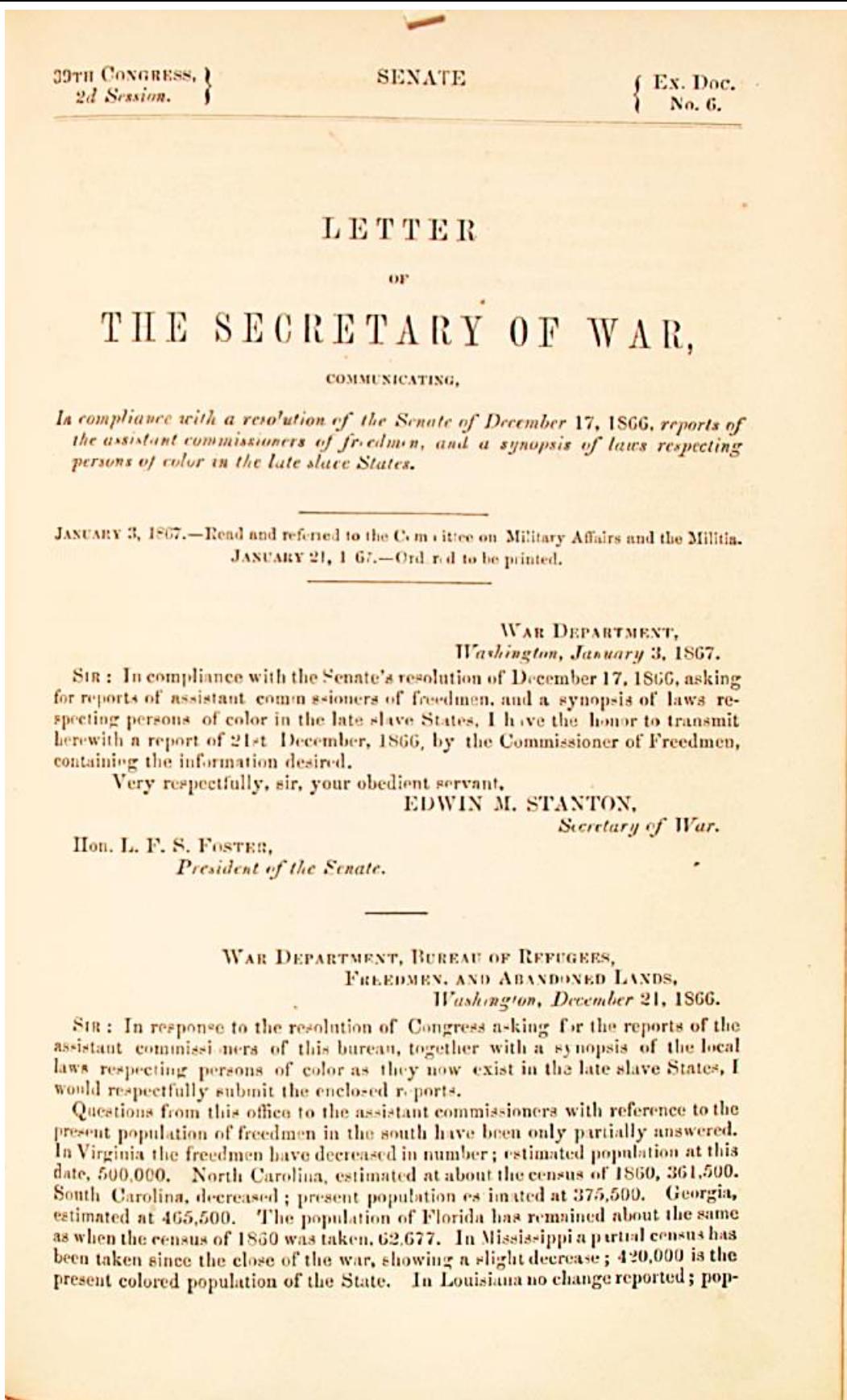
Section 1. Be it enacted by the Legislature of the State of Texas, That all persons heretofore known as slaves, and free persons of color, shall have the right to make and enforce contracts, to sue and be sued, to inherit, purchase, lease, hold, sell, and convey real, personal and mixed estate; to make wills and testaments, and to have and enjoy the rights of personal security, liberty, and private property, and all remedies and proceedings for the protection and enforcement of the same; and there shall be no discrimination against such persons in the administration of the criminal laws of this State.

Sec. 2. That all laws and parts of laws relating to persons lately held as slaves, or free persons of color, contrary to, or in conflict with the provisions of this act, be and the same are hereby repealed: Provided, nevertheless, that nothing herein shall be so construed as to repeal any law prohibiting the intermarriage of the white and black races, nor to permit any other than white men to serve on juries, hold office, or vote at any election, State, county, or municipal: Provided, further, that nothing herein contained shall be so construed as to allow them to testify, except in such cases and manner as is prescribed in the Constitution of the State.

Approved November 10, 1866.

Рис. 2. Страница «чёрного кодекса» штата Техас, принятого 10 ноября 1866 г.

Источник: <https://www.tshaonline.org/handbook/entries/black-codes>

Рис. 3. Выдержки из «черных кодексов» Северной Каролины (1866). Автор: Энни Кэмпбелл. Источник: «Законы, касающиеся вольноотпущенников», 39-й Конгресс, 2-я сессия, Сенат, Исполнительный документ 6, «Дела вольноотпущенников». 5-17 стр. 53. URL: <https://ushistoryscene.com/article/excerpts-north-carolina-black-codes-1866/>

Рис. 4. Генерал США Альфред Х. Терри. Фото между 1860 и 1875 г. Источник: Library of Congress Prints and Photographs Division. Brady-Handy Photograph Collection // URL: <http://hdl.loc.gov/loc.pnp/cwpbh.00101>

Рис. 5. Генерал США Джозеф Б. Кидду. Фото примерно между 1860 и 1865 гг. Источник: National Archives at College Park. Still Picture Records Section, Special Media Archives Services Division (NWCS-S).

Об авторе

Калашников Алексей Валерьевич – аспирант кафедры всеобщей истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alekseykalashnikov2000@gmail.com

Kalashnikov Aleksey Valerievich — postgraduate student of the Department of General History, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: alekseykalashnikov2000@gmail.com

Кулаков В.И., доктор исторических наук, Институт археологии РАН, Москва (Россия)

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ, СВЯЗАННЫХ С КУЛЬТОМ И ВЕРОВАНИЯ ЭСТИЕВ И ПРУССОВ

Приведённый в предлагаемой статье краткий обзор категорий археологических находок позволяет сделать убедительный вывод о том, что духовная культура дохристианской поры оставила в археологии населения западной окраины балтского мира заметный след. Культовые разовые акции и серийные церемонии отражались в предметных реалиях, будь то каменные и ямные конструкции и/или комплексы артефактов. Таким образом археологический материал, уверенно связываемый с культовыми аспектами, становится надёжным источником наших знаний о духовной культуре пруссов доорденского времени и позволяет составить о ней вполне наглядное представление у наших современников.

Ключевые слова: Самбия, юго-восточная Балтия, культ, могильники, жертвоприношения, украшения.
DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-47-56

К настоящему времени рассмотрение духовной культуры пруссов, прежде всего – их культовых воззрений, в археологическом материале юго-восточной Балтии не привлекало внимания европейских археологов. В значительно степени этот феномен связан со сложностью интерпретации культовых объектов в археологической практике. Как говорится среди археологов-полевиков, если не знаешь, что раскопал, это – культовый объект.

На протяжении многих десятилетий редкие историки обращались к проблеме прусских дохристианских верований, используя при этом исключительно письменные источники, без всякого применения данных археологии, долгое время просто отсутствовавших по данной тематике [11, с. 350-455]. Культовые объекты эстииев и пруссов, которые являются объектом рассмотрения в предлагаемой статье, долгое время не вычленялись из массива памятников археологии провинции Вост. Пруссия. В предвоенное время молодой тогда представитель прусской археологической школы Вальтер Гронau собрал краткие данные об открытых участках на могильниках пруссов, охарактеризовав их как культовые поминальные объекты [15, S. 140]. В послевоенное время первая советская исследовательница древностей пруссов Фрида Давидовна

Гуревич предприняла попытку выявления культовых аспектов (культ змеи) в фибулах и браслетах раннесредневековых обитателей совр. территории Латвии и Литвы [1, с. 68-76]. К сожалению, прусский материал ей остался неизвестным.

В 1977 г. Балтийская экспедиция Института археологии АН СССР раскопала первый в местной археологической практике послевоенного времени культовый объект на могильнике Yrzekar-pinis/Клинцовка-1. В соответствии с идеями упоминавшегося выше Вальтера Гронau эта открытая культовая площадка была интерпретирована как поминальный комплекс [2, с. 87-9] В последующие годы было открыто раскопками на побережье Северной Самбии (ныне – Калининградский п-ов) ещё несколько подобных объектов [12, с. 150-171], в ряде случаев занимавших значительную площадь (**рис. 1**). Типичными для культовых площадок являются окружающие её территорию камни и/или столбовые ямы [13, рис. 4] и невероятное для прусской археологии отсутствие вещественных находок, что свидетельствует о культовой чистоте, которую на данных площадках поддерживали пруссы. Нередко в пределах таких площадок находились жертвенные (?) камни, иногда – со следами обработки (**рис. 2,1**). Культовые камни, являвшиеся, в представлении

пруссов, пунктами контактов с различными мифологическими мирами, иногда встречаются вне каких-либо комплексов (**рис. 2,2**), их культовые функции были связаны либо с жертвоприношениями определённым божествам, либо – поминальным жертвам [13, с. 108, 109].

Письменные источники позволили три десятилетия тому назад воссоздать автору этих строк иерархию членов прусской общины предорденской поры [3, с. 138]. Судя по упоминанию различных типов жрецов, некая градация существовала и среди них. Низший ранг священников прусского культа составляли жрецы-вурсхайты (**рис. 3, слева**), отправлявшие свои функции, очевидно, на упоминавшихся выше открытых культовых площадках при могильниках. Жертвенные возлияния (в т.ч. – на культовые камни) упомянутые жрецы осуществляли при помощи чащ-kauszele, хорошо известных в прусском керамическом материале (**рис. 3, справа**) и восходящие типологически к сводам черепов человеческих жертв эпохи неолита.

Сходную по сакральному смыслу с оградами культовых площадок функцию выполняли каменные оградки и кладки вокруг/над грунтовыми погребениями эстииев начала нашей эры, нередко перекрывавшие надгробные камни типа Merkstein (**рис. 4**). Как известно в прусской археологии, ещё с эпохи существования культуры западно-балтийских курганов местные надгробные насыпи воспринимались балтскими аборигенами как культовые, экстерриториальные сооружения, нуждавшиеся в сакральной защите, в частности – в виде каменных колец и кладок [16, с. 21].

Ещё одним объектом археологического исследования на территории исторической Пруссии являются клады. Значительная их часть была скрыта в земле в виде жертв богам, на что указывают высокая ценность депонированных предметов (**рис. 6**) и их невостребованность владельцами [10, с. 5, 6]. Важно отметить то, что серебряные предметы в кладах принадлежали, как правило, балтам, а золотые –

германцам. Традиционно, блеск золота балтов на всём протяжении их древней истории не привлекал. Как правило, изделия из упомянутых драгоценных металлов в составе кладов не совпадают.

Раскопки широкими площадями прусских грунтовых могильников позволили выявить жертвенные предметы как в слое могильников (**рис. 7**), так и непосредственно в пределах погребения (**рис. 8**). Примечательно то, что в первом упомянутом случае жертвоприношений находки, будучи не привязанными к определённым комплексам, тем не менее хронологически не отличаются от основного массива погребального инвентаря. Напротив, монетные находки в могилах (**рис. 8,2,3**) иногда отстают от даты осуществления погребения на несколько столетий. В данном случае перед нами – свидетельство долгой исторической памяти представителей прусского общества, сохранение ими родственных связей с далёкими предками.

Не только жертвенные предметы, но и детали самого убora прусских женщин (различные металлические детали одежды) и, в меньшей степени, мужчин (подковообразные фибулы), были исполнены символического смысла, служа магической защитой от враждебных мифических сил [14, с. 49].

Итак, приведённый в данной статье краткий обзор категорий археологических находок позволяет сделать убедительный вывод о том, что духовная культура дохристианской поры оставила в археологии населения западной окраины балтского мира заметный след. Культовые разовые акции и серийные церемонии отражались в предметных реалиях, будь то каменные и ямные конструкции и/или комплексы артефактов. Таким образом археологический материал, уверенно связываемый с культовыми аспектами, становится надёжным источником наших знаний о духовной культуре пруссов доорденского времени и позволяет составить о ней вполне наглядное представление у наших современников.

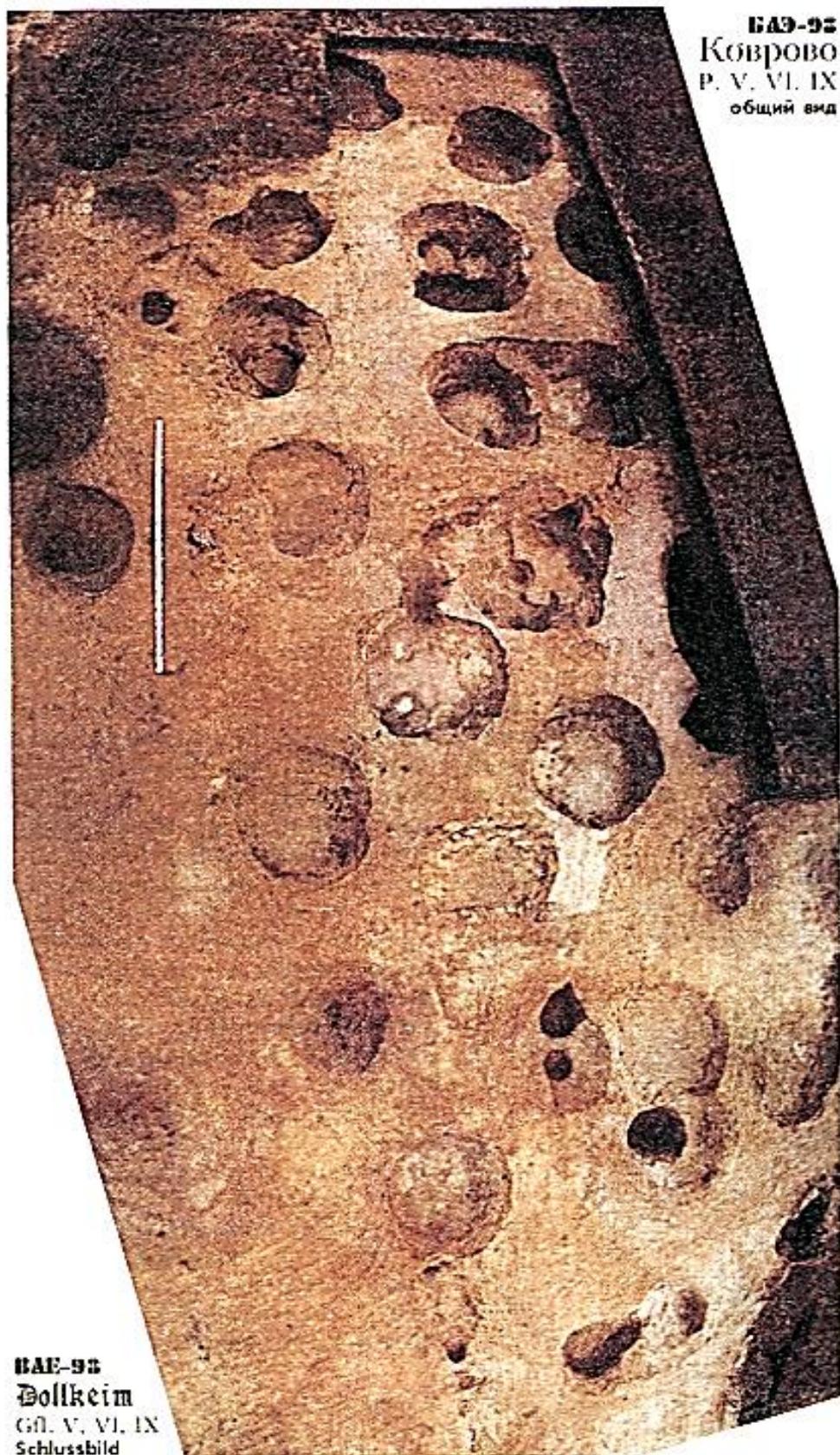
Список литературы

1. Гуревич Ф.Д. Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников: К вопросу о культе змеи в Прибалтике // КСИИМК. Вып. 15. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947 - С. 68-76.
2. Кулаков В.И. Ритуальный комплекс в могильнике у Клинцовки // КСИА, вып. 160, М.: издательство «Наука», 1980 - С. 87-92.
3. Кулаков В.И. Прусы (5 - 13 вв.) М.: «Геоэко», 1994 - 208 С.
4. Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: Изд-во «ПЕН-Клуб», 2012 - 222 С.
5. Кулаков В.И. Прусы эпохи викингов. Жизнь и быт община Каупа. М.: «Книжный мир», 2016 - 346 С.
6. Кулаков В.И. Гора Великанов: исток Янтарного пути. Пионерский: «Калининградская книга», 2017 - 71 С.
7. Кулаков В.И. У начала Янтарного пути. Северная Самбия. Калининград: «Калининградская книга», 2021а -125 С.
8. Кулаков В.И. Декапитация и прусские жертвенные чаши // Учёные записки Новгородского государственного университета, № 4 (37), Новгород Великий: Новгородский госуниверситет им. Ярослава Мудрого, 2021б - С. 381-388.
9. Кулаков В.И. Поминальная обрядность раннесредневековых пруссов (по данным могильника Kl. Кауп) // Проблемы истории, филологии, культуры, № 4, М.-Магнитогорск-Новосибирск: Институт археологии РАН, 2021в - С. 194-208.
10. Кулаков В.И. Причины депонирования вещевых кладов в юго-восточной Балтии // Проблемы межрегиональных связей, № 25, Калининград: ООО «РА Полиграфычъ», 2024 - С. 5-10.
11. Мержинский А. Ф. Ромове. Археологическое исследование // Труды X Археологического съезда в Риге. Т. 1. М., Рига, 1899 - С. 350-455.
12. Смирнова М.Е. Открытые культовые площадки северного побережья Самбии // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок, М.: Институт археологии РАН, 2001а - С. 150-173.
13. Смирнова М.Е. Культовые камни раннесредневековых пруссов // Гістарычна-археалагічны зборнік, №16. Минск: Институт истории НАНБ, 2001б - С. 98-110.
14. Хомякова О.А. Отражение религиозного мировоззрения в одежде прусских женщин XII-XIII веков // Человек в истории: личность, быт, менталитет. Вып. 1. Сборник материалов студенческого научного общества исторического факультета. Калининград: Издательство КГУ, 2003 - С. 44-50.
15. Gronau W. Kultstätten bei ostpreussischen Gräberfelder // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit, Jg. 14, H. 3, 1938 - S. 129-146.
16. Hoffmann M.J. Zachodnionatyjskie kurhany – symbolika pomników architektury sepulkralnej // Studia Angerburgika, t. 11, Węgorzewo: Muzeum kultury ludowej w Węgorzewie, 2006 - S. 8-24.
17. Petersen E. Der ostelbische Raum als germanisches Kraftfeld im Lichte der Bodenfunde des 6.-8. Jahrhunderts, Leipzig: C. Kabitzschi Verlag, 1939 - 291 S.

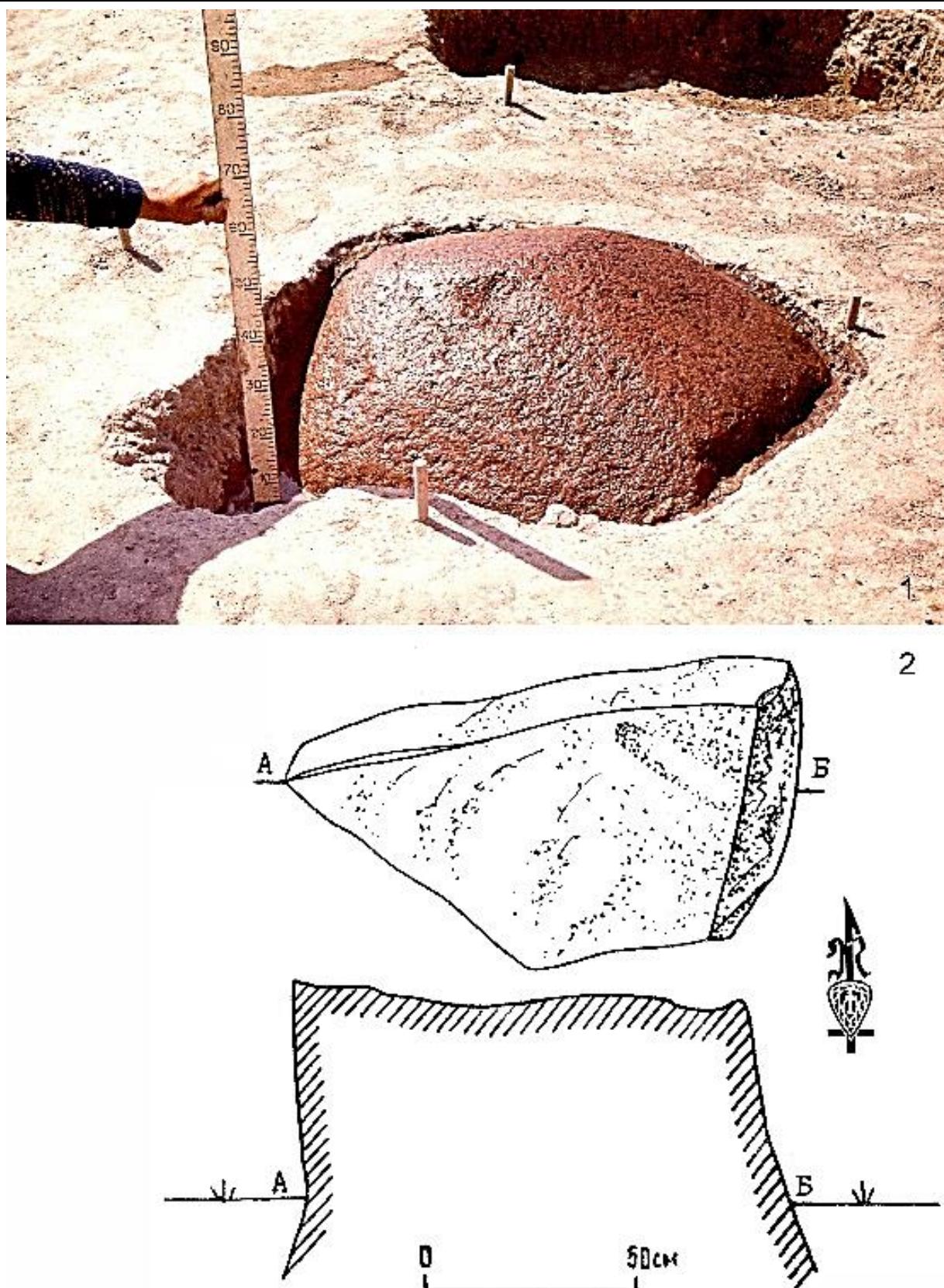
Архивные данные:

18. Архив ИА РАН. Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийского отряда в 1977 г., № 6184
19. Архив ИА РАН. Скворцов К.Н. Раскопки на восточной окраине г. Калининграда (грунт. мог. Б. Исаково-Лаут) в 1998, № 21982.

Подписи к рисункам:

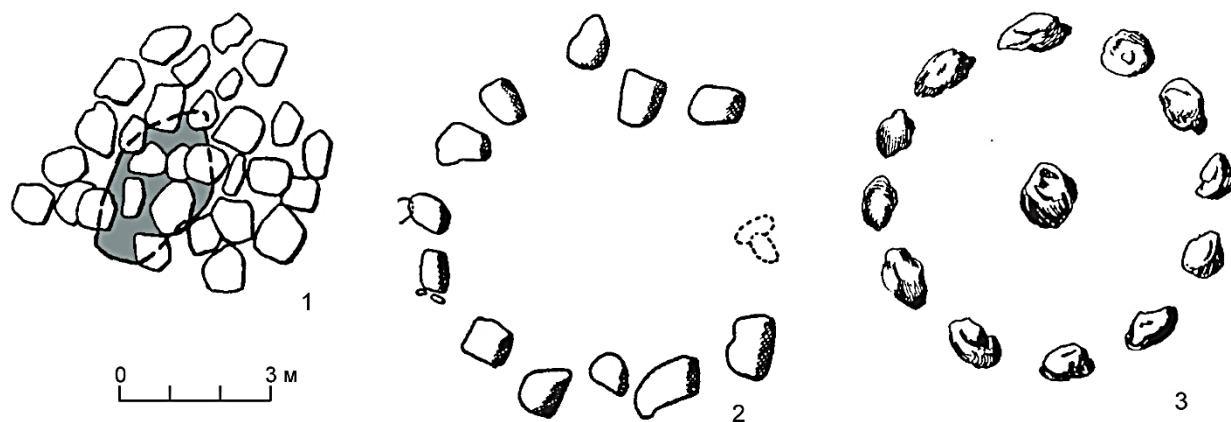
Рис. 1. Жертвенные камни, обнаруженные в ходе раскопок; 1 - камень в ритуальном комплексе на могильнике Yrzekapinis/Клинцовка-1 (находка 1977 г.); 2 - камень в 0,15 км к востоку от Alknicken/Прибрежное [1 - 18; 2 – 6, рис. 18].

Рис. 2. Остатки открытого святилища на возвышенности Dollkeimer-Berg
(в центре могильника Dollheim/Коврово) [7, рис. 71].

Рис. 3. Жертвенные чаши-kauszele: слева - жрец-вурсхайт перед жертвоприношением (по Х. Малетиус, 1561-1562 гг.) [3, рис. 79]; справа - жертвенные чаши: 1 – Piorkowo, woj. mazursko-warmińskie Polski; 2 – Netta, woj. mazursko-warmińskie Polski, погр. 26; 3 – Lauth/Б. Исаково, г. Калининград, погр. L-11C; 4 – могильник Kl. Kaup./Моховое, погр. K44 [1-3 - 8, рис. 5; 4 - 4, рис. 71].

Рис. 4. Каменные круги и камни типа Merkstein на могильниках эстияев: 1 – ъывш. Stettehnen (Багратионовский р-н), 2 – Niedenau/Niedanowo, woj. mazursko-warmińskie Polski, 3 – Hünenberg/Гора Великанов (г. Пионерский) [6, рис. 2].

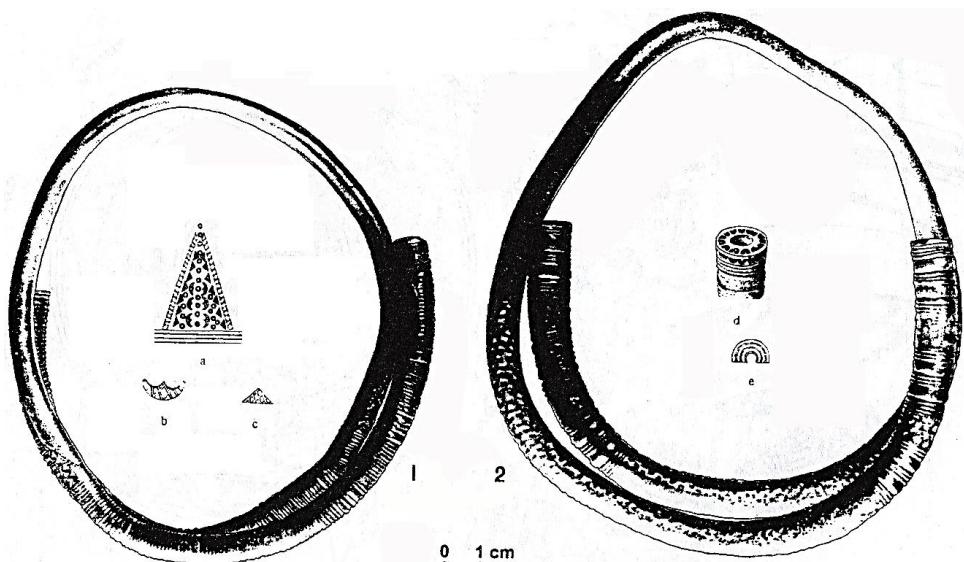
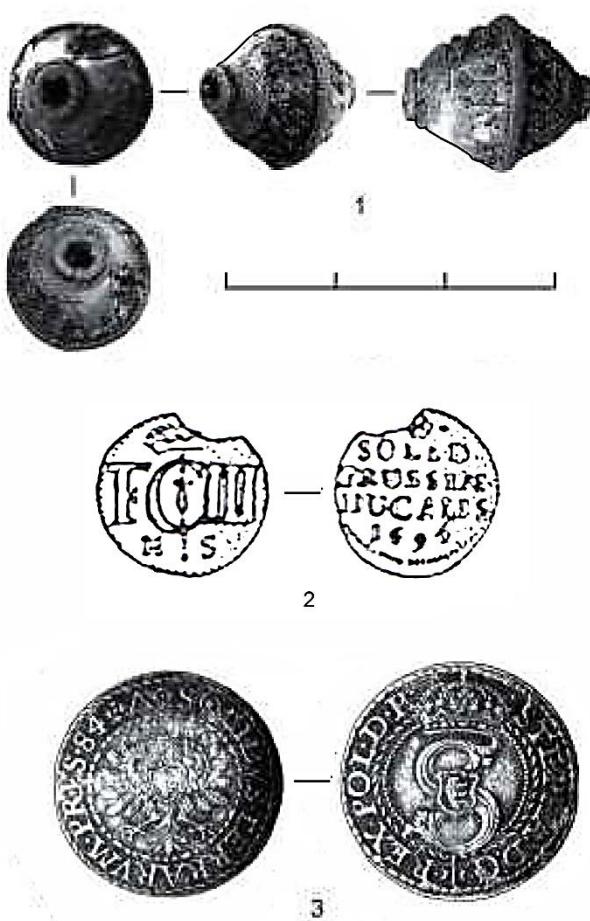

Рис. 5. Золотые кольца из клада С Hammersdorf/Młoteczno, woj. mazursko-warmińskie Polski [17, Abb. 48].

Рис. 6. Жертвенные предметы в слое могильника К1. Кауп (под дёром и шт. 1): 1 – наконечник копья, обнаруженный под дёром к западу от Р. 4, 1а – реконструкция данного наконечника копья, 2 – бронзовый наконечник ножен меча из Р. 5, 3 – железный футляр складного ножа/бритвы под дёром в Р. 5, 4 – обожжённая железная шпора с серебряной плакировкой, подъёмный материал к северу от Р. 4, 5 – серебряный поясной крючок из Р. 5, 6 – фрагмент бронзового блюда, подъёмный материал из Р. 5, 7 – обломок бронзовой балки весов, подъёмный материал из Р. 5, № 55, 8 – серебряная монета 1/6 доля талера, чекан короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III, 1818 г., Р. 5, 9 – серебряная монета 1/6 доля талера, чекан короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III, 1818 г., Р. 6, 10 – серебряная монета ¼ флорина чекана Императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа I, 1859, Р. 6, 11 – обожжённая серебряная монета (денарий ?) весом 1,0209 г, Р. 5, 12 – бронзовая гирька с прорезным крестом, подъёмный материал в 10 м к северо-западу от соотв. угла Р. 5 [9, рис. 5].

Рис. 7. Жертвенные предметы в погребениях могильников К1. Кауп и Lauth/Б. Исаково:
1 – бусина из погр. К42, 2 – солид герцога Фридриха Вильгельма, 1694 из погр. L-15, 3
– солид короля Стефана Батория, 1584 г. из погр. К54 [1 – 5, рис. 50, 79; 2 – 19],

AN OVERVIEW OF ARCHAEOLOGICAL SOURCES RELATED TO THE CULT AND THE BELIEFS OF THE ESTIANS AND PRUSSIANS

The brief review of the categories of archaeological finds given in the proposed article allows us to make a convincing conclusion that the spiritual culture of the pre-Christian era left a noticeable trace in the archaeology of the population of the western outskirts of the Baltic world. Cult one-time actions and serial ceremonies were reflected in material realities, be it stone and pit structures and/or complexes of artifacts. Thus, archaeological material, confidently associated with cult aspects, becomes a reliable source of our knowledge about the spiritual culture of the Prussians of the pre-Order time and allows us to form a quite clear idea of it among our contemporaries.

Keywords: Sambia, southeastern Baltic, cult, burial grounds, sacrifices, jewelry.

References

1. Gurevich F.D. (1947) Ukrasheniya so zveriny'mi golovami iz pribaltijskix mogil'nikov: K voprosu o kul'te zmei v Pribaltike [Ornaments with animal heads from Baltic burial grounds: On the issue of the snake cult in the Baltic States] // KSIMK. Issue 15. M.-L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences - Pp. 68-76.
2. Kulakov V.I. (1980) Ritual'nyj kompleks v mogil'nike u Klinczovki [The ritual complex in the burial ground near Klintsovka] // KSIA, Issue 160, M.: Nauka Publishing House. Pp. 87-92.
3. Kulakov V.I. (1994) Prussy' (5 - 13 vv.) [Prussians (5th - 13th centuries)] Moscow: "Geoko". - 208 p.

4. Kulakov V.I.(2012) Nemanskij yantarny'j put' v e`poxu vikingov [The Neman Amber Way in the Viking Age] Kaliningrad: PEN-Club Publishing House. - 222 p.
5. Kulakov V.I. (2016) Prussy` e`poxi vikingov. Zhizn` i by't obshhina Kaupa [Prussians of the Viking Age. Life and Everyday Life of the Kaupa Community] Moscow: "Book World". - 346 p.
6. Kulakov V.I. (2017) Gora Velikanov: istok Yantarnogo puti [Mountain of Giants: the Source of the Amber Route] Pionersky: "Kalininograd Book". - 71 p.
7. Kulakov V.I. (2021a) U nachala Yantarnogo puti. Severnaya Sambiya [At the Beginning of the Amber Route. Northern Sambia] Kaliningrad: "Kalininograd Book". - 125 p.
8. Kulakov V.I. (2021b) Dekapitaciya i prusskie zhertvenny'e chashi [Decapitation and Prussian sacrificial bowls] // Scientific notes of Novgorod state university, No. 4 (37), Novgorod the Great: Novgorod state university named after Yaroslav the Wise. - P. 381-388.
9. Kulakov V.I. (2021v) Pominal'naya obryadnost' rannesrednevekovy'x prussov (po danny'm mogil'nika Kl. Kaup) [Memorial rites of early medieval Prussians (according to the Kl. Kaup burial ground)] // Problems of history, philology, culture, No. 4, M.-Magnitogorsk-Novosibirsk: Institute of archeology of the Russian academy of sciences. - P. 194-208.
10. Kulakov VI. (2024) Prichiny` deponirovaniya veshhevy'x kladov v yugo-vostochnoj Baltii [Reasons for the deposit of treasure hoards in the south-eastern Baltic] // Problems of interregional connections, No. 25, Kaliningrad: OOO "RA Poligrafych". - P. 5-10.
11. Merzhinsky A.F. (1899) Romove. Arxeologicheskoe issledovanie [Romov. Archaeological research] // Proceedings of the X Archaeological Congress in Riga. T. 1. M., Riga. - P. 350-455.
12. Smirnova M.E. (2001a) Otkry'ty'e kul'tovy'e ploshhadki severnogo poberezh'ya Sambii [Open cult sites of the northern coast of Sambia] // Practice and theory of archaeological research. Proceedings of the department of security excavations, M.: 150-173. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. - P. 150-173.
13. Smirnova M.E. (2001b) Kul'tovy'e kamni rannesrednevekovy'x prussov [Cult stones of the early medieval Prussians] // Historychna-archealagichny zbornik, No. 16. Minsk: Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. - P. 98-110.
14. Khomyakova O.A. (2003) Otrazhenie religioznogo mirovozzreniya v odezhde prusskix zhenshhin XII-XIII vekov [Reflection of religious worldview in the clothing of Prussian women of the 12th-13th centuries] // Man in history: personality, life, mentality. Issue 1. Collection of materials of the student scientific society of the history faculty. Kaliningrad: KSU Publishing House. - P. 44-50.
15. Gronau W. (1938) Kultstätten bei ostpreussischen Gräberfelder // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit, Jg. 14, H. 3. - S. 129-146.
16. Hoffmann M.J. (2006) Zachodnionałtyjskie kurhany – symbolika pomników architektury sepulkralnej // Studia Angerburgika, t. 11, Węgorzewo: Muzeum kultury ludowej w Węgorzewie, 2006 - S. 8-24.
17. Petersen E. (1939) Der ostelbische Raum als germanisches Kraftfeld im Lichte der Bodenfunde des 6.-8. Jahrhunderts, Leipzig: C. Kabeitzsch Verlag. - 291 S.

Archival data

18. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Kulakov V.I. Report on the work of the Baltic detachment in 1977, No. 6184
19. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Skvorsov K.N. Excavations on the eastern outskirts of Kaliningrad (ground grave B. Isakovo-Laut) in 1998, No. 21982.

Список сокращений

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
КГУ – Калининградский государственный университет
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
М. – Москва
НАН Беларуси – Национальная академия наук Беларуси

Об авторе

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Россия). E-mail: drkulakov@mail.ru

Kulakov Vladimir Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia). E-mail: drkulakov@mail.ru

Михин О.В., аспирант, Российский государственный гуманитарный университет. (Россия).

ВОСПРИЯТИЕ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ОСВОЕНИЯ КОЛОНИЙ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ ИЗ МЕТРОПОЛИИ

Польское общество, известное переселенческими традициями, проявляло большой интерес к иностранному опыту миграции в заморские владения. Рецепция во Второй Речи Посполитой зарубежного опыта переселенческой колонизации особенно хорошо прослеживается в текстах деятелей Морской и колониальной лиги. Это была массовая проправительственная организация, целью которой являлось утверждение Польши в качестве морской державы. Внимание авторов Лиги привлекли практики индивидуального и массового переселения европейцев в африканские колонии. Индивидуальная миграция характеризовалась переселением в колонии небольшого числа колонистов, зачастую профессионально подготовленных. Массовая миграция предполагала освоение колоний многочисленными крестьянами из перенаселенной сельской местности, преимущественно без какой-либо специальной подготовки к ведению сельского хозяйства в африканских условиях. Сторонники польской морской экспансии интересовались эмиграцией в бельгийское Конго, португальскую Анголу, французские Мадагаскар и Алжир, итальянскую Ливию. На оценки опыта зарубежных стран влияло не только освоение ими заморских территорий, но и отношение к польским колонизационным планам. Особый интерес деятели Лиги проявляли к проектам польского освоения Анголы и Мадагаскара. Наиболее благожелательно в межвоенной Польше воспринималась переселенческая активность фашистской Италии.

Ключевые слова: Польша, межвоенный период, Морская и колониальная лига, эмиграция, колонии, Африка

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-57-71

Введение. «В последнее время расширение нашей эмиграции и продемонстрированные несомненные колонизационные способности нашего крестьянина обозначили нам новое поле культурной экспансии, открыли нам далекие горизонты за океаном <...> где-нибудь на берегу южной Атлантики, в бразильских пущах...» [12, с. 146–147] Эти слова принадлежат лидеру польской эндеции Ромуану Дмовскому. В начале 1900-х гг. он полагал, что колонизация заморских территорий может быть полезной для польской нации.

Источником вдохновения для Дмовского послужил опыт колониальных империй. Он ориентировался на Британскую империю, которая благодаря своей экспансии смогла проявить национальный дух британцев [12, с. 132–134]. Утратившая колонии в Латинской Америке Испания, напротив, была негативным примером. Дмовский полагал, что испанцам следовало упрочить связи со

«старыми колониями» для создания «второй, более обширной родины из всего испаноязычного мира, который когда-то основала Испания» [12, с. 136–137].

Пример Дмовского свидетельствует, что перспективы польской эмиграции тесно связывались с опытом колониальных империй. Большое внимание к переселению иностранных граждан в колонии уделялось и в межвоенный период, когда эта проблематика анализировалась деяниями Морской и речной лиги (позднее Морской и колониальной лиги). Это была влиятельная массовая организация, тесно связанная с руководством Второй Речи Посполитой. Лига занималась пропагандой и реализацией проектов польской морской экспансии, в том числе переселенческой колонизацией. Проекты колонизации заморских территорий польскими крестьянами были актуальны в связи с социально-экономическими проблемами села [3].

С середины 1920-х гг. вслед за Дмовским разрабатывались проекты переселения польских эмигрантов на территорию Бразилии. Речь шла о таких бразильских штатах, как Парана, Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул. В основном деятели Лиги проявляли интерес к колонизации Параны, поскольку этот штат со второй половины XIX в. являлся важным направлением крестьянской эмиграции с территории бывшей Первой Речи Посполитой [51, р. 23–51]. В 1920-е гг. также разрабатывались проекты польской колонизации африканских территорий [52, с. 71, 77–78]. Деятели Лиги основательно эксплуатировали романтический «миф о заморских колониях» [2].

В Лиге рассматривали два направления эмиграции в колонии: индивидуальное и массовое переселение. Индивидуальная эмиграция предполагала ограниченное освоение заморских владений небольшими группами колонистов. Зачастую эти переселенцы были профессионально подготовлены к ведению сельского хозяйства в колониях. Массовая эмиграция обеспечивала экстенсивное освоение колониальных территорий благодаря большому числу выходцев из перенаселенной сельской местности. Образцами индивидуального переселения в колонии для поляков служили бельгийское Конго, португальская Ангола и французский Мадагаскар. Массовая эмиграция изучалась на примерах итальянской Ливии и французского Алжира.

Объект и методы исследования.

Объектом исследования являются польские оценки зарубежных практик переселения из метрополии в колонии. Предмет исследования представлен рецепцией во Второй Речи Посполитой индивидуального и массового переселения в заморские владения колониальных империй. Хронологические рамки ограничены периодом 1920–1930-х гг.

Методологическая работа следует в русле новой имперской истории, оптика

которой позволяет рассматривать межвоенную Польшу в качестве империи. Изучается крупный массив польскоязычной периодической печати, не переведенной на русский язык.

Результаты и их обсуждение. Главным образом проблемы миграции в колонии освещались журналом «Може» (*«Morze»*). Основными экспертами были журналисты Ян Розвадовский и Францишек Лып. Розвадовский составлял раздел «Колониальный обзор» с 1928 по 1930 г. В 1930-е гг. он писал заметки в разделе «Колониальная экспансия у иностранцев». Характерной чертой повествования автора являлось соединение аналитики и сообщений новостного характера. Иным был повествовательный стиль Лыпа, который составлял раздел «Колониальный обзор» с 1930 по 1934 г. В основном Лып писал фактографические новостные заметки. В «Може» также публиковались и аналитические статьи Лыпа, например, по проблематике колонизации Алжира и Анголы [29, с. 24; 30, с. 21–22].

В конце 1920-х и 1930-е гг. члены Лиги часто обращали внимание на колонизацию бельгийского Конго. Интерес к Бельгии не являлся случайным, поскольку бельгийская демографическая ситуация была сопоставима с польской: обе страны страдали от значительной «перенаселенности» [65, с. 31–32; 42, с. 12–13].

Впервые опыт эмиграции в бельгийское Конго был рассмотрен на страницах журнала «Може» в 1928 г. Розвадовский писал о проектах привлечения в колонию европейских переселенцев, что должно было решить проблему нехватки рабочей силы в аграрном секторе. Розвадовский видел в этом возможности для «польского колониационного элемента», который мог бы принять участие в освоении Конго [55, с. 32; 58, с. 31].

Привлечение переселенцев связывалось с тяжелым экономическим положением колонии [48, с. 31; 35, с. 36], вызванного влиянием Великой депрессии [18]. В

середине 1930-х гг. польские авторы начали отмечать стремление бельгийского правительства к привлечению переселенцев исключительно из Бельгии. В марте 1934 г. Лып сообщил о бельгийском проекте переселения колонистов в конголезский промышленный район Катанга, где производилась молочная продукция. Это было призвано обеспечить независимость Конго от сельскохозяйственных поставок из португальской Анголы. Планы вызвали неприятие местных фермеров, по мнению которых «необходимо уже осевшим переселенцам оказать финансовую поддержку, чтобы они могли развивать свои хозяйства, а не привлекать новых переселенцев, которые в условиях нынешнего кризиса не смогут ответственно хозяйствовать» [34, с. 26].

Опасения фермеров, ранее осевших в Конго, отчасти сбылись. Польский автор, обозначавший себя как St. Bod., сообщал о видении перспектив освоения колонии бельгийским министром Эдмондом Руббенсом. Тот ратовал за переселение «как можно большего числа бельгийцев» в колонию, предлагая не «массовую эмиграцию», а «групповую переселенческую систему». Суть ее заключалась в обучении групп бельгийских переселенцев основам ведения тропического сельского хозяйства с последующим предоставлением в собственность 100 га земли. St. Bod. заключал, что Бельгия закрепляет присутствие своих граждан в Конго, предотвращая посягательства других стран [66, с. 30]. Представленные польским автором сведения подтверждались исследованием Международной организации труда в 1936 г. [27, р. 486, 489, 493]

В конце 1930-х гг. польские авторы позитивно оценивали бельгийский опыт переселения в колонию. В марте 1938 г. отмечалось, что бельгийское общество одобряло переселенческую политику правительства, поскольку она решала демографическую проблему Бельгии как «наиболее перенаселенной страны в

Европе» [65, с. 31–32]. Подчеркивалась успешность индивидуальной эмиграции в бельгийское Конго, способной обеспечить стабильность семейных хозяйств в колонии [25, с. 101]

Больший интерес деятели Лиги проявляли к опыту эмиграции в португальскую Анголу, соседний с бельгийским Конго регион [51, р. 85–97; 63, р. 113–160]. Весной 1928 г. Казимир Глуховский в статье «Ангола как потенциальная польская переселенческая территория» обратил внимание на благоприятную для переселенцев ситуацию в этой колонии: наличие крупных территорий, пригодных для сельскохозяйственной колонизации, возможности расширения хозяйств посредством аренды ввиду принадлежности земли португальскому правительству и крупным концессионерам, а не «туземцам» [13, с. 29].

Представление Глуховского о благоприятных для эмиграции ангольских условиях формировалось на основе «немецких расчетов, подтвержденных английскими, итальянскими и португальскими исследованиями». Глуховский ссылался на «известного английского путешественника и ученого, знатока колониальных отношений» Джона Стейтема [13, с. 29]. Польский автор цитировал его без ссылки на источник: «Вероятно, нет во всей Африке другой колонии, где было бы столько территорий, подходящих для европейской колонизации, которые настолько пригодны для экстенсивного зернового производства» [13, с. 29]. Этую цитату нам удалось обнаружить в работе Стейтема 1922 г. «Через Анголу, грядущую колонию». В ней британский исследователь по итогам своей экспедиции в Анголу писал об исключительных возможностях для европейских переселенцев. В цитируемом разделе Стейтем указывал на благоприятные условия для выращивания «хлопка, сахарного тростника и риса», а также некоторых других сельскохозяйственных культур.

Многообещающими представлялись и перспективы выхода на европейские рынки. Согласно Стейтему, для процветания Анголы необходимо допустить в колонию иностранные капиталы [67, р. 373]. Все это полностью соответствовало польским проектам эмиграции.

Схожим образом на страницах журнала «Може» ссылались на итальянского исследователя Анголы Дино Таруффи, чей отчет о ее колонизации «заслуживал особого внимания» [26, с. 22]. Вероятно, речь шла о работе «Плато Бенгела (Ангола) и его сельскохозяйственное будущее» 1916 г. [70] Научная ценность изысканий Таруффи вызывала вопросы в географическом сообществе. Американский географ Дервент Стейнторп Уиттли в 1924 г. писал об исследовании Анголы Таруффи, как «в некоторой степени пропаганде для итальянских переселенцев» [71, р. 113].

Таким образом, прослеживается интерес деятелей Лиги к тем работам, в которых позитивно оценивались возможности колонизации Анголы. Однако вскоре обнаружились трудности эмиграции в Анголу. В отличие от восторженной работы Стейтема, где описывались перспективы массовой эмиграции в колонию португальских и итальянских переселенцев [67, р. 374], авторы Лиги с 1929 г. стали замечать проблемы в реализации таких проектов. Лып в статье «Экспедиция в Анголу (впечатления и идеи)» концентрировался на проблематичности сельскохозяйственного освоения Анголы посредством массовой эмиграции. Он указывал на низкое качество наземных и морских коммуникаций, высокий стартовый капитал для создания собственного хозяйства (затраты порядка 10 тысяч долларов США, что согласно усредненному курсу 1929 г. составляло 89 тысяч злотых [36, с. 237]), необходимость привлечения значительного числа «черных рабочих» и использования дорогостоящей аграрной техники при отсутствии местных кредитов для фермеров [30, с. 21–22].

Лып представил картину жесткого португальского протекционизма в Анголе. Речь шла об отсутствии «институциональной помощи любому индивидуальному инициативному проекту европейского поселения» [15, 16]. По мнению Уильяма Кларенс-Смита, политика правительства Антониу ди Салазара в Анголе была связана с «непримиримой ксенофобской позицией в отношении иностранных капиталов» и стремлением защитить колонию от возможных посягательств извне [10, р. 1–2].

Редакция журнала «Може» подчеркивала сложности массовой эмиграции в Анголу, предостерегая читателей от доверия излишне оптимистическим оценкам колонизации в данном регионе и рекомендуя ознакомиться с более взвешенными соображениями Лыпа. Последний критиковал заметку «Из Анголы», опубликованную в газете «Курьер Варшавски» от 3 декабря 1930 г. Она была написана собственным корреспондентом издания Adamowiczem, который находился в командировке в Анголе и подготовил цикл материалов для своей газеты. В критикуемой Лыпом заметке изображались крайне благоприятные условия для колонистов, особенно животноводов [43, с. 31]. Лып указывал, что португальское правительство выдвигает ряд невыгодных для аграрных производителей требований: обновление концессии каждые 15 лет, оплата лишь половины затрат на переезд португальских граждан из метрополии в Анголу, обязательность высоких показателей производительности хозяйства по прошествии трех лет [31, с. 26].

В изложении авторов Лиги Ангола являлась предпочтительным вариантом сельскохозяйственной колонизации лишь для состоятельных предпринимателей, способных покрыть расходы, связанные с протекционистскими требованиями португальского правительства [31, с. 26].

Отрицательный образ Анголы усугубляло ужесточение миграционных

норм в колонии в связи с высоким уровнем безработицы. В мае 1931 г. «Може» сообщило, что, согласно распоряжению генерал-губернатора Анголы, эмигранты, через 8 дней после прибытия в колонию не нашедшие работы или не имеющие «достаточных для иждивения средств», обязаны ее покинуть под угрозой депортации [33, с. 30–31]. Подчеркивалось отсутствие «условий для проживания» рабочих, кустарей и мелких предпринимателей и организаций ими сельскохозяйственного производства (упоминались затраты вплоть до 100 тысяч злотых на одно семейное хозяйство) [23, с. 32]. Тезис об ограниченности возможностей сельскохозяйственной эмиграции в Анголу повторился в августовском выпуске журнала [24, с. 30].

На наш взгляд, негативный прогноз сельскохозяйственного освоения поляками Анголы был связан с дипломатическим конфликтом Португалии и Польши в начале 1930-х гг. 28 декабря 1929 г. Лиссабон и Варшава заключили торговое соглашение, включавшее секретное положение об уравнении «экономических привилегий польских и португальских колонистов в Анголе». Однако к марта 1931 г. набрала обороты антипольская кампания в португальской прессе из-за вероятных притязаний Польши на Анголу и массовой эмиграции туда польских переселенцев. Отказ от договоренности обусловливался также давлением на Лиссабон Берлина в целях недопущения польского присутствия в Анголе [52, с. 83].

В дальнейшем польские авторы описывали Анголу как колонию, пригодную исключительно для индивидуальной эмиграции. Например, в апреле 1933 г. «Може» сообщало о льготных условиях для аграрной колонизации Анголы португальскими переселенцами. В связи с сельскохозяйственным кризисом в колонии и уменьшением там доли белого населения португальское правительство, по сообщению журнала, финансировало организацию хозяйств для 50

семейств португальских переселенцев и снизило тарифы на транспортировку аграрных товаров [49, с. 25].

Критически деятели Лиги отнеслись к проекту колонизации Анголы еврейскими переселенцами в середине 1930-х гг. Согласно Розвадовскому, речь шла о возможности создания в Анголе «автономного еврейского государства» под покровительством Лиги Наций. Негативно оценивались стремление Португалии к натурализации колонистов и предпочтение выходцев из Германии гражданам Польши [32, с. 23; 54, с. 20]. Последнее обстоятельство стало решающим фактором для критики проекта польскими авторами, которые подчеркивали, что немецкие евреи не готовы к фермерской работе [51, р. 188–226].

Итак, Ангола рассматривалась деятелями Лиги как заморская территория, пригодная для индивидуальной эмиграции. До начала 1930-х гг. в ней виделось идеальное место для переселения колонистов, в том числе польских. После дипломатического конфликта Варшавы и Лиссабона авторы Лиги начали критически воспринимать португальскую миграционную политику в Анголе, подчеркивая тяжелые условия проживания в этой колонии.

Практики индивидуальной эмиграции интересовали польских авторов и в случае французского Мадагаскара. Большое внимание этому острову уделялось в связи с биографией польского авантюриста Морица Бенёвского, самопровозглашенного короля Мадагаскара в XVIII в. История Бенёвского служила обоснованием польских проектов эмиграции [50].

На страницах журнала «Може» анализировались проекты освоения острова европейскими, китайскими и индийскими колонистами. Европейская колонизация Мадагаскара представлялась польским авторам затруднительной из-за «либеральной» политики Франции в отношении собственности малагасийцев [28, с. 154; 38, с. 28; 61, с. 35]. Европейские

концессионеры характеризовались как безответственные, поскольку большую часть года проводили за пределами острова [28, с. 119–120, 124]. Критическим было отношение Розвадовского к проекту китайской эмиграции ввиду «нежелательного человеческого элемента» [60, с. 27]. Это расистское представление укладывается в концепт «азиатской угрозы», который разделялся и французскими губернаторами Мадагаскара [17, р. 188–189]. Нейтральным было отношение деятелей Лиги к вероятной индийской колонизации острова [60, с. 27]. Многообразие проектов переселения на Мадагаскар говорило в пользу возможности индивидуальной эмиграции из Польши.

Важной вехой в изучении Мадагаскара стала экспедиция Мечислава Богдана Лепецкого в 1937 г. Целью экспедиции было исследование острова, имея в виду перспективу эмиграции из Польши. Речь шла не только об этнических поляках, но и о польских евреях, что обуславливалось антисемитскими настроениями во Второй Речи Посполитой [51, р. 201–209]. По итогам экспедиции Лепецкий критически отзывался о французских мерах колонизации острова. Франция не могла выделить «белой расе хотя бы часть острова для постоянного владения». В этом виделось отличие французской колониальной политики от британского опыта [28, с. 94–95].

Примеры бельгийского Конго, португальской Анголы и французского Мадагаскара показывают, что деятели Лиги критически оценивали практику индивидуальной эмиграции в колонии. Одобрение получило лишь ограниченное переселение бельгийских колонистов в Конго. Мы полагаем, что на это оказали влияние польские проекты морской экспансии. Наиболее критично польские авторы высказывались об иностранной эмиграции в те колонии, которые представляли интерес для Польши.

Массовое переселение польские авторы рассматривали на материале

французского Алжира и итальянской Ливии. Алжирский опыт был интересен деятелям Лиги в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Преобладали негативные оценки французской колонизации. Несмотря на значительную долю французских переселенцев в Алжире, авторы Лиги считали, что колонистов слишком мало [19, с. 79–82; 29, с. 24]. «Белые люди» оказывались в «цветном море» – типичная для польского восприятия колониализма оценка [21, с. 172]. Эти тезисы противоречили массовому характеру переселения в Алжир. К 1936 г. там проживало до 1 млн колонистов при 6-миллионном арабо-берберском населении [7, р. 118].

Французская политика в Алжире представлялась непродуманной, поскольку на протяжении первых десятилетий XX в. число колонистов неуклонно снижалось [19, с. 80–82]. Этому, с одной стороны, способствовали тяжелые климатические условия Алжира. Географ Зыгмунт Керник писал в 1930 г.: «Алжир является слишком маленькой (*sic!* – О.М.) и убогой страной, чтобы стать колонизационным пространством для большего числа переселенцев» [19, с. 88]. С другой стороны, на неудачи переселения в Алжир влиял антагонизм французов и коренных жителей [19, с. 88; 29, с. 24].

Польские авторы полагали, что французские колонисты не обладали компетенциями, необходимыми для освоения Алжира. Лып в 1935 г. писал, что французская администрация «не имеет собственного колонизаторского элемента, а дружественным Франции народам она не создает атмосферы, располагающей к колонизации» [29, с. 24]. Проводилась мысль о том, что поляки лучшие «первоходцы», нежели французы [40, с. 70–71]. По мнению ряда деятелей Лиги, Польша и Франция могут создать «колониальный кондоминиум» в Африке, в рамках которого польские переселенцы на льготных условиях примут участие в колонизации Алжира [14, с. 43–44; 57, с. 19; 68, с. 22–23; 22, с. 28]. В этой связи

вспоминался замысел освоения поляками французского Алжира в 1832 г. [74, с. 19–20; 5, с. 35, 37] По всей видимости, критические оценки колонизации Алжира были обусловлены противодействием эмиграции поляков в Северную Африку.

Деятели Лиги не претендовали на переселение польских эмигрантов в Ливию. Это повлияло на то, что колония Италии стала в глазах польских авторов примером наиболее успешного массового переселения. Кроме того, в правых кругах межвойеной Польши были популярны идеи итальянского фашизма [1, 9, 37], что стимулировало интерес к колониальной политике Муссолини. Она заключалась в переселении тысяч итальянских колонистов на территорию Ливии. В результате к 1940 г. в колонии проживало порядка 110.000 переселенцев из метрополии [62, р. 184].

Интерес к итальянскому опыту возник в конце 1920-х гг., когда популярным стал тезис о необходимости регулирования миграции. Показательна заметка Розвадовского 1928 г., в которой цитируется фашистский журналист Франческо Коппола. Речь шла о вреде для итальянской нации «ежегодной заграничной эмиграции колоссальных масштабов». Вслед за Копполой Розвадовский видел решение итальянской демографической проблемы в колониальном расширении страны, благодаря которому стесненная «специфическими этнографическими условиями» нация «не задохнется на тесном Апеннинском полуострове» [56, с. 30–31]. Розвадовский рекомендовал использовать итальянский колониальный опыт во Второй Речи Посполитой, поскольку «после Италии наибольшая напряженность эмиграционного движения имеет место в Польше» [56, с. 31]. И в дальнейшем он придерживался мнения о необходимом регулировании эмиграции [59, с. 33].

Мнение об успешности фашистской политики регулируемой эмиграции в колонии разделял в 1936 г. автор журнала «Може» Владислав Ошельда. В статье

«Итальянцы за границами отечества» он одобрил эмиграционную и колонизационную политику Муссолини, с которой связывал удовлетворение чаяний итальянского народа [41, с. 21–22].

В своей работе Ошельда сослался на исследование дипломата Романа Мазуркевича «Итальянская эмиграционная политика» [39]. В молодости Мазуркевич эмигрировал из Царства Польского и стал деятелем чикагской полонии. Интересующая нас работа была напечатана, когда он являлся генеральным консулом Польши в Риме. Следовательно, Мазуркевич был знаком с особенностями итальянской эмиграционной политики [64, с. 266–267].

Для Ошельды была важна цитата из работы Мазуркевича, где польский дипломат, основываясь на итальянской публицистике, излагал принципы эмиграционной политики Муссолини. Ошельда отметил, что «эмиграция народных масс, выезжающих в поисках работы, **является общественным злом** (выделено Мазуркевичем. – О.М.)» [41, с. 21; 39, с. 7].

Решением демографических проблем Италии, считали деятели Лиги, служит переселение колонистов в Ливию. В статье 1931 г. высоко оценивалась финансовая поддержка государством инфраструктурной базы колонизации (строительные работы, ирригация, лесонасаждения). Благодаря фашистской политике происходило «преображение Ливии в итальянский край». Впрочем, отмечались и большие трудности, к которым относились плохо поставленная пропагандистская работа, малая площадь пригодных для колонизации земель, вспышки малярии, неразвитые коммуникации [73, с. 38–39].

Более детальную критику содержала статья «Колонизация в Триполи» 1934 г. Ее автор полагал, что из-за сурового климата колонизация Ливии отличалась низкой эффективностью: «большие усилия – малые результаты». Неудачам способствовала и колониальная политика, в соответствии с которой государственные кредиты

выдавались крупным хозяйствам, а не мелким и средним фермерам. Выражалось сомнение в осуществимости цели Муссолини «состорить из эмигранта колониста» [20, с. 18–19].

После 1934 г. в периодической печати Лиги не обнаруживается негативных оценок переселения итальянцев в Ливию. В 1935 г. журналист Леонард Цвалина некритично оценивал Ливию как «сельскохозяйственную страну», способную принять 300 тысяч колонистов. Цвалина ссылался на статью американского историка Роберта Гейла Вулберта [11, с. 161], который симпатизировал политике Муссолини в Африке и основывался на сведениях и оценках фашистского правительства [72]. Таким образом фашистский нарратив об успешной колонизации Ливии проникал в польскую периодику.

Складыванию позитивного образа итальянской колонизации Ливии способствовал Роман Пётрович – специальный корреспондент журнала «Може» в Ливии во время визита в колонию Муссолини в 1937 г. Пётрович опубликовал на страницах этого издания целый цикл статей, посвященных сельскохозяйственному освоению североафриканских земель. Кроме того, он работал в польско-итальянском журнале «Полония – Италия».

В первой своей статье «Итальянская колонизация в Ливии» Пётрович обратил внимание на вмешательство государства в колониальную экономику. Ему импонировал фашистский корпоративизм, который в ливийском случае выражался в привлечении колонистов в концессионные хозяйства, поощрении создания мелких хозяйств, кредитовании, оснащении сельскохозяйственной техникой и инфраструктурных проектах. Текст Пётровича сопровождался фотографиями процветающих ливийских хозяйств и успешных колонистов, что должно было произвести впечатление на польских читателей [44]. Таким образом Пётрович культивировал «миф о “добром итальянце”», который

откликнулся на призыв Муссолини мигрировать в Ливию [4].

В следующей статье «Колонизационный опыт Италии» Пётрович подробнее писал о социальной и политической сторонах итальянской эмиграции в Ливию. По его мнению, они были даже важнее, чем экономическая успешность проекта. Переселение в Ливию решало итальянскую демографическую проблему, обеспечивало связь колонии с метрополией, гарантировало безопасность заморского владения и повышало международный престиж Италии. Пётрович полагал, что аграрная колонизация Ливии является прогрессивной, указывая на удачное сочетание науки, опыта работы в тяжелых климатических условиях и «упорного труда итальянского колониста» [45, с. 20–21].

Опыт итальянской Ливии служил доказательством возможности рентабельных фермерских хозяйств в Африке. Он был «особенно важным для государств, обладающих значительной сельскохозяйственной эмиграционной силой и ищащих для нее выхода в колониальных владениях». Колонизация Ливии служила образцом для польской колониальной активности [45, с. 22; 46, с. 27; 47, с. 6]. При этом не упоминались репрессии в отношении коренного населения, что свидетельствует о большой политической ангажированности Пётровича.

В польской публицистике второй половины 1930-х гг. встречались и откровенные панегирики политике Муссолини в Ливии. Например, Marek Romanowski (псевдоним писателя Романа Домбровского) говорил о фашистском диктаторе как о «римском императоре», благодаря которому успешно велся «неустанный, полный усилий бой с пустыней» [53].

Итальянский опыт переселения в Ливию живо интересовал деятелей Лиги и в конце 1930-х гг. В декабре 1938 г. «Може» опубликовало фотоколлаж Болеслава Суралло-Гайдучени с изображениями итальянских колонистов [69, с. [1]]. В марте

1939 г. в журнале была напечатана статья ливийского губернатора Итalo Бальбо об их успехах [6].

Думается, что подробно освещаемая польскими авторами колонизация Ливии выступала приоритетной моделью освоения заморских территорий. В Италии виделся подходящий пример для Польши, которая проводила схожую парцеляцию хозяйств в 1920-е гг. [8]

Заключение. Таким образом, деятели Лиги в 1920–1930-е гг. неоднократно обращались к иностранному опыту переселения в колонии. Польских авторов интересовали практики индивидуальной и массовой эмиграции на заморские территории. Индивидуальное переселение оценивалось по большей части скептически. Сказывались неудачная, с точки зрения поляков, политика метрополий и тяжелые климатические условия. Негативное восприятие эмиграции в Анголу и на Мадагаскар отчасти объясняется притязаниями самой Лиги на эти территории. Среди практик переселения в колонии позитивно оценивалась лишь колонизация бельгийского Конго, осуществляемая получившими специальную

подготовку людьми.

Больший интерес авторы Лиги проявили к прецедентам массовой эмиграции в колонии тысяч переселенцев. Алжирский случай воспринимался скорее негативно, поскольку французский «колонизационный элемент», в отличие от польского, не обладал необходимыми для «первопроходцев» качествами. Колонизация итальянской Ливии считалась эталонным технократическим решением социально-экономических проблем метрополии: перенаселения и малоземелья. Одобрялось активное вмешательство государства в экономику.

Рецепция мирового опыта переселения в колонии была важным элементом проектов польской морской экспансии. Знакомство с эмиграционными практиками других стран вводило Польшу, как того желали деятели Лиги, в ряд колониальных держав. Предпочтительным образцом для Второй Речи Посполитой служила фашистская Италия. Несмотря на то, что поляки не смогли реализовать собственные колониальные проекты, есть основания говорить о значимости колониальной повестки в межвоенной Польше.

Список литературы

1. Матвеев Г.Ф. Зарождение фашистских тенденций в лагере польской национальной демократии (1919–1926 гг.) // Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. М.: Наука, 1984. С. 117–139.
2. Мирзеханов В.С. Европейцы в колониях: стиль жизни и особенности менталитета // Вестник РГГУ. Серия «Международные отношения. Зарубежное регионоведение». 2014. № 18. С. 38–53.
3. Михин О.В. «Колониальные первопроходцы»: пропаганда Морской и колониальной лиги среди крестьян Второй Речи Посполитой // Славяноведение. 2025. № 1. С. 34–45.
4. Нестерова Т.П. Идея «итальянской идентичности» в колониальной политике Италии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Выпуск 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000700-9-1/>
5. Прусская Е.А. Проекты колонизации Алжира в период французской оккупации (1830–1834 годы) // Новая и Новейшая история. 2021. № 6. С. 31–43.
6. Balbo I. Dwadzieścia tysięcy // Morze i Kolonie. 1939. № 3. S. 11–16.
7. Barclay F., Chopin C.A., Evans M. Introduction: Settler Colonialism and French Algeria // Settler Colonial Studies. 2018. Vol. 8. № 2. P. 115–130.
8. Błęd M. Land Reform in the Second Polish Republic // Rural History. 2020. Vol. 31. № 1. P. 97–110.

9. Borejsza J. Rzym a wspólnota faszystowska: o penetracji faszyzmu włoskiego w Europie Środkowej, Południowej i Wschodniej. Warszawa: Książka i Wiedza, 1981.
10. Clarence-Smith G. Business Empires in Angola under Salazar, 1930–1961 // African Economic History. 1985. № 14. P. 1–13.
11. Cwalina L. Przegląd prasy zagranicznej // Sprawy Morskie i Kolonialne. 1935. № 1. S. 159–166.
12. Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka. Lwów: Towarzystwo Wydawnicze, 1904 [tzn. 1903].
13. Głuchowski K. Angola jako ewentualny polski teren osadniczy // Morze. 1928. № 5. S. 26–29.
14. Głuchowski K. Z planem – dla jutra // Morze. 1930. № 2–3. S. 43–44.
15. Gonçalves M. Of Peasants and Settlers: Ideals of Portuguese, Imperial Nationalism and European Settlement in Africa, c. 1930 – c. 1945 // European Review of History. 2018. Vol. 25. № 1. P. 166–186.
16. Heywood L.M. The Growth and Decline of African Agriculture in Central Angola, 1890–1950 // Journal of Southern African Studies. 1987. Vol. 13. № 3. P. 355–371.
17. Jennings E.T. Perspectives on French Colonial Madagascar. New York: Palgrave Macmillan, 2017.
18. Jewsiewicki B. The Great Depression and the Making of the Colonial Economic System in the Belgian Congo // African Economic History. 1977. № 4. P. 153–176.
19. Kiernik Z. Algier jako teren kolonizacyjny // Kwartalnik Instytutu Naukowego do Badań Emigracji i Kolonizacji. 1930. № 3–4. S. 23–92.
20. Kolonizacja w Tripoli // Morze. 1934. № 6. S. 18–19.
21. Kowalski M.A. Dyskurs kolonialny w Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa: Instytut Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego, 2010.
22. Kronika kolonjalna // Morze. 1930. № 1. S. 28–29.
23. Kronika kolonjalna // Morze. 1931. № 5. S. 32.
24. Kronika kolonjalna // Morze. 1931. № 8. S. 30.
25. Kronika morska i kolonialna // Sprawy Morskie i Kolonialne. 1938. № 3. S. 93–107.
26. Kronika Związku // Morze. 1928. № 7. S. 21–22.
27. Legouis J. The Problem of European Settlement in the Belgian Congo // International Labour Review. 1936. Vol. 34. № 4. P. 478–495.
28. Lepecki M.B. Madagaskar: kraj, ludzie, kolonizacja. Warszawa: Rój, 1938.
29. Łyp F. Algier i Francja // Morze. 1935. № 5. S. 24.
30. Łyp F. Ekspedycja do Angoli (wrażenia i spostrzeżenia) // Morze. 1929. № 12. S. 20–22.
31. Łyp F. Niezwykłe korespondencje z Angoli // Morze. 1930. № 12. S. 25–27.
32. Łyp F. Projekt osadnictwa żydowskiego w Angoli // Morze. 1934. № 2. S. 23.
33. Łyp F. Przegląd kolonialny // Morze. 1931. № 5. S. 30–32.
34. Łyp F. Przegląd kolonialny // Morze. 1934. № 3. S. 26–27.
35. Łyp F. Sprawy kolonialne // Morze. 1935. № 8–9. S. 36–37.
36. Mały rocznik statystyczny. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 1939.
37. Marszał M. Polskie elity wobec włoskiego faszyzmu, 1922–1939 // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. 2011. № 1. S. 121–137.
38. Martonne E. de. Madagaskar (Dokończenie) // Morze. 1930. № 5. S. 23–28.
39. Mazurkiewicz R. Włoska polityka emigracyjna // Polityka Narodów. 1933. Z. 11. S. 3–22.
40. Oksza-Grabowski J. Afryka Francuska // Morze. 1929. № 2–3. S. 70–71.

41. Oszelda W. Włosi poza granicami ojczyzny // Morze. 1936. № 8. S. 20–22.
42. Pankiewicz M. Żądamy kolonji // Morze. 1935. № 5. S. 12–13.
43. Paszkowicz A. Z Angoli // Kurjer Warszawski: wydanie wieczorne. 1930. № 331. S. 11.
44. Piotrowicz R. Italiska kolonizacja w Libii // Morze. 1937. № 5. S. 11–13.
45. Piotrowicz R. Kolonizacyjne doświadczenia Italii // Morze. 1937. № 6. S. 20–22.
46. Piotrowicz R. Rewizja mandatów kolonjalnych // Sprawy Morskie i Kolonjalne. 1936. № 1. S. 17–36.
47. Piotrowicz R. Światowe znaczenie libijskiego eksperymentu Italii // Polonia-Italia: miesięcznik italo-polski. 1937. № 7. S. 5–7.
48. Przegląd kolonjalny // Morze. 1932. № 5. S. 30–32.
49. Przegląd kolonjalny // Morze. 1933. № 4. S. 25–26.
50. Puchalski P. Pionier nie tylko kolonialny: działalność naukowo-popularyzacyjna Mieczysława Lepeckiego na przykładzie biografii Maurycego Beniowskiego // Analecta. Studia i Materiały z Dziejów Nauki. 2021. Vol. 30, z. 3. S. 171–187.
51. Puchalski P. Poland in a Colonial World Order: Adjustments and Aspirations, 1918–1939. London; New York: Routledge, 2022.
52. Puchalski P. Polityka kolonialna międzywojennej Polski w świetle źródeł krajowych i zagranicznych: nowe spojrzenie (1918–1945) // Res Gestae Czasopismo Historyczne. 2018. № 7. S. 68–121.
53. Romański M. W Libii z Benito Mussolinim // Polonia-Italia: miesięcznik italo-polski. 1937. № 4. S. 3–6.
54. Rozwadowski J. Ekspansja kolonjalna u obcych // Morze. 1934. № 6. S. 20.
55. Rozwadowski J. Przegląd kolonjalny // Morze. 1928. № 4. S. 31–32.
56. Rozwadowski J. Przegląd kolonjalny // Morze. 1928. № 5. S. 29–31.
57. Rozwadowski J. Przegląd kolonjalny // Morze. 1928. № 7. S. 19–21.
58. Rozwadowski J. Przegląd kolonjalny // Morze. 1928. № 8. S. 30–32.
59. Rozwadowski J. Przegląd kolonjalny // Morze. 1929. № 1. S. 32–34.
60. Rozwadowski J. Przegląd kolonjalny // Morze. 1930. № 1. S. 26–28.
61. Rozwadowski J. Przegląd kolonjalny // Morze. 1930. № 7. S. 33–35.
62. Segré C.G. Fourth Shore: the Italian Colonization of Libya. Chicago: University of Chicago Press, 1974.
63. Skulimowska M. Polish Colonial Aspirations in Africa: the Maritime and Colonial League in Angola and Liberia, c. 1920–1939: Doctor of Philosophy (PhD) Thesis. [Canterbury]: University of Kent, 2019.
64. Smolan K. Urzędnicy służby zagranicznej Rzeczypospolitej Polskiej, 1918–1945: przewodnik biograficzny. T. 1. Warszawa: Ministerstwo Spraw Zagranicznych, Naczelną Dyrekcją Archiwów Państwowych, 2020.
65. Sprawy Kolonialne // Morze. 1938. № 3. S. 31–32.
66. St. Bod. Sprawy kolonialne // Morze. 1936. № 12. S. 30.
67. Statham J.C.B. Through Angola, a Coming Colony: with 138 Illustrations, 2 Maps and 4 Charts. Edinburgh; London: William Blackwood & Sons, 1922.
68. Sukiennicki H. Sprawa osadnictwa polskiego we Francji // Morze. 1929. № 6. S. 22–23.
69. Surałło B. Italia rozpoczęła w Libii akcję osiedleńczą... // Morze. 1938. № 12. S. [1].
70. Taruffi D. L'altipiano di Benguella (Angola) ed il suo avvenire agricolo: (dalla «Relazione della missione agricola italiana inviata in Angola» dal Sindacato Italiano per Imprese nell'Africa Occidentale). Firenze: Istituto Agricolo Coloniale Italiano, 1916.
71. Whittlesey D.S. Geographic Provinces of Angola: an Outline Based on Recent

Sources // Geographical Review. 1924. Vol. 14. No. 1. P. 113–126.

72. Woolbert R.G. Italy's Colonial Empire // Current History. 1935. Vol. 41. № 5. P. 542–548.

73. Z.Ł. Polityka kolonialna Włoch // Morze. 1931. № 6–7. S. 37–39.

74. Zieliński S. Pierwszy projekt kolonizacji emigrantów polskich // Morze. 1932. № 6. S. 19–21.

THE PERCEPTION OF THE FOREIGN EXPERIENCE OF COLONIZATION BY SETTLERS FROM THE METROPOLIS IN THE SECOND POLISH REPUBLIC

The Polish society, known for its resettlement traditions, showed great interest in the foreign experience of migration to overseas possessions. The perception of the foreign experience of migrant colonization in the Second Polish is particularly well traced in the texts of the activists of the Maritime and Colonial League. It was a massive pro-government organization whose goal was to establish Poland as a maritime power. The attention of the League's authors was drawn to the practices of individual and mass resettlement of Europeans to African colonies. Individual migration was characterized by the relocation to colonies of a small number of colonists, often professionally trained. Mass migration involved the colonization of colonies by numerous peasants from overpopulated rural areas, mostly without any special training in farming in African conditions. Supporters of Polish naval expansion were interested in emigration to the Belgian Congo, Portuguese Angola, French Madagascar and Algeria, and Italian Libya. Assessments of the experience of foreign countries were influenced not only by their development of overseas territories, but also by their attitude towards Polish colonization plans. The League's leaders showed particular interest in projects for the Polish colonization of Angola and Madagascar. The resettlement activity of fascist Italy was perceived most favorably in interwar Poland.

Keywords: Poland, Interwar period, Maritime and Colonial League, emigration, colonies, Africa

References

1. Matveev G.F. (1984) Zarozhdenie fashistskikh tendencij v lagere pol'skoj nacional'noj demokratii (1919–1926 gg.) [The Emergence of Fascist Tendencies in the Camp of Polish National Democracy (1919–1926)] // Problemy istorii krizisa burzhuaznogo politicheskogo stroya. Strany Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy v mezhvoennyj period [Problems of the History of the Bourgeois Political System's Crisis. The Countries of Central and Southeastern Europe in the Interwar Period]. M.: Nauka. S. 117–139.
2. Mirzekhanov V.S. (2014) Evropejcy v koloniyah: stil' zhizni i osobennosti mentaliteta [Europeans in the Colonies: Lifestyle and the Specifics of the Mentality] // Vestnik RGGU. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie». № 18. S. 38–53.
3. Mikhin O.V. (2025) «Kolonial'nye pervoprohodcy»: propaganda Morskoj i kolonial'noj ligi sredi krest'yan Vtoroj Rechi Pospolitoj [«Colonial Pioneers»: Propaganda of the Maritime and Colonial League among Peasants of the Second Polish Republic] // Slavyanovedenie. № 1. S. 34–45.
4. Nesterova T.P. (2014) Ideya «ital'yanskoy identichnosti» v kolonial'noj politike Italii [The Idea of «Italian Identity» in the Italian Colonial Policy] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». T. 5. Vypusk 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000700-9-1/>
5. Prusskaya E.A. (2021) Proekty kolonizacii Alzhira v period francuzskoj okkupacii (1830–1834 gody) [Projects of Colonization of Algeria during the Early French Occupation (1830–1834)] // Novaya i Novejshaya istoriya. № 6. S. 31–43.
6. Balbo I. (2018) Dwadzieścia tysięcy // Morze i Kolonie. 1939. № 3. S. 11–16.
7. Barclay F., Chopin C.A., Evans M. Introduction: Settler Colonialism and French Algeria // Settler Colonial Studies. 2018. Vol. 8. № 2. P. 115–130.
8. Błęd M. (2020) Land Reform in the Second Polish Republic // Rural History. 2020. Vol. 31. № 1. P. 97–110.

9. Borejsza J. (1981) Rzym a wspólnota faszystowska: o penetracji faszyzmu włoskiego w Europie Środkowej, Południowej i Wschodniej. Warszawa: Książka i Wiedza, 1981.
10. Clarence-Smith G. (1985) Business Empires in Angola under Salazar, 1930–1961 // African Economic History. 1985. № 14. P. 1–13.
11. Cwalina L. (1935) Przegląd prasy zagranicznej // Sprawy Morskie i Kolonialne. 1935. № 1. S. 159–166.
12. Dmowski R. (1904) Myśli nowoczesnego Polaka. Lwów: Towarzystwo Wydawnicze, 1904 [tzn. 1903].
13. Głuchowski K. (1928) Angola jako ewentualny polski teren osadniczy // Morze. 1928. № 5. S. 26–29.
14. Głuchowski K. (1930) Z planem – dla jutra // Morze. 1930. № 2–3. S. 43–44.
15. Gonçalves M. (2018) Of Peasants and Settlers: Ideals of Portuguese, Imperial Nationalism and European Settlement in Africa, c. 1930 – c. 1945 // European Review of History. 2018. Vol. 25. № 1. P. 166–186.
16. Heywood L.M. (1987) The Growth and Decline of African Agriculture in Central Angola, 1890–1950 // Journal of Southern African Studies. 1987. Vol. 13. № 3. P. 355–371.
17. Jennings E.T. (2017) Perspectives on French Colonial Madagascar. New York: Palgrave Macmillan, 2017.
18. Jewsiewicki B. (1977) The Great Depression and the Making of the Colonial Economic System in the Belgian Congo // African Economic History. 1977. № 4. P. 153–176.
19. Kiernik Z. (1930) Algier jako teren kolonizacyjny // Kwartalnik Instytutu Naukowego do Badań Emigracji i Kolonizacji. 1930. № 3–4. S. 23–92.
20. Kolonizacja w Tripoli // Morze. 1934. № 6. S. 18–19.
21. Kowalski M.A. (2010) Dyskurs kolonialny w Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa: Instytut Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Warszawskiego, 2010.
22. Kronika kolonjalna // Morze. 1930. № 1. S. 28–29.
23. Kronika kolonjalna // Morze. 1931. № 5. S. 32.
24. Kronika kolonjalna // Morze. 1931. № 8. S. 30.
25. Kronika morska i kolonialna // Sprawy Morskie i Kolonialne. 1938. № 3. S. 93–107.
26. Kronika Związku // Morze. 1928. № 7. S. 21–22.
27. Legouis J. (1936) The Problem of European Settlement in the Belgian Congo // International Labour Review. 1936. Vol. 34. № 4. P. 478–495.
28. Lepecki M.B. (1938) Madagaskar: kraj, ludzie, kolonizacja. Warszawa: Rój, 1938.
29. Łyp F. (1935) Algier i Francja // Morze. 1935. № 5. S. 24.
30. Łyp F. (1929) Ekspedycja do Angoli (wrażenia i spostrzeżenia) // Morze. 1929. № 12. S. 20–22.
31. Łyp F. (1930) Niezwykłe korespondencje z Angoli // Morze. 1930. № 12. S. 25–27.
32. Łyp F. (1934) Projekt osadnictwa żydowskiego w Angoli // Morze. 1934. № 2. S. 23.
33. Łyp F. (1931) Przegląd kolonjalny // Morze. 1931. № 5. S. 30–32.
34. Łyp F. (1934) Przegląd kolonjalny // Morze. 1934. № 3. S. 26–27.
35. Łyp F. (1935) Sprawy kolonialne // Morze. 1935. № 8–9. S. 36–37.
36. Mały rocznik statystyczny. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 1939.
37. Marszał M. (2011) Polskie elity wobec włoskiego faszyzmu, 1922–1939 // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. 2011. № 1. S. 121–137.
38. Martonne E. de. Madagaskar (Dokończenie) // Morze. 1930. № 5. S. 23–28.
39. Mazurkiewicz R. (1933) Włoska polityka emigracyjna // Polityka Narodów. 1933. Z. 11. S. 3–22.
40. Oksza-Grabowski J. (1929) Afryka Francuska // Morze. 1929. № 2–3. S. 70–71.

41. Oszelda W. (1936) Włosi poza granicami ojczyszny // Morze. 1936. № 8. S. 20–22.
42. Pankiewicz M. (1935) Żądamy kolonji // Morze. 1935. № 5. S. 12–13.
43. Paszkowicz A. (1930) Z Angoli // Kurjer Warszawski: wydanie wieczorne. 1930. № 331. S. 11.
44. Piotrowicz R. (1937) Italiska kolonizacja w Libii // Morze. 1937. № 5. S. 11–13.
45. Piotrowicz R. (1937) Kolonizacyjne doświadczenia Italii // Morze. 1937. № 6. S. 20–22.
46. Piotrowicz R. (1936) Rewizja mandatów kolonialnych // Sprawy Morskie i Kolonjalne. 1936. № 1. S. 17–36.
47. Piotrowicz R. (1937) Światowe znaczenie libijskiego eksperymentu Italii // Polonia-Italia: miesięcznik italo-polski. 1937. № 7. S. 5–7.
48. Przegląd kolonialny // Morze. 1932. № 5. S. 30–32.
49. Przegląd kolonialny // Morze. 1933. № 4. S. 25–26.
50. Puchalski P. (2021) Pionier nie tylko kolonialny: działalność naukowo-popularyzacyjna Mieczysława Lepeckiego na przykładzie biografii Maurycego Beniowskiego // Analecta. Studia i Materiały z Dziejów Nauki. 2021. Vol. 30, z. 3. S. 171–187.
51. Puchalski P. (2022) Poland in a Colonial World Order: Adjustments and Aspirations, 1918–1939. London; New York: Routledge, 2022.
52. Puchalski P. (2018) Polityka kolonialna międzywojennej Polski w świetle źródeł krajowych i zagranicznych: nowe spojrzenie (1918–1945) // Res Gestae Czasopismo Historyczne. 2018. № 7. S. 68–121.
53. Romański M. (1937) W Libii z Benito Mussolinim // Polonia-Italia: miesięcznik italo-polski. 1937. № 4. S. 3–6.
54. Rozwadowski J. (1934) Ekspansja kolonialna u obcych // Morze. 1934. № 6. S. 20.
55. Rozwadowski J. (1928) Przegląd kolonialny // Morze. 1928. № 4. S. 31–32.
56. Rozwadowski J. (1928) Przegląd kolonialny // Morze. 1928. № 5. S. 29–31.
57. Rozwadowski J. (1928) Przegląd kolonialny // Morze. 1928. № 7. S. 19–21.
58. Rozwadowski J. (1928) Przegląd kolonialny // Morze. 1928. № 8. S. 30–32.
59. Rozwadowski J. (1929) Przegląd kolonialny // Morze. 1929. № 1. S. 32–34.
60. Rozwadowski J. (1930) Przegląd kolonialny // Morze. 1930. № 1. S. 26–28.
61. Rozwadowski J. (1930) Przegląd kolonialny // Morze. 1930. № 7. S. 33–35.
62. Segré C.G. (1974) Fourth Shore: the Italian Colonization of Libya. Chicago: University of Chicago Press, 1974.
63. Skulimowska M. (2019) Polish Colonial Aspirations in Africa: the Maritime and Colonial League in Angola and Liberia, c. 1920–1939: Doctor of Philosophy (PhD) Thesis. [Canterbury]: University of Kent, 2019.
64. Smolan K. (2020) Urzędnicy służby zagranicznej Rzeczypospolitej Polskiej, 1918–1945: przewodnik biograficzny. T. 1. Warszawa: Ministerstwo Spraw Zagranicznych, Naczelną Dyrekcją Archiwów Państwowych, 2020.
65. Sprawy Kolonialne // Morze. 1938. № 3. S. 31–32.
66. St. Bod. Sprawy kolonialne // Morze. 1936. № 12. S. 30.
67. Statham J.C.B. (1922) Through Angola, a Coming Colony: with 138 Illustrations, 2 Maps and 4 Charts. Edinburgh; London: William Blackwood & Sons, 1922.
68. Sukienicki H. (1929) Sprawa osadnictwa polskiego we Francji // Morze. 1929. № 6. S. 22–23.
69. Surałło B. (1938) Italia rozpoczęła w Libii akcję osiedleńczą... // Morze. 1938. № 12. S. [1].
70. Taruffi D. (1916) L'altipiano di Benguella (Angola) ed il suo avvenire agricolo:

(dalla «Relazione della missione agricola italiana inviata in Angola» dal Sindacato Italiano per Imprese nell'Africa Occidentale). Firenze: Istituto Agricolo Coloniale Italiano, 1916.

71. Whittlesey D.S. (1924) Geographic Provinces of Angola: an Outline Based on Recent Sources // Geographical Review. 1924. Vol. 14. No. 1. P. 113–126.

72. Woolbert R.G. (1935) Italy's Colonial Empire // Current History. 1935. Vol. 41. № 5. P. 542–548.

73. Z.Ł. Polityka kolonjalna Włoch // Morze. 1931. № 6–7. S. 37–39.

74. Zieliński S. (1932) Pierwszy projekt kolonizacji emigrantów polskich // Morze. 1932. № 6. S. 19–21.

Об авторе

Михин Олег Владимирович – аспирант кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета. (Россия). E-mail: mikhin2000@list.ru

Mikhin Oleg Vladimirovich – PhD student of the Department of Modern Russian History of the Russian State University for the Humanities. E-mail: mikhin2000@list.ru

Некрашевич Ф.А., кандидат исторических наук, доцент, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Республика Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕКРУТСКОЙ ОЧЕРЕДИ У ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (1831 – 1861 гг.)

Статья раскрывает особенности формирования рекрутской очереди среди помещичьих крестьян Витебской губернии Российской империи в 1831 – 1861 гг. Ключевым отличием несения рекрутской повинности помещичьими крестьянами по сравнению с иными социальными группами являлась важнейшая роль помещика при формировании рекрутской очереди. Помещичьи крестьяне в значительно меньшей степени регламентировались российским законодательством в данном вопросе. Объективными факторами, влиявшими на формирование рекрутской очереди, выступали количество рабочих рук в семье, законопослушность, а также материальное положение. Ключевым субъективным фактором являлась личность самого помещика и его личная заинтересованность в ведении хозяйства. Помимо самого помещика, формированием рекрутской очереди могли заниматься управляющий имением, староста или же сход сельских старшин. Кроме того, помещики нередко использовали рекрутскую повинность как инструмент решения своих финансовых проблем. В связи с этим, они пытались лоббировать отдачу дополнительных рекрутов за денежную компенсацию или же списание долгов перед государством. Самоуправство помещиков и даже откровенная жестокость вынуждали крестьян различными способами уклоняться от военной службы, а также писать жалобы местной администрации.

Ключевые слова: рекрутская повинность, Российская империя, Витебская губерния, рекрутская очередь, помещичьи крестьяне, рекрутские квитанции, жестокое обращение с крестьянами, взяточничество.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-72-83

Введение. Ключевой системой комплектования вооруженных сил Российской империи на протяжении XVIII ст. – 1874 г. являлась рекрутская повинность. Одной из характерных черт данной системы являлся ее сословный характер. Это означало наличие особенностей несения рекрутской повинностию отдельными социальными и этническими группами Российской империи: мещанами, евреями, государственными крестьянами и т.д. При этом наиболее острым вопросом, связанным с выполнением данной повинности, являлся выбор лиц, которые должны были поступить на укомплектование вооруженных сил. Подобный выбор осуществлялся посредством формирования рекрутской очереди. Под термином «рекрутская очередь» в российском законодательстве понимался порядок взимания рекрутов из семей в тех участках, которые

«отправляют рекрутскую повинность натурай» [33, Т. 4, Кн. 1, ст. 13, с. 8].

Наиболее многочисленной категорией населения, дававшей основной приток новобранцев, являлись помещичьи крестьяне. Данная статья посвящена особенностям формирования рекрутской очереди среди помещичьих крестьян Российской империи на примере Витебской губернии. Хронологические рамки исследования обусловлены, с одной стороны, введением Рекрутского устава 1831 г. (далее – Устав 1831 г.), с другой – отменой крепостного права в 1861 г., когда правовой статус помещичьих крестьян стал стремительно изменяться.

В российской историографии можно условно выделить две основные традиции изучения феномена рекрутской очереди. С одной стороны, как явления социальной истории, имевшее важное значение в повседневной жизни различных слоев населения: помещиков, мещан, различных

категорий крестьян и т.д. С другой стороны, как важный элемент системы пополнения вооруженных сил Российской империи. На наш взгляд, данная классификация вполне справедлива и в отношении исследований, посвященных рекрутской повинности помещичьих крестьян.

В исследованиях, посвященных комплексному изучению рекрутской повинности, процесс формирования рекрутской очереди в помещичьей деревне рассмотрен лишь частично. Так, в диссертации Ф.Н. Иванова, посвященной рекрутской повинности в северном регионе Российской империи, в силу специфики региона, тема помещичьих крестьян не затрагивается [5]. В работе Е.Л. Вакуловой в гораздо большей степени рассмотрены особенности формирования рекрутской очереди в участках государственных крестьян [3, с. 161–184]. Исследование В.Н. Горелова, посвященное карательной функции рекрутской повинности, также построено в основном на эмпирическом материале участков государственных крестьян [4, с. 59–79].

Роли рекрутской повинности в социально-экономической жизни помещичьей деревни рассмотрена в исследованиях В.А. Александрова, Д.А. Быкова, И.Д. Ковалченко, Л.С. Прокофьевой, В.А. Федорова [1, с. 241–293; 2, с. 156–162; 6, с. 178–179; 32, с. 151–157; 36, с. 241]. Среди них в контексте изучаемой проблемы наибольшее значение по праву имеет исследование В.А. Александрова. В своей монографии ему удалось детально описать механизм формирования рекрутской очереди в помещичьей деревне. Выводы автора аргументированы использованием внушительного массива статистических данных. Тем не менее, исследование В.А. Александрова и других упомянутых исследователей данной группы построено на анализе крупнейших помещичьих хозяйств центральных российских губерний. Как будет в дальнейшем показано в данной статье, формирование рекрутской очереди у

помещиков, имевших долги либо небольшое количество крестьян, имело свои особенности по сравнению с хозяйствами крупнейших землевладельцев империи.

Источниковой базой исследования послужило российское законодательство, посвященное регламентации проведения рекрутских наборов. В первую очередь это Устав 1831 г., а также его позднейшие редакции. Кроме того, в статье использованы ранее неопубликованные делопроизводственные материалы правительственных учреждений Витебской губернии. В основном они представлены жалобами со стороны помещиков и их крестьян на различные аспекты проведения рекрутских наборов. Данный вид источников позволяет раскрыть особенности формирования рекрутской очереди в помещичьей деревне.

Объект и методы исследования.

Объектом исследования является рекрутская повинность в Российской империи в 1815 – 1861 гг. Предметом исследования – формирование рекрутской очереди среди помещичьих крестьян Витебской губернии в 1815 – 1861 гг. В работе были использованы общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и специально исторические (сравнительно-исторический, историко-генетический) методы. Применение сравнительно-исторического метода позволило выявить особенности формирования рекрутской очереди в помещичьих имениях по сравнению с участками государственных крестьян. Использование историко-генетического метода в изучении российского законодательства по теме исследования позволило выявить этапы в изменении государственной политики в отношении прав помещиков на формирование рекрутской очереди. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективности, признания причинно-следственных связей событий и явлений.

Результаты и их обсуждение. В вопросе формирования рекрутской очереди помещичьими крестьянами белорусских

губерний можно условно выделить два этапа, которые обусловлены действием ряда нормативных документов. Первый этап (1793 – 1831 гг.) связан с действием «Генерального учреждения о сборе рекрут 1766 г.». Этот документ предоставлял по сути неограниченные права помещикам в формировании рекрутской очереди. Немногочисленные ограничения были обусловлены лишь запретом на продажу крестьян от одного помещика другому для отдачи в рекруты и отдаче на военную службу чужих крестьян [30, Т. 17, №12748, с. 997–1015]. Невмешательство властей неминуемо порождало произвол помещиков в жизненно важном для государства вопросе пополнения вооруженных сил. В связи с этим, на протяжении второго этапа (1831 – 1861 гг.) государство стремилось ввести некоторые ограничения в действия дворян. Эти изменения были отражены в Уставе 1831 г. и его позднейших редакциях.

Ключевым вопросом при отбытии рекрутской повинности являлся порядок определения рекрутской очереди. Устав 1831 г. гласил: «порядок очередей в участке крестьян помещичьих учреждается по усмотрению их помещика» [33, Т. 4, Кн. 1, ст. 132, с. 39]. В связи с этим, помещики сами определяли порядок составления рекрутской очереди. Если помещик самостоятельно не хотел заниматься формированием рекрутской очереди, он мог делегировать свои полномочия управляющему имением, крестьянскому старосте или же крестьянским старшинам. В случае, если отдачей крестьян на военную службу занимался управляющий имением, он выполнял всю техническую работу по формированию очереди. Тем не менее, формально приговор на отдачу в рекруты все равно утверждался собственником имения. Помещичьи крестьяне нередко подавали жалобы местным властям, полагая, что отдача в рекруты осуществлялась по воле управляющего. Подобную жалобу подавал крестьянин

помещика Витебского уезда барона Аша Тимофея Иванов. По словам Т. Иванова, его зять Иван Антонович был отдан в рекруты по усмотрению управляющего, а не помещика. Как выяснилось, помещик лишь расписался в приговоре на отдачу в рекруты крестьян, но сам не находился в имении [23, л. 3–3 об.]. Из-за этого у крестьян и возникло подозрение в произволе со стороны управляющего.

Еще одним исполнителем в вопросе формирования рекрутской очереди мог выступать крестьянский староста, который назначался помещиком и помогал ему в управлении имением. Например, в 1851 г. помещик Режицкого уезда Иосиф Бениковский доверил право формирования рекрутской очереди своему управляющему дворянину Александру Ленбичу. Последний делегировал это право крестьянскому старосте Андрею Петрову [21, л. 18, 20].

Небогатые помещики могли также доверить право сформировать очередь напрямую крестьянским старшинам. Так в 1848 г. поступил помещик Невельского уезда коллежский советник Евреинов. Крестьянские старшины утвердили рекрутскую очередь самостоятельно, а помещик лишь подписал необходимые документы [22, л. 5–5 об.]. Правда, сказать насколько распространенной была подобная практика достаточно сложно. Изученные документы позволяют предположить, что большинство землевладельцев предпочитали доверять ведение рекрутской очереди управляющим.

Наконец, если имение находилось в аренде, заниматься формирование рекрутской очереди мог арендатор. Например, помещица Витебского уезда Иозефина Бычковская отдала в аренду два фольварка дворянину Мальчевскому, который занимался в том числе вопросами рекрутского набора [15, л. 3–3 об.].

Вполне естественно, что помещики не были заинтересованы в отдаче своих здоровых, работающих и законопослушных

крестьян в рекруты. В первоочередном порядке на военную службу отдавались крестьяне, не представлявшие особой значимости для помещика. Российское законодательство поощряло подобные действия. Помещики, в отличие от мещан и государственных крестьян, имели право отдавать в рекруты крепостных в зачет будущих наборов в любое время «по непосредственному своему усмотрению» [33, Т.4, Кн. 1, ст. 376, с. 82]. Как правило, речь шла о лицах, характеризовавшихся «дурным поведением». Данная формулировка носила крайне расплывчатый характер и в целом характеризовалась как грубое нарушение лицом предписанных правил поведения. К подобным нарушениям относились: неуплата податей, воровство, пьянство, бродяжничество. Если же помещик хотел любой ценой избавиться от неугодного ему крепостного, но тот не подходил по возрастным требованиям (от 20 до 35 лет), то Устав предусматривал отдачу на военную службу без зачета помещичьих крестьян в возрасте от 18 до 40 лет.

Вслед за крестьянами «дурного поведения» следовали одинокие мужчины. Подобные крепостные, еще не женившиеся и не получившие собственного хозяйства, являлись подходящими кандидатами для отдачи на военную службу. Во-первых, их поступление на военную службу не влекло за собой обязанности помещика и общины по содержанию детей и жен новобранца. Во-вторых, отсутствие собственного хозяйства не влекло для помещика существенных экономических потерь. Так, в 1849 г. помещики Дриденского уезда Станислав Кукель и Антон Маковский обращались к властям с просьбой о перемене отданных в рекруты крестьян. В своей аргументации они подчеркивали, что изначально планировали направить на военную службу «одинокого и не хозяина». Однако, выбранные ими люди скрылись и пришлось направить на службу домохозяев [18, л. 1–3].

Еще одной уязвимой категорией

крестьянства являлись дворовые. Распространенным способом расправы помещика с крепостными крестьянами являлось право землевладельца по собственной воле переводить своих крестьян в разряд дворовых людей [35, Т. 9, Кн. 1, ст. 966, с. 184]. Затем, дворового крестьянина можно было досрочно отдать в рекруты в зачет будущих наборов под предлогом совершения проступков или неплатежа податей. Так, в 1841 г. помещик Витебского уезда Петр Косов приказал перевести сына крестьянки Анны Лазаренко-вой Астафия в дворовые и отдать в рекруты. В витебском рекрутском присутствии Астафия забраковали ввиду проблем со здоровьем. П. Косов, заподозрив своего крепостного в умышленного симулировании заболевания, приказал «приготовить розги». В ответ Астафий, боясь телесного наказания, попытался перерезать себе горло [14, л. 7–7 об.]. В 1854 г. помещик Лепельского уезда Андрей Максимович воспользовался указанной схемой в отношении семьи крепостного Сергея Романова и его трех сыновей. Одного сына, Захара, А. Максимович отдал в рекруты в 1843 г. Двух других сыновей, Данилу и Федора, помещик отдал в рекруты в 1854 г. за «неповинование и замеченную расстрату имущества». Престарелого же отца, А. Максимович также перевел в дворовые, так как «по старости не мог содержать хозяйство» [26, л. 21–21 об.].

После поставки на военную службу нарушителей закона и одиноких крестьян наступала очередь семейных крестьян. В.А. Александров выделял три основных способа формирования рекрутской очереди в больших помещичьих хозяйствах: отбор из числа большесемейных крестьян, из числа малотяглых, а также отбор на основе всеобщего охвата повинностью мужского состава общины [1, с. 246–247]. Выбор того или иного подхода определялся волей самого помещика, экономическим положением имения, а также количеством и составом самих крестьянских семейств.

Например, в случае наличия значительного числа большесемейных крестьян, очевидно, помещик мог привлекать в основном подобных лиц к проведению наборов. Если в имении был ряд бедных семейств, которые были не в состоянии выплачивать подати, то тяжесть несения рекрутской повинности переносилась на них, а богатые семейства вносили за них все необходимые денежные взносы. Наконец, помещик мог формировать рекрутскую очередь на основе простой очередности от больших семейств к малым.

Практика отдачи единственных кормильцев в семействе была крайне обременительна не только для самих семейств, но и для помещика. Землевладелец, отдавая такого крестьянина в рекруты, должен был отдавать себе отчет в том, что на его плечи впоследствии падет содержание его ближайших родственников. Так, в 1855 г. крепостная крестьянка имения Крейцбург Динабургского уезда Ева Иандрикова подала губернским властям жалобу на своего помещика барона Корфа. Беременная просительница, будучи матерью троих несовершеннолетних детей, жаловалась на отдачу в рекруты своего мужа. В своем объяснении барон Корф указывал, что «жена и дети будут обеспечиваться от имения содержанием» [29, л. 8–10]. Подобное негласное правило существовало и в других регионах Российской империи [1 с. 259].

В небольших имениях, в случае отсутствия годных к несению военной службы, помещики были обязаны вносить денежный взнос взамен поставки новобранца [33, Т.4, Кн. Ст. 319, с. 82]. Например, в 1842 г. с имения малолетних помещиков Лускиных Себежского уезда должен был быть поставлен один рекрут. Так как годных к военной службе в имении не оказалось, с помещиков была взыскана одна тысяча рублей ассигнациями [16, л. 1–1 об.]. Подобный инцидент произошел в 1850 г. в Лепельском уезде с помещиком Игнатом Жабой, у которого был лишь один

годный к военной службе крестьянин. Последнему удалось бежать и вовремя найти беглеца не удалось [19, л. 1]. В итоге с И. Жабы было взыскано триста рублей серебром [35, Т.4, Кн. Ст. 370, с. 80].

В связи с тем, что рекруты представляли крайне важный для государства человеческий ресурс, среди помещиков нередко звучали предложения поставлять дополнительных новобранцев государству в обмен на денежную компенсацию. Авторами подобных предложений, как правило, выступали лица, испытывавшие серьезные финансовые затруднения. Например, в 1834 г. помещица Лепельского уезда Виктория Недзвецкая имела денежную задолженность перед Санкт-Петербургским опекунским советом. Не располагая необходимой суммой, она обратилась к губернским властям с просьбой принять в рекруты одного из ее крестьян в счет уплаты недоимки [10, л. 4–5]. В том же году сразу несколько помещиков Велижского уезда обратились к витебскому гражданскому губернатору Николаю Ивановичу Шредеру «объясняя бедное положение жителей потерпевших от неурожая хлеба и не имеющих возможности очистить числящуюся на имениях их недоимку податей и земского сбора» с просьбой «в зачет будущих наборов принимать рекрут за означенную недоимку в тысячу рублей ассигнациями» [13, л. 1–2]. В подобных ситуациях помещики пытались отдать в рекруты крестьян из беднейших семейств, которые были не в состоянии прокормить себя.

С одной стороны, армия Российской империи испытывала постоянный некомплект и поступление дополнительных новобранцев было бы одобрено военным ведомством. С другой, систематическая отдача крестьян в рекруты подобным способом неминуемо привела бы к разорению помещичьих имений. Это прекрасно понимало и российское правительство, поэтому на законодательном уровне возможность отдачи помещичьих крестьян в зачет будущих наборов была ограничена [31, Т.

20, №19038, с. 417]. Кроме того, массовая продажа помещичьих крестьян в рекруты государству шла в разрез с идеей защиты Отечества посредством многолетней усердной службы в рядах вооруженных сил. На это, в частности, в своем ответе вышеупомянутым помещикам Велижского уезда указывал губернатор Н.И. Шредер, говоря о том, что продажа крестьян в рекруты «не соответствует правилам человеколюбия» [13, л. 2].

В случае, если помещикам не удавалось решить свои финансовые проблемы, имение помещика целиком или частично могло перейти под временный контроль органов дворянской опеки. В таком случае правила формирования рекрутской очереди менялись. [34, Т.10, Ч. 1. Ст. 196 – 229, с. 43–52]. В случае, если часть владений находилось под опекой, помещик терял право исключительно по своей воле формировать рекрутскую очередь. В данном случае он был обязан поставлять рекрутов по уравнительному принципу. Это означало, что с части имения, находящегося под опекой, могло быть поставлено количество новобранцев, соразмерное от общего числа душ во всем имении [33, Т.4, Кн. 1, Ст. 144, с. 39].

Тем не менее, практика отдачи в рекруты крестьян из имений, частично состоявших под опекой за долги, показывает, что губернская администрация придерживалась позиции сохранения в целостности находящейся под опекой части и перекладывания обязанности по поставке рекрутов на помещика-должника. В 1834 г. с подобной проблемой столкнулся помещик Витебского уезда Илья Любощинский. Из 278 душ, числившихся за ним по ревизии, 243 находились под опекой под управлением пяти помещиков. Несмотря на то, что у И. Любощинского осталось лишь 35 душ, он обязан был поставить с оставшейся в его распоряжении части имения всех двух рекрутов, требуемых в качестве недоимки по 98-му набору 1833 г. [12, л. 2–2 об., 5–6].

В свою очередь помещики старались сдать в рекруты крестьян из имений, состоящих под опекой ради сохранения ресурсов, а также из чувства мести. В 1831 г. в Режицком уезде крестьяне имения Орехово помещика Фердинанда Лукашевича, обратились с жалобой к губернским властям на своего владельца, обвиняя его в жестоком обращении. Претензии крестьян были признаны справедливыми и имение было передано в опеку. Ф. Лукашевич решил отомстить своим крестьянам. Он явился в имение Орехово с дворовыми и насильно «взял 6 человек, в том числе 4 хозяев, и доставил в кандалах» в рекрутское присутствие. Ф. Фердинанд объявил чиновникам присутствия, что в знак «усердия и приверженности государю императору жертвует для пользы Отечеству рекрутов». В ходе проведенной проверки выяснилось, что Ф. Фердинанд пытался отдать в рекруты именно тех крестьян, которые жаловались на жестокое обращение. В результате в принятии новобранцев помещику было отказано [9, л. 16, 19, 24].

Как мы видим, помещики, согласно российскому законодательству, действительно имели широкую свободу действий при формировании рекрутской очереди. Тем не менее, даже при наличии такой комфортной правовой регламентации нередкими были случаи нарушения помещиками положений Устава 1831 г. ради сохранения рабочих рук в имении. В основном подобные действия объяснялись желанием помещика направить на военную службу конкретного крестьянина, который по возрасту или состоянию здоровья не соответствовал предъявляемым требованиям. Например, в 1850 г. помещик Полоцкого уезда Грибницкий пытался сдать в рекруты своего крепостного Григория Демьянова. Вместо предоставления необходимого по закону метрического свидетельства, удостоверяющего возраст новобранца, помещик указал возраст Г. Демьянова (34 года) на основании

свидетельств третьих лиц. При последующей проверке выяснилось, что реальный возраст новобранца составляет 39 лет и он был забракован рекрутским присутствием [20, л. 1, 3–4 об.]. При проведении 13-го набора с западной полосы и общего набора 1855 г. помещик Люцинского уезда Паулин сдавал рекрутов, не соответствовавших необходимым возрастным критериям. При проведении 13-го набора с западной полосы – двух рекрутов 18 лет, а при проведении общего набора 1855 г. – одного рекрута старше 35 лет [28, л. 3–5].

Некоторые помещики до конца пытались доказать чиновникам рекрутского присутствия, что их негодные по возрасту или здоровью крепостные все-таки способны к военной службе. В 1855 г. помещики Суражского уезда Эдуард Бычковский, Велижского уезда Константин Свольский и Константин Кавецкий обратились с жалобой к Белорусскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту Михаилу Александровичу Урусову с жалобой на витебское рекрутское присутствие, забраковавшее их крестьян. В своем объяснении чиновники присутствия указали на заболевания и физические особенности, указывавшие на очевидную негодность к военной службе: сутуловатость и искривление позвоночника, венерическая болезнь и низкий рост [11, л. 3]. При проведении 13-го набора 1855 г. с западной полосы всего по Витебской губернии было выявлено 12 рекрутов, чей возраст превышал 35 лет. При этом все они были поставлены из помещичьих участков [27, л. 1].

Встречались единичные случаи, когда помещики шли на совершение серьезных преступлений в целях уклонения от рекрутской повинности. Так, в 1831 г. в Витебской губернии возник серьезный скандал, потребовавший вмешательства самого императора Николая I. Помещик Динабургского уезда коллежский асессор граф Франц Молль отдал приказ управляющему своего имения Бальцеровичу отыскать постороннего человека и

насильно отдать его в рекруты под видом своего крепостного. Жертвой подобного распоряжения стал крестьянин полоцкого греко-униатского архиепископа Якуба Мартусевича Терентий Ануфриев. Он официально получил разрешение на отлучку в целях заработка в Динабургском уезде, где и был схвачен людьми графа Молля. Впоследствии он две недели находился в тюремном заточении в имении графа, где управляющий бил его и угрожал физической расправой в случае, если тот откажется повторить в рекрутском присутствии, что является крепостным Ф. Молля. Тем не менее, Т. Ануфриев все рассказал чиновникам присутствия. Император Николай I распорядился, «уважая добродорядочную службу графа», а также его преклонный возраст, взыскать с нарушителя лишь крупный денежных штраф [8, л. 8, 19].

Рассмотренные выше примеры красноречиво демонстрируют, что помещики Витебской губернии (в первую очередь небогатые) нередко нарушали закон, а порой и шли на откровенную жестокость в отношении крестьян при проведении рекрутских наборов ради получения личной выгоды. С другой стороны, крестьяне в целях уклонения от военной службы также шли на различные ухищрения. Среди действий помещичьих крестьян по уклонению от рекрутской повинности можно выделить наиболее распространенные: побеги, членовредительство, попытки самоубийства, а также жалобы на действия помещика в отношении государственных органов.

В своих действиях по уклонению от рекрутской повинности помещичьи крестьяне, как правило, были ограничены как в финансовых возможностях, так и в знании российского законодательства. В связи с этим, наиболее распространенным способом избежать рекрутчины являлся побег. Идея заключалась в том, чтобы скрыться от помещика на время проведения рекрутского набора.

Подобная стратегия была наиболее проста в исполнении, так как не требовала серьезных финансовых затрат. Как правило, крестьяне скрывались у родственников и знакомых крестьян из других деревень, где они помогали по хозяйству в обмен на еду и крышу над головой. Например, в 1849 г. крестьяне Витебского уезда помещицы Хребтовичевой Прохор Миронов и Степан Павлов скрывались от рекрутчины у крестьян помещика Ульяновского в том же уезде [17, л. 1–2].

Некоторые крестьяне настолько не хотели поступать на военную службу, что были готовы на самые отчаянные поступки, включая членовредительство и даже суицид. Членовредительство давало определенную надежду избежать рекрутчины и вести полноценную жизнь в качестве члена местной общины. Перед членовредителем стояли две основные задачи. Во-первых, нанести себе травму, несовместимую с несением службы, но при этом не превращающую мужчину в калеку. Во-вторых, сделать все возможное, чтобы местная община и представители властей поверили в непреднамеренный характер травмы [7]. Тем не менее, подобное удавалось далеко не всегда. Согласно российскому законодательству, помещики и общины имели право получения зачета за членовредителя при условии своевременного обращения в полицию и проведении соответствующего освидетельствования врачом.

Попытки самоубийства были тесно связаны с побегами от рекрутчины. Пойманные беглецы, доведенные до отчаяния перспективой поступления на военную службу, нередко были готовы на самые отчаянные поступки. Так, крепостной помещика и предводителя дворянства Городецкого уезда Осипа Любощинского Самуил Трехов узнав, что его хотят забрать в рекруты, скрылся. Крестьянами О. Любощинского удалось найти беглеца. С. Трехов осознав, что ему уже некуда бежать, «разрезал себе брюхо и горло» [25, л. 1–2].

Желание получить свободу нередко порождало появление среди крестьян историй о том, что они или их предки получали вольную согласно некоторым документам, которые были утеряны или умышленно скрывались помещиками. Так, в апреле 1854 г. дворовая крестьянка помещика Невельского уезда Степана Азанчевского Мария Карчевская обратилась с жалобой в Министерство юстиции Российской империи. По версии крепостной, ее отец Егор Карчевский получил вольную от отца Степана Азанчевского Демьяна. В благодарность за это крестьянин остался при своем помещике и продолжал честно служить ему до самой смерти. После смерти Д. Азанчевского отпускной акт был «случайно утрачен» и по принуждению помещика все семейство по ревизским сказкам вновь приписали к крепостному состоянию. Более того, по словам просительницы, брат покойного Е. Карчевского «скованый и связанный» был отдан в рекруты С. Азанчевским за то, что узнал тайну об утерянном документе. Следствие не подтвердило жалобу М. Карчевской [24, л. 5–5 об., 28].

Заключение. Эволюция рекрутской повинности в XIX ст. в первую очередь была связана со стремлением правительства постепенно взять под свой контроль все этапы отбора новобранцев в российскую армию. Это провело к последовательной регламентации формирования рекрутской повинности среди мещан и государственных крестьян Российской империи. Тем не менее, подобная политика в значительно меньшей степени затронула помещичью деревню. Государство признавало право власти помещика над крепостными во всех сферах жизни, не исключая и вопросы формирования рекрутской очереди. Ограничения со стороны законодателя в данном вопросе были направлены в первую очередь на прекращение практики отдачи крепостных на военную службу в целях личного обогащения. Принципы формирования

рекрутской очереди продолжали определяться личными качествами самого землевладельца: его вовлеченностью в управлеченческую деятельность имением, материальной обеспеченностью, личностными характеристиками. В целом,

особенности формирования рекрутской очереди среди помещичьих крестьян свидетельствовали о нежелании правительства вносить существенные изменения в систему крепостного права в рассматриваемый период.

Список литературы

1. Александров В.А. Сельская община в России (XVII–начало XIX в.). Москва: Наука, 1976. 323 с.
2. Быков Д. А. 2005. Помещик и крестьянин в России XVIII–первой четверти XIX вв.: к проблеме патронирования и управления хозяйством: Дисс. канд. ист. наук : 07.00.02. Москва, 2005. 277 с.
3. Вакурова Л.Е. Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в.: дис. ... канд. Ист. наук : 07.00.02. – Тамбов, 2007. 219 с.
4. Горелов В.Н. Карательная функция рекрутчины в России 1705–1874 гг. Севастополь: Телескоп, 2015. 224 с.
5. Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Сыктывкар, 2006. 220 с.
6. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 400 с.
7. Некрашевич Ф.А. Борьба с членовредительством как способом уклонения от военной службы в Российской империи (1757–1874 гг.) // Вестник ВоГУ. Серия: Исторические и филологические науки. Вологда. 2024. № 3 (34). С. 17-22.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5406
9. НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5740.
10. НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 8152.
11. НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 28029.
12. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8234.
13. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8308.
14. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8976.
15. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9339.
16. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 9663.
17. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 18632.
18. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 18801.
19. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 20333.
20. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 20511.
21. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 21944.
22. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 22117.
23. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 24091.
24. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 26053.
25. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 26746.
26. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 26808.
27. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 27859.
28. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 27861.
29. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 28033.
30. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1851. Собр. 1. Т.

17. 1137 с.

31. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1884. Собр. 2. Т. 20. 1046 с.

32. Прокофьева Л.С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII–первой половине XIX в.: (на материалах вотчин Шереметевых). Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1981. 215 с.

33. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1832 г. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1832. Т. 4: Устав рекрутский. 1832. С. 1–132.

34. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1832 г. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1832. Т. 10: Свод законов гражданских и межевых. 1832. 1225 с.

35. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: [в 15 т.]: 1842 г. Санкт-Петербург: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1842. Т. 9: Свод законов о состояниях. 1842. 569 с.

36. Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района. России конца XVIII – первой половины XIX в. Москва: МГУ, 1974. 305 с.

FEATURES OF THE FORMATION OF A RECRUITMENT QUEUE AMONG LAND-LORD PEASANTS USING THE EXAMPLE OF VITEBSK PROVINCE (1831 – 1861)

The article reveals the features of the formation of the recruitment queue among the landowner peasants of the Vitebsk governorate of the Russian Empire in 1831 – 1861. The key difference in the performance of recruitment duty by landowner peasants in comparison with other social groups was the key role of the landowner in the formation of the recruitment queue. Landowner peasants were much less regulated by Russian legislation in this matter. The objective factors that influenced the formation of the recruitment queue were the number of workers in the family, law-abidingness, and financial situation. The key Subjective factor was the personality of the landowner himself and his personal interest in running the farm. In addition to the landowner himself, the formation of the recruitment queue could be done by the estate manager, the headman, or the meeting of village elders. In addition, landowners often used recruitment duty as a tool to solve their financial problems. In this regard, they tried to lobby for the release of additional recruits for monetary compensation or the write-off of debts to the state. The arbitrariness of landowners and sometimes outright cruelty forced peasants to evade military service in various ways, as well as write complaints to the local administration.

Keywords: conscription, Russian Empire, Vitebsk governorate, recruitment queue, landlord's peasants, recruitment receipts, exploitation of peasants, corrupt practices.

References

1. Aleksandrov V.A. (1976) Sel'skaja obshchina v Rossii (XVII–nachalo XIX v.) [Rural community in Russia (17th – early 19th century)]. Moscow: Nauka. 323 s.
2. Bykov D.A. (2005) Pomeshchik i krest'yanin v Rossii XVIII – pervoj chetverti XIX vv.: k probleme patronirovaniya i upravleniya hozyajstvom [Landowner and peasant in Russia in the 18th – first quarter of the 19th centuries: on the problem of patronage and management of the economy]: Dissertation ... candidate of Historical Sciences, Moscow. 277 s.
3. Vakulova L.E. (2007) Rekrutskie nabory v Tambovskoi gubernii v XIX v. [Rekrutskie nabory v Tambovskoi gubernii v XIX v.]. Dissertation ... candidate of Historical Sciences, Tambov, 219 s.
4. Gorelov, V.N. (2015) Karatel'naya funkciya rekrutchiny v Rossii 1705–1874 gg. [Punitive function of recruitment in Russia 1705–1874]. Sevastopol: Teleskop. 224 s.
5. Ivanov O.G. (2006) Rekrutskaya povinnost' naseleniya Rossii v 1831–1874 godakh:

na materialakh Evropeiskogo Severa [Recruitment of the Russian population in 1831–1874: based on materials from the European North]., Dissertation ... candidate of Historical Sciences, Syktyvkar. 220 s.

6. Koval'chenko, I.D. (1967) Russkoe krepostnoe krest'yanstvo v pervoj polovine XIX v. [Russian serf peasantry in the first half of the 19th century]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 400 s.

7. Nekrashevich, F.A. Bor'ba s chlenovreditel'stvom kak sposobom ukloneniya ot voennoj sluzhby v Rossijskoj imperii (1757 – 1874) [The fight against self-mutilation as a method of avoiding military service in the Russian empire (1757–1874)]. *Vestnik VoGU. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki*. 2024. № 3 (34). S. 17–22.

8. Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi (NIAB) [National Historical Archives of Belarus]. F. 1297. Op. 1. D. 5406.

9. NIAB. F. 1297. Op. 1. D. 5740.

10. NIAB. F. 1297. Op. 1. D. 8152.

11. NIAB. F. 1297. Op. 1. D. 28029.

12. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 8234.

13. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 8308.

14. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 8976.

15. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 9339.

16. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 9663.

17. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 18632.

18. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 18801.

19. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 20333.

20. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 20511.

21. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 21944.

22. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 22117.

23. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 24091.

24. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 26053.

25. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 26746.

26. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 26808.

27. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 27859.

28. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 27861.

29. NIAB. F. 1430. Op. 1. D. 28033.

30. The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire (PSZRI) [Polnoye sobraniye zakonov Rossijskoi imperii]. (1830) Saint Petersburg. Collection 1. Vol. 17. 1137 s.

31. The Complete Collection of the Laws of the Russian Empire (PSZRI) [Polnoye sobraniye zakonov Rossijskoi imperii] (1830) Saint Petersburg. Collection 2. Vol. 20. 1046 s.

32. Prokof'eva, L.S. (1981) Krest'yanskaya obshchina v Rossii vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX v.: (na materialah votchin Sheremetevykh) [Peasant community in Russia in the second half of the 18th - first half of the 19th century: (based on the materials of the Sheremetev estates)]. Leningrad: Nauka. 215 s.

33. Svod zakonov Rossijskoj Imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavленnyj [Collection of Laws of the Russian Empire, compiled by order of the State Emperor Nikolai Pavlovich:]. (1832) Saint Petersburg. Vol. 4. 121 s.

34. Svod zakonov Rossijskoj Imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostавленnyj [Collection of Laws of the Russian Empire, compiled by order of the State Emperor Nikolai Pavlovich:]. (1832) Saint Petersburg. Vol. 10. 1225 s.

35. Svod zakonov Rossijskoj Imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyj [Collection of Laws of the Russian Empire, compiled by order of the State Emperor Nikolai Pavlovich:]. (1842) Saint Petersburg. Vol. 9. 569 s.

36. Fedorov V.A. (1974) Pomeshchich'i krest'yane Central'no-promyshlennogo rajona. Rossii konca XVIII – pervoj poloviny XIX v. [Landlord peasants of the Central Industrial Region. Russia of the late 18th – first half of the 19th century]. Moscow: MGU. 305 p.

Об авторе

Некрашевич Филипп Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической работы, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Республика Беларусь), E-mail: filippnekrasevic@gmail.com

Nekrashevich Pilip Anatolievich – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Ideological Work Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Republic of Belarus), E-mail: filippnekrasevic@gmail.com

Прилукский В.В., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

П.Л. ЛАВРОВ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В США В 1860-Е ГОДЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

В статье рассматривается отражение особенностей религиозной жизни в США в 1860-е гг. в работе Петра Лавровича Лаврова (1823-1900) «Североамериканское сектаторство», опубликованной на страницах известного российского журнала «Отечественные записки» в 1868 г. П.Л. Лавров – выдающийся российский социолог, философ и историк XIX в., один из основных идеологов народничества. Его относительно большой по объему религиоведческий и социологический труд состоял из четырех статей. В серии статей Лавров охарактеризовал следующие темы: религиозность американцев, ривайвелизм, деятельность хилиастов (сторонников хилиазма или миллениализма) в Америке, мистика, колдовство, аскетизм, «женский вопрос в североамериканских сектах», «вопрос о труде», наука, образование и их влияние на религиозные настроения в США. Исследователь подробно описал религиозную ситуацию в США, «религиозное состояние североамериканцев» в 1860-е гг. Главными отличительными чертами религиозной жизни в Америке, по его мнению, являлись «сектантство» и ривайвела. Ривайвела – религиозные «воздрождения» или «пробуждения» способствовали оживлению духовной жизни, интенсификации миссионерской деятельности, увеличению числа верующих, возникновению новых форм религиозности. Американская религиозность сформировалась в основном под влиянием Первого (1730-1755 гг.) и Второго (1787-1860 гг.) Великих пробуждений. Автор изучил не только «старые» протестантские церкви, но также новые религиозные движения: преимущественно общины и течения, возникшие в первой половине XIX в. (мормоны, спиритисты, ирвингиане, дарбисты (плимутские братья), сведенборгианство и др.). Исследование Лавровым религиозной жизни в Америке отличалось скептицизмом и критическим походом с учетом современных ему достижений социальных наук, истории, психологии и психиатрии. Лавров пытался дать рациональное и научно-материалистическое объяснение общественных явлений, включая религиозные движения.

Ключевые слова: история религиозных движений в США в новое время, ривайвелизм в Северной Америке, Первое и Второе Великие пробуждения в США (1730-1860 гг.), религиозность в США в 1860-е гг., отражение исторических событий в российской периодической печати.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-84-93

Введение. П.Л. Лавров отмечал, что США отличаются чрезвычайным разнообразием религиозных групп, в том числе «странных», с «нелепыми верованиями». «В Америке встречаем весьма значительное число сект, религиозных подразделений, начиная с главных установившихся исповеданий Европы (за исключением, впрочем, греко-восточного православия) до полного отсутствия сверхъестественных доктринальных догматов; эти американские denominations возникают с чрезвычайною легкостью, большую частью умирают скоро, но иные держатся довольно значительное время, чтобы их отметили и внесли в тот или другой список; наконец

страннысти, представляемые этими сектами, весьма значительны». «Удивленные русские читатели» должны быть «поражены», «читая о том, как мормонский пророк закрепляет печатью умерших живых и как жарко стремятся мормонки к этому таинственному союзу... За исключением пламенных стремлений индейских женщин к их милому богу, нет такого странного сумасшествия на земле, как эта эротическая страсть мормонок к умершим... Около половины ученых и литераторов Америки, членов Конгресса и законодательных собраний штатов, ... миллионы поклонников принадлежат к учению, замечательнейшие

представители которого весьма серьезно рассказывают, как жители планеты Юпитер ходят на четвереньках или как духи ездят в каретах и беспокоятся, чтобы лошади не понесли» [4, с. 404-405, 470].

Лавров в своем труде пытался найти ответ на вопрос: как оказалась возможной подобная ситуация? («Неужели Америка, на которую с таким сочувствием и такими надеждами обращались думы замечательнейших мыслителей Европы, Америка, эта страна свободы, страна будущего, могла породить подобные безобразия, дать им такое обширное распространение и могучее развитие?»). По мнению исследователя, почва для появления и развития «североамериканского сектаторства», главная причина, «весь корень зла», – это «отсутствие религиозного учения в многочисленных американских общих школах (common schools)» [4, с. 405-407, 425-426]. Он отмечал невежество многих граждан США в вопросах христианства, поскольку система школьного образования отличалась секуляризмом. Церковь отделена от государства, реализуется свобода вероисповедания. «Исключение христианства из общественного воспитания есть самоубийственное установление; худший враг человечества не придумал бы ничего вреднее для республиканских учреждений» [4, с. 406-407]. При этом наблюдался высокий уровень религиозности («для 9/10 населения североамериканских штатов можно совершенно определенно сказать, что они верующие члены той или другой религиозной общинны») [4, с. 408, 430].

Прослеживаются тесные связи между западноевропейским и североамериканским религиозным сознанием: «Все самые странные форменные особенности странных сект коренятся в прошедшем ... Европы, следовательно, как идеи, не могут быть приписаны североамериканскому обществу. Свою организацию с пророками, апостолами, старшинами и т.д., при безусловном праве высших духовных званий (пророков у мормонов, апостолов у

ирвингиан) передавать откровения, мормоны унаследовали от ирвингиан» (возникших в Англии и известных как «апостолы последних дней»). При этом мормоны из-за причин организационного характера «концентрировали эту власть в одном лице». «Духовный мир Сведенборга (шведского духовидца и теософа) даже со всеми частностями перенесения земной обстановки в духовное будущее отразился у шэкеров и спиритистов», но «текущее мысли было не от демократизма к монархизму», а наоборот. «Сведенборг один имел видения: сведенборгианцы их не имели. Шэкеры имеют видения, но не произвольно. Спиритисты свели вопросы на определенную технику» (получая ответы от духов «посредством манипуляций»). Ирвингиане и сведенборгиане передали «новым сектам» Америки свое предоставление о том, что старые церкви обладают «неполным откровением». Мормоны, спиритисты и другие религиозные течения при этом фактически «становятся завершением и отменой предшествующей истории религиозной мысли». В свою идеологию они «внесли требования нового времени», пытаясь «устранить двойственность между религиозной и обычной жизнью». Новые идеи включали в себя: «необходимость труда, желание веселья и земного наслажденья» и «свободу личной мысли против существующей духовной организации и установившихся догматов» [5, с. 324-325].

Объекты и методы исследования.

В отечественной и зарубежной историографии тема данной статьи является практически неисследованной.

Объектом исследования является религиозная ситуация в США в 1860-е гг. и ее отражение в российской периодической печати второй половины XIX в. Предмет изучения – серия статей известного российского исследователя П.Л. Лаврова по данной теме, опубликованная в журнале «Отечественные записки» в 1868 г.

Отечественными исследователями

было установлено, что автором четырех анонимных статей «Североамериканское сектаторство» являлся П.Л. Лавров [1, с. 9-10]. Ученый изучил религиозные настроения американцев в переломный период в истории США, связанный с эпохой противостояния Севера и Юга, вылившегося в Гражданскую войну (1861-1865 гг.) и Реконструкцию южных штатов, начавшуюся в 1865 г. Значительная часть исследования Лаврова посвящена религиозным организациям Америки. Большое внимание исследователь уделял двум крупным религиозным течениям, возникшим в США в первой половине XIX в.: мормонам и спиритистам, а также шейкерам, имевшим английское происхождение. Автор охарактеризовал также некоторые «экзотические» для современников культуры и общины, возникшие еще в XVII-XVIII вв. (квакеры, унитарии, данкеры или шварценауские братья и др.). Для характеристики религиозных групп использовал термин «деноминация».

Лавров опирался во многом на книгу известного британского путешественника, историка, писателя, журналиста, литературного критика и религиоведа Уильяма Хепвортта Диксона (1821-1879) «Новая Америка», вышедшую в свет в Лондоне в 1867 г., переведенную на русский язык и изданную в России в 1868 г. [3]. В конце 1860-х гг. Диксон путешествовал по Америке и Российской империи, тщательно изучая местные религиозные общины. На основе своих наблюдений и исследований он написал и опубликовал несколько книг, посвященных американским и русским сектам [2; 8]. Лавров не только черпал информацию из работы «Новая Америка» британского путешественника-сектоведа, но и одновременно критиковал содержавшиеся в ней сведения.

Теоретико-методологическая основа исследования сформирована на базе принципов историзма, объективности, проблемно-хронологического и сравнительно-

исторического методов исследования.

Результаты и их обсуждение. Лавров справедливо полагал, что характерной особенностью США являлся ривайвализм: «С точностью астрономического явления через периоды небольшого числа лет повторяются в Америке явления религиозного возбуждения, эти ревивали (revivals), которые представляют для скептика такое странное зрелище» [4, с. 407-408]. В США они «сделались хроническим явлением». «Методистам они всего привычнее и методистские проповедники употребляют для возбуждения ревивалей особенные приемы, называемые «новыми приемами», именно лагерные собрания (camp meetings), скамью покаяния и т.п.». Данные явления «показывают в эксцентрических формах традицию Европы, получившую в Америке лишь более широкое развитие», и их необходимо анализировать, учитывая «данные психиатрии». Подобная проповедь представляет собой «не поучение для обычной жизни, и всего менее учение теоретическое или практическое какого-либо доктрины». Происходит «сильное действие на чувство и воображение, сильное потрясение слушателя, быстрое пробуждение в нем сознания греховности», «погружение его в прах». «Для подвижной и впечатлительной натуры американца эта быстрая, опьяняющая смена сильных впечатлений особенно доступна: она не требует ни долгого обдумывания, ни погружения в свою внутреннюю жизнь, а тем менее спокойной критики. Подобно пестрым процессиям и обрядам католицизма, ревивали охватывают человека внешними впечатлениями, и, хотя они действуют чисто внешним образом, но присутствие проповедника, форма слова, в которую облечено орудие действия, все это как будто оставляет слушателя совершенно свободным, а в сущности, отравляет его мозг привычкою поддаваться фантастическим представлениям и нервным припадкам. За то, по миновании

этого эпидемическая появления религиозности, большинство, как после оргии, возвращается охотно к практической обыденной жизни; меньшинство же, глубже пораженное, ищет исхода в сектах более мистического свойства» [4, с. 464-466].

Массовая религиозная истерия наиболее ярко проявлялась в специальных лагерях на природе. На подобных собраниях присутствовало множество «больных, разбитых, отупелых, произносящих несвязные слова или вовсе неговорящих, или говорящих о своих грехах, о величии божием, о видениях; ... больных, которым кажется, «что у них одна половина тела хочет одного, другая половина – другого»» [4, с. 467]. Представляет интерес описание «народного «лагерного» митинга на чистом воздухе» на «диких равнинах» на границе штатов Огайо и Индиана. «Между дуплами и корнями старых дерев, посреди жужжащих насекомых и щебечущих птиц возвышается множество шалашей и палаток, которые, несмотря на свой странный вид, имеют в себе что-то напоминающее домашний очаг; ... в лагере энтузиастов ... есть много черт, напоминающих вашему глазу и уху английскую ярмарку или ирландский храмовой праздник. ... Телеги и фургоны стоят отложенные; лошади и волы лежат на земле или бродят, отыскивая траву. ... Посреди лагеря бледный апостол «пробуждения» ... громовым голосом произносит пламенную речь к толпе столь же пламенных, как он, слушателей, большею частью фермеров и их жен. ... Толпа пылает таким же огнем, как и сам оратор, вполне разделяет его ревность и еще более разжигает его пыл. Его огненные фразы прерываются восклицаниями и всхлипываниями; его отчаянные жесты сопровождаются дикими криками и стонами. Не останавливаясь, не переводя духа, без удержанья, продолжает он свою речь, забрасывает слушателей целым потоком слов и восклицаний; окружающие его мужчины сидят, бледные,

неподвижные, с сжатыми губами, скрестив руки на груди и с отчаянным выражением лица, ясно говорящим, что им нет спасения от греха; женщины же дико мечутся по лагерю, размахивая руками, громко во всеуслышание каясь в своих грехах, и, часто бросаясь на землю с пеной у рта, катаются в истерических судорогах...». «Многие в лагере заболевают, многие умирают. В этой борьбе против силы греха и боязни смерти, говорят, все страсти разнуздываются и человек блуждает без руководителя, без узды» [4, с. 468-470]. «После ревивалей, которые как бы обращали целое население местности в пророков и мистиков, следовали проявления разнузданной страсти, чувственные излишества, резня пьяной толпы, и все это повторялось с неизбежной последовательностью фазисов патологического процесса» [5, с. 311].

«Молодые люди, возбуждающие религиозные движения, служат всегда предметом подозрения для их старейшин; многие, почти один из двадцати, кончают дурно; а гораздо большее число подвергает церковь позору своим легкомысленным поведением в этих лагерях энтузиастов». «Через неделю или месяц ... пыл религиозной ревности ослабевает и малопомалу совершенно исчезает. Начинаются ссоры, ножи выступают на сцену. Циники смеются, хладнокровные удаляются. Ссорящиеся или добиваются друг друга до смерти, или исчезают один за другим; наконец, сам апостол религиозного движения умолкает от жестокого презрения к своим слушателям. Тогда седлается последняя лошадь, закладывается последняя телега и вскоре не остается никаких следов от шумного лагеря, кроме нескольких срубленных деревьев, потоптанной травы и двух или трех свежих могил» [4, с. 468-470].

«...Секты, отрекшиеся от прошлой религиозной традиции, признавшие за собою новое откровение и осудившие старый мир, как языческий, попытались

уничтожить в себе это противоречие, бро-савшееся в глаза. Одни пытались возобновить аскетические требования в другой форме, но тем самым обрекали себя на ограниченный круг действия. Другие прямо внесли в свое религиозное учение требование земного блаженства, в свой кульп и во общественную жизнь – требование веселья, и это придало им огромную силу распространения и пропаганды» [5, с. 311].

Аскетизм в христианской религии – древняя традиция, которая нашла отражение также в американском протестантизме, в котором «сохранилось в некоторой степени аскетическое предание». Например, безбрачие было присуще для «известных институтов лютеранских и англиканских диаконисс во второй четверти нашего века», которые «давали временной обет безбрачия». В дальнейшем безбрачие и бездетность стали характерной особенностью американского религиозного движения шейкеров [5, с. 278].

В США в середине XIX в. заявили о себе сторонники феминизма и суфражизма. Женский вопрос в Америке был связан с нехваткой женщин и их более высоким социальным статусом в Новом Свете, в отличие от Европы [5, с. 326-336]. В работе Лаврова упоминается деятельность феминистки Элизы Фарнхэм (1815-1864) [5, с. 322] и основательницы движения шейкеров Анны Ли (1736-1784). Нередко сторонницы равноправия полов увлекались спиритическими сеансами. «Дикое брожение, которому подвергается женский ум в Америке, отчасти происходит от свободы и благодеяния, которыми пользуются тамошние женщины в сравнении с европейскими». «...Это приводит к спиритизму, к столроверчению, к образованию противобрачных обществ, к теориям о свободной любви, ... к полигамическим ересям, ... к коммунизму жен» [5, с. 319].

Лавров пытался объяснить с точки зрения психологии противоречивость

религиозного сознания американцев. Оно было связано с «крайностями двух разных сторон жизни». Протестантские богословы превратили праздники в «печальные измышления о грехах», а «единственный свободный день работника – в самый тосклиwyй». В результате «бедняку остался один храм веселья – кабак, одно возбуждение – алкоголь». «Требования жизни вышли совсем из религиозной сферы, и человек разделил две несмешиваемые области. Он шел на проповедь степенным шагом с печальным деланным лицом, с сокрушением и вздоханием, слушал, говорил, думал, читал, пел о любви к близким, о прощении врагам, о забвении всего мирского для небесного. Когда часы и дни, на это назначенные, проходили, он предавался беззаботно всем мелочным и гадким побуждениям: эксплуатировал ближнего, клеветал на врага, продавал совесть и стыд для накопления богатств, доходил до самых животных, унизительных наслаждений» [5, с. 310].

Уважительное отношение к труду, который не всегда был в почете в «аристократическом» Старом Свете, стало отличительной особенностью американцев. «Огромность занятой территории имела следствием, что до сих пор осталось много работы пионерам цивилизации, которым приходится физическою силою бороться с физическими силами природы, и зверски оспаривать у полузверей-туземцев места для своих нор и логовищ» [5, с. 306]. «...Общественное значение человека, обреченного на физический труд, в Америке несравненно выше, чем в Европе. ... Физический труд стоял в жизненных идеалах американца почти наравне с трудом умственным. Отсюда проистекает особенность новых сект Америки ..., которая в очень малой мере проявлялась в сектах Европы – освящение физического труда, как цели человека, как его религиозной обязанности, как столь же важного элемента человеческого идеала, если не важнейшего, сравнительно с элементом

умственного развития, религиозного созерцания» [5, с. 308].

Наиболее характерный пример – «освящение труда» у мормонов («святых последних дней»). «Люди, вечно трудившиеся и с отвращением смотревшие на свой труд, вовсе не ищут наслаждения в безусловной лени, т.к. бессознательно для них противный им труд вошел им в привычку и другого рода занятия им недоступны. Их наслаждение – видеть осознательно плоды своих трудов; видеть, что наравне с ними, так же, как они, трудятся и высшие их авторитеты, те, которые занимают влиятельнейшие положения в обществе; видеть, что их труд, бывший непроизводительным и презренным, стал почтенным и производительным в новом общественном строе. Но именно это встречает в Утаке (Юте) бедняк, умеющий заняться и занимающейся только физическим трудом. Труд, в особенности же физический, ... для мормона – святыня, религиозная обязанность, и это второй основной доктринальный догмат их верования, на котором опирается все их могущество: «Ленивый, недеятельный человек – писал один из апостолов мормонизма – не может быть христианином и участвовать во спасении» [6, с. 285].

«...Святой должен смотреть на труд ... физический и умственный, но преимущественно физический, как на предназначеннную жертву, которою по божьему позволению, человек очистит себя от греха и достигнет вечного покоя. Всю энергию, которую другие секты влагают в религиозную полемику, мормоны обращают на труд. ... В новой церкви всякий труд считается благородным: возделывание бесплодной земли, производство хлеба и масла, фруктов и цветов, клея и пряностей, дерев и трав, – считается делом спасительным для души, ибо святые смотрят на землю, как на пустошь, которую следует трудом искупить и соединить с будущим небом. ... Пророки, президенты, епископы, старейшины все имеют занятия в

городе и за городом: продают ленты, выводят персики, строят мельницы, рубят дрова, содержат ранчо, пасут скот, водят обозы через степь. ... В городе, в котором труд считается святым, самые важные сановники выигрывают в общественном мнении, занимаясь каким-нибудь особым ремеслом или торговлей. Так, не один апостол пашет землю и не один патриарх правит волами в фургоне. Вообще в церкви этих святых нет ни одного ленивого ничего не делающего человека. ... Пчела избрана святыми как эмблема Дезерета (мормонского квазигосударства), хотя природа почти лишила эту страну такого полезного насекомого. Дом Юнга (пророка Бригама Янга (1801-1877)) называется «пчелиным ульем»; в нем нет места трутням, ибо все жены пророка обязаны поддерживать себя шитьем, обучением грамоты, тканьем, окраской пряжи или сушкой фруктов. Каждая женщина на Соленом Озере имеет свою определенную работу, по мере своих сил и способностей, и каждая убеждена, что труд – дело благородное и святое, жертва, достойная человека, приносящего ее, и Бога, принимающего ее. На долю мужчин выпадает более тяжелая работа в городах и в оврагах, где они роют землю, строят плотину на реке, рубят дуб и клен, пасут скот и ловят диких лошадей. Но оба пола также исполняют некоторые работы и вместе, т.е. каждый по мере своих сил. Эта обиодная работа состоит в постройке домов, в разведении садов, в устройстве лавок и магазинов, в разработке копей; и каждая работа производится с такой энергией, с таким страстным увлечением, каких вы никогда не встретите на западных склонах Вазатчского кряжа (т.е. горного хребта Уосатч)» [6, с. 286].

«При этом религиозном значении труда и при могущественной организации общества становятся понятны чудеса, достигнутые мормонами». Известны следующие слова их пророка Янга (1866 г. или 1867 г.): «Посмотрите вокруг себя, если

вы желаете знать, что мы за народ. Девятнадцать лет тому назад эта долина была пустыней, покрытой только там и сям диким шалфеем и подсолнечниками; мы, явившись сюда издалека, не принесли с собою ничего, кроме мешка с семенами и коренями, ничего не привели, кроме нескольких волов и фургонов; точно также и народ, пришедший сюда после нас, большую частью ткачи и простые работники, не принес с собой ничего, ни одного гроша, ни даже уменья обращаться с землей» [6, с. 287]. «...Не подлежит никому сомнению, что обыкновенные люди погибли бы (в Юте). Почва до того здесь суха, до того бесплодна, что, со всей страстью к труду мормон может возделать только четыре акра земли, тогда как язычник на реках Миссури и Канзас легко возделывает сорок акров. Удалите страстную силу, движущую мормонами, и через два года город Соленого Озера станет, так же как Денвер, зависеть от Индианы и Огайо, станет точно так же нуждаться в чужом куске хлеба» [6, с. 288].

Первое впечатление путешественника при въезде в страну, населенную мормонами: «Мы ... смотрим с удовольствием на трудолюбие, энергию и фанатизм людей, которых какие бы то ни было учения или обещания могли побудить поселиться в этой уединенной долине с целью сделать ее достойным жилищем человека. Вот город Колвиль стоит в горном проходе, где все инженеры объявили, что невозможно жить ни человеку, ни животному. Небольшие поля ржи идут по берегам ручья, а на скатах гор пасутся волы. Собаки сторожат фермы. Свиньи роются в земле; цыплята бегают по траве; лошади виднеются во дворах. Краснощекие ребятишки с голубыми глазами и светлыми кудрями, ясно говорящими об их чисто английской крови, играют перед воротами, валяясь на соломе. Девочки, девятир и десятилетние, доят коров; мальчишки, тех же лет, выгоняют скот на пастбище; женщины моют белье и стряпают

кушанье; мужчины копают картофель, собирают плоды, рубят дрова и пилят доски. Каждый человек деятельно занят, каждое mestечко дает доход, хотя этот овраг вчера еще был пустынным, каменистым углом. ... Те инженеры, которые донесли американскому правительству, что сотни поселенцев не найдут себе пищи в этих долинах, не так ошибались, как полагают теперь люди, видящие на деле успех Юнга» [6, с. 287].

Согласно учению шейкеров, «с началом нового царствования Христова, «проклятие, наложенное на труд, снято». «Но этого мало. Шэкер в земледельческом труде видит искупление, совершающееся его руками, высшее религиозное дело. Принятый в союз, он более не смотрит на землю как на добычу, но как на нечто, что надо искупить. ... Каждый из избранных Небесного Отца имеет отрадное право помочь в этом искуплении не только трудом своих рук и ума, но сочувствием своей души, покрывая землю зеленью, наполняя воздух благоуханием, загромождая житницы плодами» [5, с. 333]. «Житница для шэкера то же, что храм для еврея». «Новый Ливан (один из центров шейкеров) походит на английскую равнину, блестящую обработкой тысячи лет. ... Люди, которые обрабатывают эти поля, ухаживают за цветами, возделывают виноград, насаживают яблони, работают с любовью. ... Эти труженики, пашущие и сеющие, в их странном наряде, считают возделывание земли частью своих религиозных обрядов». Они смотрят на землю, как «на униженную, запятнанную сферу, которую они призваны искупить из унижения и возвратить опять Богу». «Никакой голландский город не имеет такого опрятного вида, никакая моравская хижина не поразит нас такой нежной тишиной, как Ливанская гора. Улицы необыкновенно тихи, ибо вы не встретите тут ни пивной, ни кабака, ни ростовщиков, ни полицейских контор; из дюжины зданий, окружающих нас мастерских, житниц, скинний, конюшен, кухонь,

школ, дортуаров – ни одно не грязно, ни одно не шумно. Каждое здание, для чего бы оно ни назначалось, имеет ... вид часовни» [5, с. 334]. «Земля, которая побывала несколько лет в руках шэкеров, продается по такой цене, которая иначе показалась бы чрезмерной, неслыханной». «Таким образом, физический труд, сделавшийся привлекательным во имя религиозного учения, стал основою процветания общин» [5, с. 335].

По мнению Лаврова, вряд ли можно говорить о сильном влиянии индейских верований на религиозные идеи и практики в США. Но все же из истории известно, что «всюду, где происходит продолжительная борьба между людьми разных рас, она получает характер дикости и ожесточения, способный тем ярче высказаться, чем отдаленное самое место действия от центров цивилизации». «Обстоятельства, способствующие огрублению нравов, могут снять с большинства людей лоск цивилизации и сблизить это большинство со зверями». В Северной Америке «во многих сектах ... найдем перенесение в загробный мир всей земной обстановки». «Краснокожие рисуют себе загробную жизнь совершенно подобно нынешней», что характерно в действительности для всех мифологий. «Многоженство, встречающееся у мормонов, имеет свой отдаленный источник в нравах краснокожих», «низшего племени». Мормоны «освятили этот обычай религиозным откровением» несмотря на то, что полигамия «противоречит религиозной и юридической традиции Европы», а в Америке «существует недостаток женщин». Таким образом, «нельзя отрицать некоторого влияния краснокожих на поселенцев», особенно на «жителей Дальнего Запада», активно взаимодействовавших с индейцами. Данное обстоятельство также обусловило возникновение «самых странных особенностей в новых сектах Северной Америки» [5, с. 323-326].

Заключение (выводы). Лавров негативно оценивал многочисленные

деструктивные культуры в США. Он считал их вредными, «патологическими начальами», проявлением «нравственных болезней», которые были перенесены в Новый Свет из Европы, где находились в «более скрытом состоянии» [7, с. 324, 334]. «Отличительная черта» цивилизации с XVII в. – «преобладание научного мышления над фантастическим и рутинерным во всех сферах мысли и жизни». Исследователь сделал вывод о непрочности «в своих основаниях» современной цивилизации, несмотря на широкое распространение рационализма и достижений науки [7, с. 326, 333]. Главной причиной сложившейся ситуации Лавров считал американскую систему образования, которая «страдает неполнотой» («Эта система может быть формулирована так: возможно широкая образованность без строгой науки»). Несмотря на большую вовлеченность детей и молодежи, а также практическую направленность, она все же носила, по его мнению, поверхностный характер и не предоставляла фундаментальные знания. «В ней ... отсутствуют серьезные центры для высшего научного обучения». «...Даже обширное распространение образованности не помогает, т.к. при недостатке критики образованные люди, именно на основании своей образованности, считают себя компетентными судьями явлений и методов их учения, и поддаются тем скорее увлечению из излишней доверчивости к себе. Оттого широкое распространение образованности не предохранило американское общество от неуважения к науке, от потери ясного сознания различия между научным и ненаучным способом мышления» [7, с. 327-332].

«Прямо заявленное пренебрежение науки есть факт, поражающий нас во всех сектах Америки» [7, с. 327]. «Огромное большинство бедного населения Европы не пользуется выгодами научного способа мышления ни в отношении заметного увеличения удобств жизни, ни в отношении расширения своего мышления». «Мормоны предлагают бедному населению мира ...

единство и организацию, а в награду – властьчество миром», что несет в себе «опасность, которая может грозить современной цивилизации мира». Мистицизм, «нелепейшие верования» и предрассудки «пустили корни» также в среде «достаточного», «образованного класса», «не предохранив» его от «спиритистической эпидемии, коснувшейся даже столь сильных умов, как Роберт Оуэн» [7, с. 334-336].

Лавров выделял следующие черты американской религиозности в рассматриваемый исторический период (обусловленные особенностями Нового Света): 1)

тесная связь с европейским религиозным сознанием, включая проявления аскетизма; 2) наличие множества «странных», «экзентричных» религиозных групп; 3) ривайвэлы - «пробуждения» и «лагерные» собрания; 4) большое значение в жизни общин «земных» проявлений: физического труда, «веселья» и развлечений (театральные постановки, концерты у мормонов и т.п.); 5) большая роль женщин в деятельности части религиозных объединений; 6) некоторое влияние духовных практик индейцев Америки (но не афроамериканцев).

Список литературы

1. Борщевский С.С. Отечественные записки. 1868-1884. Хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов. М.: Книга, 1966. 96 с.
2. Диксон В. Духовные жены. В 2 ч. СПб.: Рус. кн. торговля, 1869. 380 с.
3. Диксон В. Новая Америка. В 2 ч. СПб.: Рус. кн. торговля, 1868. 398 с.
4. Лавров П.Л. Североамериканско сектаторство. Статья первая // Отечественные записки (далее – ОЗ). 1868. № 4. С. 403-470.
5. Лавров П.Л. Североамериканско сектаторство. Статья вторая // ОЗ. 1868. № 6. С. 273-336.
6. Лавров П.Л. Североамериканско сектаторство. Статья третья // ОЗ. 1868. № 7. С. 269-318.
7. Лавров П.Л. Североамериканско сектаторство. Статья четвертая и последняя // ОЗ. 1868. № 7. С. 324-354.
8. Dixon W.H. Free Russia. L.: Hurst and Blackett, Publishers, 1870. 352 p.

P.L. LAVROV ON THE FEATURES OF RELIGIOUS LIFE IN THE USA IN 1860-TH ON THE PAGES OF THE MAGAZINE «OTECHESTVENNYE ZAPISKI»

The article examines the reflection of the peculiarities of religious life in the United States in the 1860s in the work of Peter Lavrovich Lavrov (1823-1900), «North American Sectarianism», published on the pages of the well-known Russian magazine «Otechestvennye Zapiski» («Domestic Notes») in 1868. P.L. Lavrov is an outstanding Russian sociologist, philosopher and historian of the XIXth century, one of the main ideologists of Narodnichestvo. His relatively large volume of religious studies and sociological work consisted of four articles. In a series of articles Lavrov characterized the following topics: American religiosity, Revivalism, the activities of Chiliasts (supporters of Chiliasm or Millenarianism) in America, mysticism, witchcraft, asceticism, «the women's question in North American sects», «the labor question», science, education and their influence on religious sentiments in the United States. The researcher described in detail the religious situation in the USA, «the religious state of North Americans» in the 1860s. The main distinguishing features of religious life in America, in his opinion, were «sectarianism» and revivals. Revivals – religious «awakenings» contributed to the revival of spiritual life, the intensification of missionary activity, an increase in the number of believers, and the emergence of new forms of religiosity. American religiosity was formed mainly under the influence of the First (1730-1755) and Second (1787-1860) Great Awakenings. The author studied not only «old» Protestant churches, but also new religious movements: mainly communities and organisations that emerged in the first half of XIXth century (Mormons, spiritualists, Irvingians, Darbyites (the Plymouth Brethren), Swedenborgianism, etc.). Lavrov's study of religious life in America was distinguished by skepticism and a critical approach, taking into account to contemporary social sciences, history, psychology and psychiatry. The scientist tried to give a rational and scientific-

materialistic explanation of social phenomena, including religious movements.

Keywords: the history of religious movements in the USA in modern times, Revivalism in North America, the First and the Second Great Awakenings in the USA (1730-1860), religiosity in the USA in the 1860s, the reflection of historical events in the Russian periodical press.

References

1. Borshchevskij S.S. (1966). Otechestvennye zapiski. 1868-1884. Hronologicheskij ukazatel' anonimnyh i psevdonimnyh tekstov. M.: Kniga. 96 s. [Borshchevsky S.S. (1966). Otechestvennye zapiski. 1868-1884. Chronological index of anonymous and pseudonymous texts. Moscow: Kniga. 96 p.].
2. Dikson V. (1869). Duhovnye zheny. V 2 ch. SPb.: Rus. kn. torgovlya. 380 s. [Dixon W. Spiritual wives (1869). In 2 parts. St. Petersburg: Russian book trade. 380 p.].
3. Dikson V. (1868). Novaya Amerika. V 2 ch. SPb.: Rus. kn. torgovlya. 398 s. [Dixon W. (1868). New America. In 2 parts. St. Petersburg: Russian book trade. 398 p.].
4. Lavrov P.L. Severoamerikanskoe sektatorstvo. Stat'ya pervaya // Otechestvennye zapiski (dalee – OZ). 1868. № 4. S. 403–470 [Lavrov P.L. North American sectarianism. The first article // Otechestvennye zapiski (hereinafter – OZ). 1868. № 4. P. 403–470].
5. Lavrov P.L. Severoamerikanskoe sektatorstvo. Stat'ya vtoraya // OZ. 1868. № 6. S. 273–336 [Lavrov P.L. North American sectarianism. The second article // OZ. 1868. № 6. P. 273–336].
6. Lavrov P.L. Severoamerikanskoe sektatorstvo. Stat'ya tret'ya // OZ. 1868. № 7. S. 269–318 [Lavrov P.L. North American sectarianism. The third article // OZ. 1868. № 7. P. 269–318].
7. Lavrov P.L. Severoamerikanskoe sektatorstvo. Stat'ya chetvertaya i poslednyaya // OZ. 1868. № 7. S. 324–354 [Lavrov P.L. North American sectarianism. The fourth and last article // OZ. 1868. № 7. P. 324–354].
8. Dixon W.H. (1870). Free Russia. L.: Hurst and Blackett, Publishers. 352 p.

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Prilutskiy Vitaliy Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russia), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Свиридова А.С., ассистент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

«БОЛГАРСКИЙ ВОПРОС» ОТ БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА К ЧЕТВЕРНОМУ СОЮЗУ В ОЦЕНКАХ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ¹

В статье предпринят анализ материалов российской периодической печати, посвященных так называемому «болгарскому вопросу», то есть реализации идеи освобождения болгар от Османской империи и создания независимого Болгарского государства. На протяжении второй половины XIX в. в общественном сознании российского населения болгары ассоциировались с угнетаемым братским славянским народом. По мнению русского общества, Болгария стала независимым государством благодаря военным и дипломатическим усилиям Российской империи. Однако в конце XIX – начале XX вв. между болгарским и российским правительством стали наслаждаться определенные недопонимания, приведшие в итоге к тому, что Болгария заняла сначала проавстрийскую, а затем и прогерманскую позицию и вступила в Первую мировую войну не на стороне России. Эти обстоятельства способствовали тому, что отношение российского общества к братьям-болгарам изменилось. Барометром общественных настроений выступала российская периодическая печать, которая не только отражала, но и активно формировало общественное мнение во второй половине XIX в. – первые десятилетия XX в. Посредством анализа материалов российской прессы показано, как трансформировалось мнение русского общества в отношении «болгарского вопроса»: от симпатий в 1877–1878 гг. до разочарования в 1915 г.

Ключевые слова: периодическая печать, общественное мнение, «болгарский вопрос», Болгария, Российская империя, Берлинский конгресс, Первая мировая война, Четверной союз.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-94-104

Введение. Публикации с заголовком «болгарский вопрос» на страницах российской периодической печати можно было встретить во второй половине XIX в. – в первые десятилетия XX в. Под этим понятием в первую очередь подразумевалась идея освобождения славянских братьев-болгар от власти Османской империи. Русское общество активно поддерживало идею болгарской независимости, что нашло свое отражение в российской прессе того периода. Однако на создание Болгарского независимого государства русская общественность отреагировала неоднозначно. С того момента под «болгарским вопросом» стали подразумеваться уже проблемы внешнеполитической ориентации Болгарии и взаимоотношений российского и болгарского правительства. Череда последующих событий

на Балканском полуострове привела к тому, что в 1915 г. российское общество оценивало болгарское поведение как предательское. Роль прессы в освещении этого вопроса была велика, поскольку периодическая печать, отражавшая и одновременно формировавшая общественное мнение в исследуемый период времени, способна была оказывать влияние на внешнюю политику Российской империи.

Исследованием Балканского кризиса 1870-х гг. в освещении периодической печати России занимались В.Ф. Блохин и С.И. Косарев [3], в работе О.Г. Панаэотова [19] отражено отношение российской прессы к Болгарскому кризису 1884–1887 гг., реакция русского общества на Балканские войны 1912–1913 гг. представлена в работах П.А. Искандерова [9] и Н.С. Гусева [7], проблематике вступления Болгарии в

¹ Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-00933) «Печать в публичной сфере как актор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны»

Первую мировую войну посвящены статьи А.А. Иванова, А.В. Репникова [8] и А.А. Фоменко [35]. Однако до сих пор не предпринималось комплексного анализа эволюции взглядов русского общества на «болгарский вопрос» на основе анализа периодической печати Российской империи.

С этой точки зрения для определения изменений общественного мнения в отношении «болгарского вопроса» важным представляется исследование оценок российской прессы русско-болгарских взаимоотношений от Берлинского конгресса 1878 г. до вступления Болгарии в Четверной союз в 1915 г.

Объект и методы исследования. В периодической печати Российской империи второй половины XIX в. – первых десятилетий XX в. публиковались статьи фактологического и аналитического характера, освещавшие как события, происходившие в Болгарии, так и особенности русско-болгарских отношений в рассматриваемый период времени. Историко-типологический анализ прессы и метод «перегруппировки информации в массив» газетных статей о «болгарском вопросе» позволили исследовать эволюцию российского общественного мнения по рассматриваемой проблеме.

Методологической основой исследования также послужили принципы историзма и системности. Первый позволил исследовать изменения отношения русского общества к «болгарскому вопросу» в контексте конкретно-исторических условий рассматриваемого периода. Принцип системности позволил исследовать российско-болгарские отношения как элемент реализации политики по Восточному вопросу. Специальный исторический метод, историко-генетический, позволил выявить совокупность причин, повлиявших на трансформацию российского общественного мнения в отношении «болгарского вопроса».

Результаты и их обсуждение. «Болгарский вопрос» во второй половине XIX

в. являлся неотъемлемой частью Восточного вопроса, который волновал умы России как с дипломатической, так и с общественной точки зрения. Идея независимости братского славянского народа – болгар и их национального суверенитета от Османской империи, также как и поддержка других балканских народов, активно аккумулировалась в российском обществе. Наиболее близка к реализации этой идеи Российская империя была в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. События в Болгарии, предшествовавшие русско-турецкому конфликту, не смогли оставить равнодушным население России: «болгарские ужасы возбудили в нем негодование, и он готов был жертвовать всем, чтобы помочь страдающим братьям» [5, л. 1 об.]. Как свидетельствовала отечественная печать, «объявление войны за правое дело было встречено в нашей стране с неописанным восторгом» [10], однако уже к концу 1877 г. стало очевидным, что победа в войне будет стоить России гораздо больших людских и материальных потерь, чем это виделось в начале военной кампании, и с возрастанием цены победы становилось понятно, что любые условия будущего мирного договора не смогут удовлетворить общественных запросов, сформировавшихся на тот момент времени в Российской империи [3, с. 165].

Несмотря на признание победы России в войне в 1878 г., идея создания независимой Болгарии вызывала у османского правительства скептицизм еще на стадии обсуждения положений Сан-Стефанского соглашения: эти требования турецкая сторона воспринимала как «чрезвычайные» [30, с. 59]. В своей депеше о ходе переговоров, предшествовавших Сан-Стефанскому договору, граф Н.П. Игнатьев, которому было поручено заключение перемирия, телеграфировал министру иностранных дел, князю А.М. Горчакову: «Создание княжества Болгарского кажется в особенности опасным Савфету. Он долго

настаивал на том, что реформы, предложенные константинопольской конференцией, достаточны для Болгарии и что органический ее устав должен быть выработан комиссией в Константинополе, под председательством Порты, в согласии с нами» [30, с. 61]. В ответ на это донесение А.М. Горчаков проинструктировал Н.П. Игнатьева, признав неминуемость общеевропейской конференции после русско-турецких переговоров: «Так как в наше непосредственное соглашение с Портой входят вопросы европейского значения, мы не могли отвергнуть принцип конференции. <...> Торопите окончание ваших переговоров затем, чтобы, когда соберется конференция, она вынуждена была считаться с наибольшим числом совершившихся фактов. В особенности стойко держитесь всего того, что касается Болгарии» [30, с. 62]. В итоге в Сан-Стефанском мирном договоре были прописаны компромиссные договоренности между Турцией и Россией по «болгарскому вопросу». Учитывая все обстоятельства, после заключения Сан-Стефанского мира все реальнее становилась перспектива, что из-за вмешательства европейских государств, в первую очередь Англии, Россия не сможет решить поставленных в 1877 г. политических и территориальных задач [30, с. 62].

Как и предполагали российские дипломаты, на Берлинском конгрессе при активном участии Англии и Австро-Венгрии положения Сан-Стефанского мира были пересмотрены. В результате Болгария оказалась разделена территориально на две части: собственно Болгию с центром в Софии, свободную от турецкого правительства, и Восточную Румелию, автономную провинцию в составе Османской империи. Российская печать как барометр общественного мнения в большинстве своем неудовлетворительно отреагировала на Берлинский трактат, уменьенная же позиция прессы выразилась в надежде на мирную отмену положений

договора в будущем [30, с. 62].

Берлинская конференция 1878 г. в совокупности с нерешенностью Восточного вопроса способствовали тому, что российско-английское противостояние перенеслось в Центральную Азию. «Если бы не решительное несогласие Англии на Сан-Стефанский трактат и не присутствие британского флота в Мраморном море, то российские войска заняли бы Константинополь. Движение России по направлению к Афганистану было только контрмаршем против подобного препятствия со стороны Англии» [32] – так оценивала отечественная печать внешнеполитическую концепцию Российской империи.

Отечественная пресса следила за положением Болгарии после ратификации Берлинского трактата, поскольку в русском обществе сохранялся интерес к судьбе братского народа. В 1881 г. ее внимание привлекли события, именуемые «Болгарским переворотом», в результате которого в «новоосвобожденной Болгарии» была установлена, по мнению газеты «Голос», «диктатура князя Александра» [6]. В реальности болгарским князем Александром Баттенбергом был совершен переворот и распущенное либеральное правительство и Народное собрание.

В ответ на «обвинения, которыми были наполнены многие заграничные газеты в эпоху болгарского кризиса, против России» [6] «Голос» опубликовал статью, за которую затем получил цензурное взыскание. В публикации анализировались события, именовавшиеся «последними болгарскими запутанностями» [6]. Они привлекли особое внимание русского общества. В тексте газетной статьи устанавливалась степень взаимосвязи между действиями российского генерала К.Г. Эрнрота, занимавшего в то время пост председателя Совета министров Болгарии, и политическим кризисом в этой стране в 1881 г. Рассуждая о роли российского генерала в произошедших событиях, автор статьи

пришел к выводу, что «участие генерала Эрнрота в болгарских событиях должно было быть его личным делом» [6], поскольку «предварительно поступлению на Болгарскую службу, Эрнрот вышел в отставку на русской службе», поэтому в эпоху болгарского конституционного кризиса «из России ему не могло быть даваемо ни предписаний, ни инструкций, ни внушений» [6]. Позднее Александр Баттенберг восстановил в стране конституцию и вышеизложенные события не оказали серьезного влияния на решение «болгарского вопроса».

Наибольшее внимание периодической печати привлекли события, произошедшие в сентябре 1885 г. Территориальное воссоединение двух Болгарий в одну страну стало неожиданным, радостным и одновременно тревожным событием для российского общественного восприятия. В периодической печати случившиеся именовалось как «события 6 сентября» или «филиппольский переворот» и освещалось параллельно с окончанием урегулирования российско-английских противоречий в Центральной Азии, посредством подписания в конце августа – начале сентября 1885 г. Лондонского протокола о начале установления русско-афганской границы.

В публичной сфере Российской империи воссоединение Болгарии ассоциировалось с «внезапным пробуждением восточного вопроса» [28]. «Восточная Румелия провозгласила соединение с Болгарией. Давнишний идеал болгарского народа наконец сбылся. Картонные перегородки, созданные пресловутым Берлинским трактатом, разрушены», – констатировали «Санкт-Петербургские ведомости» [23]. Корреспонденты анализировали предшествовавшие этому событию дипломатические известия и приходили к выводу, что российской дипломатии не принадлежала инициатива в этих событиях: «провозглашение воссоединения

обеих Болгарий явилось вполне неожиданным для всех великих держав, и, во всяком случае, не было предуготовлено на каком-либо совещании или свидании» [18], – отмечала столичная печать.

В то же время реакция российской прессы на такого рода решение «болгарского вопроса» не была однозначной. Так, «Санкт-Петербургские ведомости» отмечали, что «сравнительно с 1870-ми годами, отношение русского общественного мнения к восточному вопросу переменилось почти диаметрально» [26]. «Новости» точнее определяли перемену: «Теплицы и газеты, которые распинались за «освобождение славян» и втянули Россию в войну, которые наиболее горячились по поводу Берлинского трактата, оказываются теперь явными врагами болгарского соединения. Наоборот, если объединение болгар, изменение Берлинского трактата и встречают теперь сторонников в России, то они принадлежат именно к той части русского общества и русской печати, которая предостерегала от войны 1877–1878 годов, и с недоверием относились к "архистратигам славянской власти"» [15]. Данное обстоятельство свидетельствует, что с течением времени, российская печать, осознавшая степень собственного влияния на общественное мнение, становилась более осторожной в оценках событий, связанных с решением «болгарского вопроса».

Такое противоречивое отношение в российском обществе к болгарскому воссоединению вполне объяснимо опасением, что Россия, как гарант исполнения положений Берлинского трактата, с одной стороны, и как гарант независимости Болгарии, с другой стороны, могла бы быть втянута в очередную русско-турецкую или даже общеевропейскую войну. Так, столичные «Новости» высказывали опасение, что воссоединение могло привести к турецко-болгарской войне, в результате чего «Россия может счесть нужным вступиться за

Болгарию, предотвратить от нее катастрофу, почти неизбежную при неравенстве сил двух противников. В таком случае до европейской войны и ее бедствий – один шаг» [15]. Консервативный «Гражданин», учитывая внешнеполитическую обстановку в 1885 г., предлагал России оставаться блюстителем Берлинского трактата [25]. Московские «Русские ведомости» акцентировали внимание публики на значительной доле ответственности России в происходивших событиях: «Движение, так внезапно нарушившее политический покой Европы, есть прямое следствие освобождения Болгарии при помощи русского оружия. Это дело рук наших, за него пролита кровь. Мы за него столь же ответственны, сколько заинтересованы в его исходе. Нельзя скрыть, что каков бы ни был этот исход, всякий шаг наш по отношению к грядущим событиям будет иметь решающее значение как для славянского мира, так и для роли и значения в нем России» [24].

Опасения печати не подтвердились, и создание независимого болгарского государства на Балканском полуострове было согласовано в Европе дипломатическим путем, однако, как отмечала отечественная пресса, «улаживание болгарского кризиса представило весьма существенные затруднения» [29]. И хотя Болгария воссоединилась в единое государство, русское общество не считало «болгарский вопрос» решенным в полной мере, поскольку публичную сферу заботил вопрос о дальнейшей траектории развития свободной братской Болгарии. Ответ на этот вопрос виделся отечественной печати проблемным даже по сравнению с недавним, достаточно долгим дипломатическим урегулированием среднеазиатского вопроса с Великобританией: «Горючесть элементов, составляющих Балканский полуостров, делает задачу гораздо более тяжелой для решения, чем затруднения, встреченные недавно англо-русской дипломатией в Зюльфагарских

проходах» [21]. Не случайно автор передовой статьи под названием «Россия и Болгария» выражал надежду, что и в будущем «личные амбиции, интриги, как они не прискорбны сами по себе, будут не в состоянии порвать естественной связи, заглушить чувство кровного и духовного братства, заставить сердца народов биться в разные стороны» [21].

Учитывая все эти обстоятельства, вполне объяснимо, почему правительство и дипломатия Российской империи настороженно относились к самостоятельной политике Болгарии, национальные стремления которой могли разниться с интересами Российской империи. Тем не менее, российское общество ратовало за то, чтобы «руssская политика не отказалась от своей роли среди славянства, и что никому не удалось стать между русским Царем и освобожденным русской кровью болгарским народом» [27].

На страницах периодической печати нашли также отражение чувство гордости и радости не только за болгар, но и за вклад российских воинов в освобождение Болгарии: «Этот болгарский праздник соединения есть в тоже время и праздник всей России. От мала до велика мы чувствуем, что труды наши не пропали даром в тяжкую войну 1877–1878 гг., что дело, для которого мы, как братья, клали свои головы и свое достояние, развивается и ширится» [31]. «Санкт-Петербургские ведомости» отмечали, что невозможно отрицать между Россией и Болгарией симпатию, обуславливаемую единством веры и общностью языка и происхождения [21].

Череда последующих событий на Балканском полуострове изменила отношения двух государств. На фоне Болгарского кризиса 1885–1887 гг. и окончания действия соглашения в рамках Союза трех императоров, обострились российско-австрийские и российско-германские отношения. Летом 1887 г. Великое народное собрание избрало князем Болгарии принца

Фердинанда Саксен-Кобург-Готского, ставленника Австро-Венгрии [19, с. 45], премьером Болгарии стал С. Стамболов. Опасения по этому поводу высказали «Московские ведомости» М.Н. Каткова: «Посланцы балканских разбойников засиделись в столице Австрии» [11]. Внешнеполитический курс Болгарии стал проавстрийским, что соответствовало воззрениями пришедшего к власти болгарского лидера С. Стамболова, видевшего в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. корыстное стремление России к подчинению Болгарии и овладению Константинополем, а союз с Австро-Венгрией рассматривавшего как единственный шанс для болгар обрести подлинную независимость [19, с. 45]. После этих событий М.Н. Катков, имевший значительное влияние в российских внешнеполитических кругах, активно выступил за внешнеполитический союз России с Францией, для которого Балканский вопрос виделся ему важным пунктом в деле сближения двух государств [19, с. 46].

Балканские войны 1912–1913 гг., в которых Болгария принимала активное участие, также наложили отпечаток на российско-болгарские внешнеполитические отношения. Отечественная печать полагала, что истинным победителем из Второй балканской войны вышла Австро-Венгрия [7, с. 460], поскольку итоги войны воспринимались российской прессой как поражение отечественной дипломатии перед австрийской [9, с. 500]. «Русские ведомости» в 1914 г. констатировали: «расстроена естественная дружба с Болгарией, правительство которой сердцем предалось Вене» [22].

С начала Первой мировой войны Россия воспринимала нейтралитет Болгарии по отношению к себе как условно враждебный [35, с. 102]. Министр иностранных дел Российской империи, С.Д. Сазонов, отмечал опасность двусмысленности болгарского нейтралитета [35, с. 98]. Характеристика отношения нашей

дипломатии к болгарскому нейтральному статусу представлена в записке-докладе российского дипломата М.Ф. Шиллинга. Рассуждая о нейтралитете Балканских государств и Болгарии в частности, автор записи приходил к выводу, что именно выступление Болгарии на стороне Центральных держав весьма вероятно ввиду «враждебного направления по отношению к нам болгарских правящих кругов» [4]. Наиболее желательным исходом для России, в происходившей в тот момент дипломатической борьбе, было сохранение болгарского нейтралитета по отношению к обоим противоборствующим блокам: «...думается, что сейчас лучшее на что мы можем рассчитывать, так это на бездействие Болгарии, как бы ни было такое положение вещей позорно для освобожденной русским оружием страны» [4], – резюмировал дипломат. Таким образом, известие о поддержке Болгарией стран Союза не было абсолютной неожиданностью для российской дипломатии.

В то же время русское общество при помощи печати стремилось разобраться в причинах поддержки Болгарией противников России в Первой мировой войне. Отечественная пресса, и в 1915 г. воспринимавшая болгар как братьев-славян, поначалу критиковала российскую дипломатию, которая не сумела привлечь Болгарию на сторону Антанты. По мнению правой печати, Болгария еще в 1913 г. перестала быть прорусской из-за того, что во Второй балканской войне Российская империя поддержала Сербию – болгарскую противницу [8, с. 198].

Тем не менее, вступление Болгарии в Первую мировую войну в 1915 г. на стороне Центральных держав было воспринято русским обществом как недальновидная и ошибочная политика болгарского правительства, от которой российская печать предостерегала братьев-болгар еще в 1885 г. «Политическая мудрость в том именно и состоит, чтобы уметь

отличать временное от вечного, скоропропадающее от незыблемого, ложное от истинного» [21], – такое предостережение было высказано прессой по «болгарскому вопросу» за тридцать лет до участия Болгарии в общеевропейской войне не на стороне России.

После присоединения Болгарии к австро-германо-турецкому блоку осенью 1915 г. сложился Четверной союз. С точки зрения российской печати место Болгарии в этом союзе представлялось незавидным. Эту особенность подмечал корреспондент газеты «Утро России»: «Тем самым Болгария заключила союз с бывшей своей владелицей – Турцией, а также с немцами – "врагам своей освободительницы России"» [17]. «Биржевые ведомости» отмечали, что Болгария, по сути, выбирала между силами Союза, в числе которого Турция – «исконная угнетательница славянского племени», и с другой стороны Россия – «освободительница южных славян и Болгарии, в частности», вместе с ней Англия и Франция – «всегдашние заступницы свободного развития народов Балканского полуострова» [33], поэтому открытый переход болгар на сторону Союза вызывал в российском обществе «чувство невыразимого возмущения, как нечто тяжко-преступное, пре-восходящее все, что знает новая и старая история» [33].

На заседании Московского славянского комитета 25 сентября 1915 г. была принята резолюция, постановившая «обратиться через русские газеты с осуждением, затеваемой болгарами братоубийственной войны» [17]. В документе подчеркивалось, что Болгария предала и сербский, и русский народы: «Болгария ныне отплачивает России за свое спасение и возрождение самой черной неблагодарностью, какой просвещенный мир еще не видел. Не существует уже Болгарии славянской. Вместо нее – немецкое Фердинандово княжество» [17].

Особенно бурно на известие о болгарской мобилизации отреагировала правая пресса [8, с. 202]. «Московские ведомости» подчеркивали неблагодарность болгарского царя, который был «обязан своим саном России» и который «дошел в своем вероломстве и в измене национальным основам своего славянского государства до крайних пределов» [8, с. 202]. Столичная печать именовала Фердинанда «лжецарем», «достойным учеником кайзера», «палачом болгарской свободы», «Цезарем Бордгия» [13], «авантюристом» [1], а войну Болгарии с Сербией – братоубийственной войной [2]. Типичным для российской периодической печати осенью 1915 г. стало карикатурное изображение болгарского царя Фердинанда в двух основных образах библейских антагонистов: Каина и Иуды Искариота [20].

Заголовки газетных публикаций осени 1915 г., посвященных теме болгарского предательства, упоминали чаще всего имя болгарского правителя. Так, публикация «Биржевых ведомостей» под названием «Фердинанд Кобургский и его двуличие» [33] поясняла читателям, что Фердинанд Кобургский «вел недостойную двуличную игру в явный ущерб интересам России» [33]. «Московские ведомости» также придерживались мнения, что болгарский правитель давно замышлял такой поворот событий с целью реванша за Балканские войны [12].

В «Высочайшем манифесте об объявлении войны Болгарии», выражавшем «истинные народные чувства», было сказано, что «русский народ отдает под суд истории имя того, кто является истинным виновником этой беспримерной измены – Фердинанда» [16]. Кроме того, в печати всячески подчеркивалось, что отношение России к болгарскому народу, но не болгарскому правительству, было благоприятно до самого последнего момента: «мы верили, что болгары в последнюю минуту могут опомниться и понять, в какую пропасть ведет ее

Фердинанд Кобургский» [16].

В отечественной прессе активно противопоставлялся образ «предателя», болгарского царя, чувству надежды на «верных» братьев болгар. «Московские ведомости» отмечали, что «вера в болгарский народ все еще теплится, и ныне, когда Болгария приносится в жертву германскому коварству, Россия все еще не утратила надежды, что рука верных своим историческим заветам болгар не поднимется на сынов русских воинов, легших костьми за Болгию» [16].

Таким образом, российское общество в большинстве своем винило в предательстве не болгарский народ, а их прогермански настроенную администрацию в лице царя Фердинанда. Именно болгарская власть, по мнению отечественной печати, несмотря на многовековую дружбу русского и болгарского народов, «заставила их сердца биться в разные стороны» в угоду личным амбициям [8, с. 202]. «Русский народ глубоко сожалеет об участии единоплеменного и единоверного ему народа болгарского, если он своевременно не остановит рискованную затею обезумевших правителей своих» [8, с. 203], – отмечала российская пресса. Но поскольку никаких массовых протестов со стороны болгарского общества в отношении внешнеполитического курса, избранного правительством их страны, не последовало, отечественная печать вскоре вынуждена была констатировать, что болгарский народ стал «слепым орудием в руках злых врагов славянства» [8, с. 203].

Несмотря на все обстоятельства, возбужденная вестью о болгарском предательстве в 1915 г., русская печать в целом давала отрицательные оценки поведению братской страны, ради государственности которой было пролито немало русской крови: «Невозможно было предположить, что Болгария, единая с нами по вере, облагодетельствованная Россией,

могла бы в наше великое время оказаться такой низкой, такой подлой, такой презренной!» [34]. Рассуждения о болгарской неблагодарности рефреном звучали со страниц многих периодических изданий: «Трудно было свыкнуться с мыслью, что болгары все успели забыть и способны поднять руку не только на братский славянский народ, но и на свою покровительницу – Россию» [16]. «Биржевые ведомости» подчеркивали, что русское общество встретило рассматриваемые события «с тем чувством, которое вызывается наглым поруганием всеми почитаемой святыни» [33]. «И обманулись те, кто надеялся на болгарскую честь, на болгарское национальное достоинство, на болгарскую совесть. Иначе говоря – обманулись все, обманулась Россия, обманулось славянство...» [34], – резюмировала столичная печать.

Заключение (выводы). Итак, оценки периодической печатью «болгарского вопроса» трансформировались с изменением российского общественного мнения и под воздействием внешнеполитических событий последней трети XIX в. – первых двух десятилетий XX в. Во времена Берлинского конгресса российская печать подразумевала под «болгарским вопросом» борьбу за независимость Болгарии от Османской империи при помощи России. По достижению этой цели болгарским правительством в 1885 г. под «болгарским вопросом» подразумевалась не только идея сохранения болгарской независимости, но и выбор Болгарией внешнеполитической ориентации. Ряд последующих событий на Балканском полуострове и проавстрийская ориентация болгарского правительства, по мнению отечественной прессы, привели к тому, что вопрос о болгарском нейтралитете в ходе Первой мировой войны в 1915 г. обернулся предательством для российского общества.

Список литературы

1. Биржевые Ведомости. 1915. № 15097. 19 сентября.
2. Биржевые ведомости. 1915. № 15121. 1 октября.
3. Блохин В.Ф., Косарев С.И. Балканский кризис 1870-х гг. и периодическая печать России и Западной Европы. Брянск: «Курсив», 2014. 192 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 813. Оп.1. Д. 53.
5. ГА РФ. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 42.
6. Голос. 1881. № 198. 19 июля.
7. Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912-1913 гг. М.: «Индрик», 2020. 520 с.
8. Иванов А.А., Репников А.В. «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарию в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 197-217.
9. Искандеров П.А. Балканские войны 1912-1913 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878-1914 гг. / отв. ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик. М.: «Индрик», 2003. 544 с.
10. Московские ведомости. 1878. 21 января.
11. Московские ведомости. 1886. 12 декабря.
12. Московские ведомости. 1915. № 221. 26 сентября.
13. Начало братоубийственной войны // Петроградский листок. 1915. № 271. 3 октября.
14. Новости. 1885. № 232. 8 сентября.
15. Новости. 1885. № 246. 22 сентября.
16. Объявление войны Болгарии // Московские ведомости. 1915. № 230. 7 октября.
17. Отклики на выступление Болгарии // Утро России. 1915. № 264. 26 сентября.
18. Отношение европейской печати к болгарскому перевороту // Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 249. 11 сентября.
19. Панаэтов О.Г. Катков М.Н. и Болгарский кризис 1884-1887 гг.: инструментарий и цена свободы слова // Наука и современность. 2014. С. 42-48.
20. Петроградский листок. 1915. № 269. 1 октября.
21. Россия и Болгария // Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 251. 13 сентября.
22. Русские ведомости. 1914. 1 января.
23. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 246. 8 сентября.
24. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 248. 10 сентября.
25. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 251. 13 сентября.
26. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 261. 23 сентября.
27. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 262. 24 сентября.
28. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 264. 26 сентября.
29. Санкт-Петербургские ведомости. 1885. № 266. 28 сентября.
30. Сан-Стефано. Записки графа Н.П. Игнатьева // Исторический вестник. 1915. Т. 140. Апрель. С. 36-65.
31. Свет. 1885. № 246. 8 сентября.
32. Современные известия. 1879. 12 октября.
33. Фердинанд Кобургский и его двуличие // Биржевые ведомости. 1915. № 15125. 3 октября.
34. Фердинандовы сыны // Петроградский листок. 1915. № 270. 2 октября.
35. Фоменко А.А. Проблематика участия Болгарии в Первой мировой войне // Вестник ВГУ. 2018. №2. С. 98-102.

«THE BULGARIAN QUESTION» FROM THE CONGRESS OF BERLIN TO THE QUADRUPLE ALLIANCE IN THE ASSESSMENTS OF THE NEWSPAPER PERIODICALS OF THE RUSSIAN EMPIRE

This article analyzes Russian periodicals devoted to the so-called «Bulgarian question», that is, the idea of liberating Bulgarians from the Ottoman Empire and establishing an independent Bulgarian state. Throughout the second half of the 19th century, Russian public opinion associated Bulgarians with an oppressed, fraternal Slavic people. In the view of Russian society, Bulgaria became an independent state thanks to the military and diplomatic efforts of the Russian Empire. However, in the late 19th and early 20th centuries, certain misunderstandings began to accumulate between the Bulgarian and Russian governments, ultimately leading to Bulgaria adopting first a pro-Austrian, then a pro-German stance and entering World War I on Russia's side. These circumstances contributed to a shift in Russian society's attitude toward its Bulgarian brothers. The Russian periodical press served as a barometer of public sentiment, not only reflecting but also actively shaping public opinion in the second half of the 19th century and the first decades of the 20th century. Through an analysis of Russian press materials, it is shown how the opinion of Russian society regarding the «Bulgarian question» was transformed: from sympathy in 1877-1878 to disappointment in 1915.

Keywords: periodical press, public opinion, «Bulgarian question», Bulgaria, Russian Empire, Berlin Congress, World War I, Quadruple Alliance.

References

1. Birzhevye vedomosti. 1915. № 15097. 19 sentyabrya.
2. Birzhevye vedomosti. 1915. № 15121. 1 oktyabrya.
3. Blokhin V.F., Kosarev S.I. (2014) Balkanskii krizis 1870-kh gg. i periodicheskaya pechat' Rossii i Zapadnoi Evropy [The Balkan Crisis of the 1870s and the periodical press of Russia and Western Europe]. Bryansk: «Kursiv». 192 s.
4. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation] (GARF). F. 813. Op.1. D. 53.
5. GARF. F. 1154. Op. 1. D. 42.
6. Golos. 1881. №198. 19 iyulya.
7. Gusev N.S. (2020) Bolgariya, Serbiya i russkoe obshchestvo vo vremya Balkanskikh voiny 1912-1913 gg. [Bulgaria, Serbia and Russian society during the Balkan Wars of 1912-1913]. M.: «Indrik». 520 s.
8. Ivanov A.A., Repnikov A.V. (2014) «Bolgarskaya izmena»: russkie pravye o vstuplenii Bolgariyu v Pervyyu mirovyyu voynu na storone Tsentral'nykh derzhav ["Bulgarian Treason": Russian rightists on Bulgaria's entry into World War I on the side of the Central Powers] // Noveishaya istoriya Rossii. № 3. S. 197-217.
9. Iskanderov P.A. (2003) Balkanskie voiny 1912-1913 gg. [Balkan Wars 1912-1913] // V «porokhovom pogrebe Evropy». 1878-1914 gg. / otv. red. V.N. Vinogradov, V.I. Kosik. M.: «Indrik». 544 s.
10. Moskovskie vedomosti. 1878. 21 yanvarya.
11. Moskovskie vedomosti. 1886. 12 dekabrya.
12. Moskovskie vedomosti. 1915. № 221. 26 sentyabrya.
13. Nachalo bratoubiistvennoi voiny [The beginning of the fratricidal war] // Petrogradskii listok. 1915. № 271. 3 oktyabrya.
14. Novosti. 1885. № 232. 8 sentyabrya.
15. Novosti. 1885. № 246. 22 sentyabrya.
16. Ob'yavlenie voiny Bolgarii [Declaration of war on Bulgaria] // Moskovskie vedomosti. 1915. № 230. 7 oktyabrya.
17. Otkliki na vystuplenie Bolgarii [Responses to Bulgaria's speech] // Utro Rossi. 1915. № 264. 26 sentyabrya.
18. Otnoshenie evropeiskoi pechati k bolgarskomu perevorotu [The attitude of the European

- press to the Bulgarian coup] // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 249. 11 sentyabrya.
19. Panaehtov O.G. (2014) Katkov M.N. i Bolgarskii krisis 1884-1887 gg.: instrumentarii i tsena svobody slova [Katkov M.N. and the Bulgarian crisis of 1884-1887: the tools and price of freedom of speech] // Nauka i sovremennoe. S. 42-48.
20. Petrogradskii listok. 1915. № 269. 1 oktyabrya.
21. Rossiya i Bolgariya [Russia and Bulgaria] // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 251. 13 sentyabrya.
22. Russkie vedomosti. 1914. 1 yanvarya.
23. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 246. 8 sentyabrya.
24. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 248. 10 sentyabrya.
25. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 251. 13 sentyabrya.
26. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 261. 23 sentyabrya.
27. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 262. 24 sentyabrya.
28. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 264. 26 sentyabrya.
29. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1885. № 266. 28 sentyabrya.
30. San-Stefano. Zapiski grafa N.P. Ignat'eva [San Stefano. Notes of count N.P. Ignatiev] // Istoricheskii vestnik. 1915. T. 140. Aprel'. S. 36-65.
31. Svet. 1885. № 246. 8 sentyabrya.
32. Sovremennye izvestiya. 1879. 12 oktyabrya.
33. Ferdinand Koburgskii i ego dvulichie [Ferdinand of Coburg and his duplicity] // Birzhevye vedomosti. 1915. № 15125. 3 oktyabrya.
34. Ferdinandovy syny [Ferdinand's sons] // Petrogradskii listok. 1915. № 270. 2 oktyabrya.
35. Fomenko A.A. (2018) Problematika uchastiya Bolgarii v Pervoi mirovoi voine [The problems of Bulgaria's participation in the First World War] // Vestnik VGU. №2. S. 98-102.

Об авторе

Свиридова Алина Сергеевна – ассистент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Sviridova Alina Sergeevna – assistant, I.G. Petrovsky Bryansk State University (Russia),
E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Тишина О.В., кандидат исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ВЛИЯНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

В начале XX в. в Российской империи на фоне роста интереса к чтению газет и журналов среди широких слоев населения усиливается роль массовых периодических изданий как актора публичной сферы. В исследовании анализируются способы презентации актуальных тем и контексты, в которых они представлены, с акцентом на содержание публикуемых материалов и тематическое распределение статей, способствующих формированию патриотических настроений в российском обществе. Автор выявляет характерные черты дискурса патриотических мотивов, используемых печатными средствами массовой информации, и рассматривает конкретные примеры влияния публикаций на общественные настроения и поведение граждан. На основе анализа российских периодических изданий 1914 г., таких как «Речь», «Правительственный вестник», «Московские ведомости», «Петербургская газета», «Новое время», статья демонстрирует, как медийные нарративы формировали общественное мнение в условиях начала Первой мировой войны. Результаты исследования подчеркивают значимую роль массовых периодических печатных изданий в формировании патриотических настроений, консолидации общества вокруг императорской власти и мобилизации населения к участию в гражданских инициативах в поддержку армии.

Ключевые слова: периодическая печать, общественные настроения, публичная сфера, Первая мировая война, патриотические настроения, цензура.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-105-112

Введение. В начале XX в. Российской империи периодические печатные издания, являясь основным источником информации для большинства населения, активно влияли на его восприятие происходящих событий, способствуя формированию общественного мнения и повышению гражданской активности. Как отмечает историк отечественной журналистики, профессор Г.В. Жириков, в этот исторический период на практике журналистика стала функционировать как система массовых коммуникаций, средств массовой информации [9, с. 336].

В годы Первой мировой войны массовая периодическая печать являлась одной из важнейших площадок публичной сферы. Именно пресса выступала ключевым фактором, влиявшим на понимание населением происходящих событий.

Изучение восприятия обществом периода начала войны позволяет глубже понять механизмы, посредством которых государство стремилось обеспечить лояльность и поддержать боевой дух нации. Этот аспект важен не только для оценки исторической динамики эпохи, но и для осознания современных тенденций развития массового сознания в кризисных ситуациях.

Объект и методы исследования.

Объектом исследования выступает российская периодическая печать 1914 г. Ноизмена данного исследования состоит в демонстрации роли российской массовой периодической печати в качестве актора публичной сферы, оказывающего значительное влияние на формирование патриотических настроений в российском обществе в период начала Первой мировой

¹ Статья написана в рамках реализации гранта РНФ – 25-28-00933. «Печать в публичной сфере как актор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны».

войны. При интерпретации материалов периодических изданий указанного исторического периода применялись традиционные методы исторического исследования. Прежде всего это проблемно-хронологический метод, согласно которому изменение контента периодической печати рассматривалось поэтапно в связи с развитием событий Первой мировой войны. Историко-сравнительный метод использовался при выявлении различия или сходства риторики периодических изданий разной партийной и идеологической направленности. Историко-системный метод позволил выявить определенную систему в формировании и функционировании информационной среды, способной влиять на формирование патриотических настроений общественности в Российской империи в начале Первой мировой войны.

Результаты и их обсуждение. К 1914 г. заметную роль в Российской империи стала играть пресса, рассчитанная на широкую аудиторию, содержавшая на своих страницах разнообразный контент, в соответствии с запросами читающей публики [2, с. 2]. Наряду с «общественно-политическими» изданиями имелись «литературные», «профессиональные» газеты – такие, как «Русский врач» или «Землевладельческая газета», широко распространена была церковная периодика. Целый ряд изданий являлся рупором политических партий – на практике представляя собой практически полный спектр политических платформ, существовавших в России на тот момент: от изданий, заявлявших о себе как социалистические, до правомонархическо-черносотенных [18, с. 171]. Зависимость от целевой аудитории обусловило многообразие стилей подачи материалов. Некоторые издания придерживались серьезного аналитического подхода, детально рассматривая события Первой мировой войны, их причины и последствия. Другие же

использовали более лубочный и «простонародный» стиль, обращаясь к эмоциям читателей и создавая яркие образы «русских богатырей», сражающихся за честь и славу страны. Крупные органы массовой центральной печати, такие как «Новое время», «Речь», «Петербургская газета», «Московские ведомости» и др., помимо широкой аудитории, обладали большими интеллектуальными и материальными ресурсами для инициирования всевозможных обсуждений в своем информационном поле.

Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, и его жены герцогини Софии Гогенберг 28 июня 1914 г. стало катализатором, кардинально изменившим общественные настроения и повестку дня в российской периодической печати. На полосах газет появляются статьи и комментарии экспертов, которые дают оценку международной обстановки и высказывают предположения о вступлении России в военный конфликт. Эти материалы формировали у читателей представление о неизбежности войны и необходимости подготовки к ней. В данном контексте особое внимание заслуживает газета «Голос Москвы», орган партии октяристов, которая в июле 1914 г. опубликовала серию сообщений под заголовками и рубриками «Накануне войны», «Война или мир?», «Накануне европейской войны».

В условиях внешней угрозы ряд крупных периодических изданий становятся рупором патриотической риторики, усилия которой направлены на консолидацию общества вокруг идеи поддержки военных действий. «Голосом» действующей власти являлись такие газеты как «Правительственный вестник» и «Московские ведомости». На их страницах публиковались обращения императора к народу, обзоры действий правительства в связи с военными действиями и др. Средствами органов массовой периодической

печати формировался образ монархии, который должен был повысить популярность и авторитет императорской семьи, сплотить общественность и мобилизовать население на поддержку военных действий [17, с. 84].

С развитием сценария военного конфликта ряд печатных изданий (например, кадетская «Речь» и издававшаяся товариществом А.С. Суворина газета «Новое время») перешли от умеренно-либеральных позиций к жестким призывам с поддержкой войны до победного конца. Такие настроения в целом совпадали с курсом правительственной пропаганды.

14 июля 1914 г. Россия ввела «Положение о подготовительном к войне периоде», а затем, 16 и 17 июля, объявила сначала частичную и затем полную военную мобилизацию. Предвидя негативную реакцию общественности, 18 июля газета «Речь» акцентировала внимание читателя на том, сколь трудным для правительства было принятное решение: «Приходившие известия все понижали степень оптимизма, и к позднему вечеру уже выступил вопрос о своевременности первого шага – объявления мобилизации. В первом часу ночи вопрос был решен положительно, но опубликование было поставлено в зависимость от дальнейших известий, и только в третьем часу ночи опубликование было решено бесповоротно» [13]. Статью можно расценивать как попытку манипулировать общественным сознанием, когда с одной стороны, подчеркивалась серьезность ситуации, а с другой – демонстрировалось стремление правительства к мирному разрешению конфликта и утверждался вынужденный характер принятых в итоге мер.

Буквально на следующий день главный печатный орган кадетов – газета «Речь», обращаясь к читателям, вновь размышляла о возможности мирного урегулирования. Автор статьи Л. Львов констатировал, что положение почти

безнадежно: «с каждым моментом оптимизм, внушающий надежды, увядает». Предвидя неизбежность войны, вновь подчеркивалось, что «действия правительства отнюдь не являются последствиями экстренных решений последних часов, все это заранее обдумано» [16].

Германия 19 июля 1914 г. объявила войну России. На следующий день на страницах «Правительственного вестника» был обнародован Высочайший Манифест Николая II с объяснением причин вступления Российской империи в войну. Император акцентировал внимание на то, что, следуя «историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особой силой пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования» [15, с. 1]. Подчеркивалось, что в связи с нападением Австрии на Сербию и «бомбардировкой беззащитного Белграда» Россия предприняла ряд preventивных мер: перевела вооруженные силы на военное положение, прилагая при этом «все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров». Манифест призывал забыть внутренние распри и еще теснее укрепить единение государя с его народом. В этом же номере газеты было опубликовано правительственные сообщение, где разъяснялась позиция России в предстоящей войне и декларировались ее изначально мирные намерения и неоднократные попытки мирного урегулирования.

Под заголовком «Война объявлена» вышел номер газеты «Московские ведомости». Вновь внимание читателя акцентируется на навязанном России характере войны: «Бог правду любит. Он видит, что Россия не искала войны, что она желала дать народу возможность заниматься

мирно своими делами, но этому мешает завистливый и полный гордыни враг» [5, с. 1]. Автор статьи навязчиво продвигает мысль важности доверия к императорской власти со стороны народы, о необходимости консолидации общества вокруг Николая II: «Русские умеют не только умирать, но и побеждать, и пойдут туда, куда поведет их Самодержавный Вождь России. Если враг рассчитывал на нашу рознь, то он ошибается» [5, с. 1].

Идею единства и сплоченности всех слоев общества для достижения общей цели – победы в войне – подхватил целый ряд крупных печатных изданий. Так, 22 июля «Петербургская газета» разместила призыв руководителей партии кадетов «к единству перед лицом общей опасности», когда следует оставить все политические разногласия и направить совместные усилия на сохранение единства страны и ее места на мировой политической арене. Важность гражданской солидарности подчеркивает утверждение о том, что «моральная поддержка всей страны даст нашей армии всю ту действенную силу, на которую она способна» [14, с. 3].

Такая же риторика прослеживается и в материалах газеты «Новое время», которая очень метафорично передала идею гражданского единства, когда каждый гражданин, независимо от своего социального положения становится частью общего дела: «И вот бывают наши сердца тревогою, готовностью и героизмом. Теперь у всех погоны на плечах – у крестьянина, у рабочего, у чиновника, у купца; у многих эти погоны лягут на плечи и видимо, у других – они лягут невидимо, заставив вздышаться его грудь по-солдатскому, по-военному. Ныне мы все воины, потому что наша Россия есть воин, а с Россией – мы все. Вот, что подняло нас...» [7, с. 3].

В контексте популяризации идеи народного единства не менее любопытная статья под заголовком «Единая Россия»

выходит в газете «Новое время». Автор подчеркивает, что в трудные времена даже «нерусские граждане России» [8, с. 3] чувствуют себя частью русского народа. Использование метафоры о сплавлении различных племен в огне национальных испытаний акцентирует внимание на мысли, что все народы России являются частью одной большой семьи и живут одной целью. Связующим звеном в многонациональной империи является богатый и многогранный русский язык.

Мощным инструментом формирования патриотических настроений стала демонстрация поддержки власти церковью. Одной из первых публикаций в данном контексте является заметка в «Правительственном вестнике» от 20 июля 1914 г., которая сообщала, что по велению Николая II в Императорском Зимнем дворце состоится молебен о ниспослании победы русскому оружию [15, с. 3]. Буквально через два дня газета «Речь» знакомит читателя со своеобразным отчетом о свершившемся молебне. Внимание привлекают слова императора, с которыми он обратился к представителям армии и флота: «Со спокойствием и достоинством встретила наша великая матушка-Русь известие об объявлении нам войны. Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какая бы она ни была, до конца. Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей» [4, с. 4].

С началом войны российская пресса активно начала формировать негативный образ Германии как главного противника. Публикации подчеркивали агрессивные намерения германского имперализма, неоднократный отказ от мирного урегулирования. Ярким примером влияния прессы на формирование негативного имиджа противника являются опубликованные в «Петербургской газете» карикатуры на Вильгельма II и посвященный

ему фельетон за подпись «Главного врача больницы Святого Николая Чудотворца К.В. Охочинского». Мощным инструментом пропаганды стали хлесткие заголовки «Он одержим манией величия» и «Сумасшедший во главе Германии». Как врач, автор фельетона, анализируя характер и деятельность Вильгельма II, выдает однозначное заключение: «Эта роковая личность пребывает по ту сторону рубежа, отделяющего нормальную психику от психопатологии» [1, с. 9].

В условиях войны и национальной мобилизации страхи и предвзятость по отношению к иностранцам обрела форму шпиономании – в общественном сознании возникла и укрепилась мысль, что враг воюет не только на поле боя, но и тайно действует на улицах русских городов. Одной из причин появления такой острой общественной реакции стала постоянная трансляция со страниц газет образа врага, его жестокости и творимых им зверствах.

Так, редакция газеты «Вечернее время» констатировала, что получала огромное количество писем, в которых обыватели высказывали подозрения в отношении находившихся в Петербурге немцев – фабрикантов, промышленников, представителей торговых домов и др.: «Оставленные на свободе германские и австрийские подданные всеми мерами стараются вредить русским. Оставаясь в крупных центрах, немцы могут быть отличными шпионами, и тогда снисходительное отношение к ним будет стоить очень дорого» [10, с. 3]. В качестве решения проблемы некто Ф. Никифоров предлагал выселить немцев в глухие местности и вести за ними строгий надзор.

Эти и другие публикации получили серьезный общественный резонанс. В крупных городах, особенно в Москве и Петербурге, выражения нетерпимости приобрели особый размах – следствием стали многочисленные погромы

немецких магазинов и предприятий в августе-сентябре 1914 г.

Ответом на эти события стала серия публикаций в лояльных по отношению к официальной власти изданиях с призывами к спокойствию и соблюдению закона. На первой полосе «Московских ведомостей» было размещено обращение «от главноначальствующего г. Москвы», в котором подчеркивалась недопустимость насилия против иностранных подданных, «которые, в надежде на великодушие и справедливость русского народа, в среде его продолжают свои мирные занятия» [12, с. 1]. В обращении акцентировалось внимание на том, что даже в условиях войны законы Российской империи продолжают действовать, и все проживавшие и находившиеся на территории страны, независимо от их национальности, имеют право на защиту.

Отголоском развернувшейся с началом войны шпиономании станет инициация депортационных процессов и широкое освещение в прессе, а также принятие в начале 1915 г. особых «ликвидационных законов», по которым «российские немцы» ограничивались в праве землепользования в приграничных территориях.

С началом участия русской армии в военных действиях резко возрос интерес читателей к новостям с фронта. Причем речь шла не только о городских жителях: «Во многих деревнях грамотные и неграмотные крестьяне вскладчину выписывают газеты и по очереди ходят в волостное управление к приходу почту за ними, а затем собираются всей деревней в одну избу и читают вслух» [9, с. 327]. В связи с таким ажиотажем практически каждое крупное издание вело на своих страницах специализированные рубрики («Война», «От штаба Верховного Главнокомандующего», «Военные известия»), публиковали дополнительные выпуски и буклеты. В новостной повестке – отчеты о боях и передвижениях войск, о потерях

в стане врага, истории о героизме и мужестве защитников Отечества. На страницах газет стал формироваться образ героя войны. Среди первых подобных публикаций было сообщение о сражении под Владимиром Волынским в газете «Новое время»: «Стойкость наших офицеров и нижних чинов была выдающаяся; даже контуженные и раненые после перевязки возвращались в строй. Все стремились оставаться в передовых линиях. К вечеру, после ряда неудавшихся попыток прорваться в город, противник, понеся огромные потери, и прикрываясь ураганным огнем своей артиллерии, отступил к югу. По словам одного из пленных, потери противники были столь велики, что за день из его взвода осталось в строю только два человека» [6, с. 1].

Рост потребности в более широкой информированности общества о ходе военных действий обусловил появление значительного числа новых изданий. Так, в 1914 г. ассортимент газет пополнился на 431 наименование, а журналов – на 411. В последующие годы динамика роста идет на спад: в 1915 г. появилось 200 газет и 280 журналов, в 1916 – среди новых изданий 110 газет и 240 журналов [3, с. 21, 41].

Официальная власть понимала необходимость поддержания «нужного» информационного поля для формирования патриотических настроений, продвижения идеи народной войны и консолидации общества вокруг фигуры императора, а также мобилизации населения на участие в гражданских инициативах, нацеленных на помощь армии. В июле 1914 г. при Главном управлении по делам печати был создан Комитет народных изданий, целью которого было не только организовать выпуск «полезных» изданий, но и контролировать их содержание. Губернаторам и подведомственным им учреждениям было предложено принять меры к наиболее целесообразной «организации дела бесплатной раздачи сельскому населению

посвященных военным событиям народных изданий, высочайше утвержденного комитета» [9, с. 338-339]. Это позволило власти формировать имевшийся патриотический посыл в новостную повестку, акцентируя внимание на успехах русской армии, на мотивах принимаемых правительством решений, на благотворительных инициативах представителей императорской семьи в связи с военными действиями и др.

Заключение. В Российской империи к началу Первой мировой войны газеты и журналы охватывали широкий круг читателей, включающий различные социальные слои. Это позволило печатным средствам информации стать значимым актором публичной сферы, в значительной степени определяющей общественные настроения в российском обществе. Органы периодической печати не только отражали события, но и формировали повестку дня, направляя фокус внимания обывателей на «нужные» темы. С началом Первой мировой войны газеты разной идеологической направленности поддержали патриотический нарратив, тем самым способствуя консолидации общества и его мобилизации на поддержку военных действий. Важную роль в формировании единого информационного поля сыграло введение цензуры, которая позволяла государству направлять информацию в нужное для поддержания патриотических настроений русло. Печатные издания, информируя население о ситуации на международной арене, развитии событий на фронтах войны, формировали в умах общественности вдохновляющий образ «героя» и вызывающий неприятие имидж «врага». Подобные публикации в период начала Первой мировой войны оказали значимое влияние на формирование патриотических настроений и побудили российское общество к участию в разнообразных гражданских инициативах.

Список литературы

1. «Он одержим манией величия» // Петербургская газета. – 1914. – № 210. – 3 августа.
2. Алферова И.В., Сорокина Ж.А. «Оппозиционность» российской периодической печати в контексте социально-экономического кризиса периода Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. – 2025. – № 1. – С. 7–18.
3. Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. – Л., 1975. – 152 с.
4. В Зимнем дворце // Речь. – 1914. – № 193 (2862).
5. Война объявлена // Московские ведомости. – 1914. – № 168.
6. Война. От штаба Верховного Главнокомандующего // Новое время. – 1914. – № 13795.
7. Вступаем в великую годину // Новое время. – 1914. – № 13775.
8. Единая Россия // Новое время. – 1914. – № 3774.
9. Жирков Г.В. Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900 – 1918 гг. – Ижевск, 2014. – 382 с.
10. Из писем в редакцию // Вечернее время. – 1914. – № 846.
11. Накануне развязки // Речь. – 1914. – № 192. – 19 июля.
12. От главноначальствующего гор. Москвы // Московские ведомости. – 1914. – № 169.
13. Отношение России // Речь. – 1914. – № 191. – 18 июля.
14. Патриотизм оппозиции // Петербургская газета. – 1914. – № 198. – 22 июля.
15. Правительственное сообщение // Правительственный вестник. – 1914. – № 160. – 20 июля.
16. Сплочение сил // Речь. – 1914. – № 192. – 19 июля.
17. Тишина О.В. Репрезентация образа императорской семьи на страницах периодической печати как средство мобилизации общества в годы Первой мировой войны // Регионы России в военной истории страны. Выпуск VII: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 12–13 ноября 2025 года. – Йошкар-Ола, 2025. – С. 77–85.
18. Черепенчук В.С. Российская периодическая печать времен Первой мировой войны как исторический источник // Вестник Российской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Том 16. – Выпуск 1. – С. 169–176.

THE INFLUENCE OF THE PERIODICAL PRESS ON THE FORMATION OF PATRIOTIC SENTIMENT IN THE RUSSIAN SOCIETY AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

At the beginning of the XXth century, against the backdrop of growing interest in reading newspapers and magazines among the general population, the role of mass periodicals as an actor in the public sphere intensified in the Russian Empire. This study analyzes the methods of representing current topics and the contexts in which they were presented, with a focus on the content of published materials and the thematic distribution of articles that fostered patriotic sentiments in Russian society. The author identifies the characteristic features of the discourse of patriotic motifs used by the print media and examines specific examples of the influence of publications on public sentiment and citizen behavior. Based on an analysis of Russian periodicals from 1914, such as "Rech", "Pravitelstvennyi Vestnik", "Moskovskie Vedomosti", "Peterburgskaya Gazeta", and "Novoe Vremya", the article demonstrates how media narratives shaped public opinion at the outset of the First World War. The results of the study emphasize the significant role of mass periodical print publications in shaping patriotic sentiment, consolidating society around the imperial authority, and mobilizing the population to participate in civilian initiatives in support of the army.

Keywords: Periodical press, public sentiment, public sphere, First World War, patriotic feelings, censorship.

References

1. «On oderzhim maniej velichiya» [“He is obsessed with megalomania”] // *Peterburgskaya gazeta*. – 1914. – № 210. – 3 avgusta.
2. Alferova I.V., Sorokina ZH.A. (2025) «Oppozicionnost'» rossijskoj periodicheskoy pechati v kontekste social'no-ekonomiceskogo krizisa perioda Pervoj mirovoj vojny [The "Opposition" of the Russian Periodical Press in the Context of the Socioeconomic Crisis of the First World War] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2025. – № 1. – S. 7–18.
3. Berezhnoj A.F. (1975) Russkaya legal'naya pechat' v gody Pervoj mirovoj vojny [Russian Legal Press during the First World War]. – L., 1975. – 152 s.
4. V Zimnem dvorce [In the Winter Palace] // *Rech'*. – 1914. – № 193 (2862).
5. Vojna ob"yavlena [War has been declared] // *Moskovskie vedomosti*. – 1914. – № 168.
6. Vojna. Ot shtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego [War. From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief] // *Novoe vremya*. – 1914. – № 13795.
7. Vstupaem v velikuyu godinu [Entering a great time] // *Novoe vremya*. – 1914. – № 13775.
8. Edinaya Rossiya [United Russia] // *Novoe vremya*. – 1914. – № 3774.
9. Zhirkov G.V. (2014) *Zhurnalistika Rossii: ot zolotogo veka do tragedii. 1900 – 1918 gg.* [Russian Journalism: From the Golden Age to the Tragedy. 1900 – 1918] – Izhevsk, 2014. – 382 s.
10. Iz pisem v redakciyu [From letters to the editor] // *Vechernee vremya*. – 1914. – № 846.
11. Nakanune razvyyazki [On the eve of the denouement] // *Rech'*. – 1914. – № 192. – 19 iyulya.
12. Ot glavnonachal'stvuyushchego gor. Moskvy [From the Chief of the City of Moscow] // *Moskovskie vedomosti*. – 1914. – № 169.
13. Otnoshenie Rossii [Russia's attitude] // *Rech'*. – 1914. – № 191. – 18 iyulya.
14. Patriotizm oppozicii [The opposition's patriotism] // *Peterburgskaya gazeta*. – 1914. – № 198. – 22 iyulya.
15. Pravitel'stvennoe soobshchenie [Government communication] // *Pravitel'stvennyj vestnik*. – 1914. – № 160. – 20 iyulya.
16. Splochenie sil [Uniting the forces] // *Rech'*. – 1914. – № 192. – 19 iyulya.
17. Tishina O.V. (2025) Reprezentaciya obraza imperatorskoj sem'i na stranicakh periodicheskoy pechati kak sredstvo mobilizacii obshchestva v gody Pervoj mirovoj vojny [Representation of the Imperial Family in the Periodical Press as a Means of Mobilizing Society during the First World War] // Regiony Rossii v voennoj istorii strany. Vypusk VII: sbornik materialov VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Joshkar-Ola, 12–13 noyabrya 2025 goda. – Joshkar-Ola, 2025. – S. 77–85.
18. Cherepenchuk V.S. (2015) Rossijskaya periodicheskaya pechat' vremen Pervoj mirovoj vojny kak istoricheskij istochnik [Russian Periodicals from the First World War as a Historical Source] // *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii*. – 2015. – Tom 16. – Vypusk 1. – S. 169–176.

Об авторе

Тишина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и политологии Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail: tishina.ov@bk.ru

Tishina Olga Vladimirovna – Candidate of Sciences in History (Ph.D.), Associate Professor, Department of Philosophy, History and Political Science, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: tishina.ov@bk.ru

Хомутова Е.В., преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОРИЕНТАЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НА СССР В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭРНСТА НИКИША

Статья посвящена осмыслиению интеллектуального пространства консервативной революции в Веймарской республике Германии. Предметом изучения выступает интеллектуальное политическое наследие германского мыслителя Эрнста Никиша, который представлял собой яркого представителя национал-большевистского движения. В исследовании выбран анализ внешнеполитической концепции консервативного мыслителя, которая характеризовалась отличительной особенностью для многих представителей консервативной революции, а именно – обоснованием ориентации в области внешней политики на перспективный союз с Советским Союзом. Восточная ориентация внешнеполитической концепции Эрнста Никиша совпадала с ранними проектами взаимоотношений с большевистской Россией, которые вырабатывались в первые годы оформления интеллектуального течения Мёллером ван ден Бруком. В предложенной им концепции молодых народов перспектива германо-советского сотрудничества определялась антиверсальной направленностью, в которой возможность ревизии Версальской системы международных отношений служила связующим элементом. Эрнст Никиш, развивая эту мысль, дополнял ее также перспективой политico-экономического сотрудничества, которая, вполне возможно, определялась и предшествующей социалистической деятельностью германского мыслителя в первые послевоенные годы. В ходе исследования мы пришли к выводу о неоднозначности его политической позиции и аргументации в пользу перспективы германо-советского сотрудничества. Все-таки в основе будущего сотрудничества Эрнст Никиш положил необходимость совместной ревизии Версальской системы и преодоления последствий мирового экономического кризиса 1929 г. в качестве использования системы государственного регулирования экономики по принципу советских пятилеток.

Ключевые слова: консервативная революция, Мёллер ван ден Брук, национал-большевизм, Эрнст Никиш, Версальская система, Веймарская республика, германо-советские отношения, германская внешняя политика.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-113-121

Введение. Изучение интеллектуальной политической мысли Веймарской республики в последние десятилетие приобрело повышенный общественный интерес. Во многом он был вызван публикацией русских переводов многих консервативных мыслителей веймарской Германии, а также осуществлением фундаментальных монографических исследований российских историков, посвященных истории и историографии консервативной революции. В основе фокуса исследования находится проблема кризиса демократической системы и консервативного проекта развития германского государства, который рассматривал в годы Веймарской республики. Одним из направлений консервативной мысли был национал-большевизм, который находился на граничье между консерватизмом и

социализмом, с одной стороны, а с другой стороны, представлял собой националистических проект социальных общественных изменений германской республики. Интеллектуальным лидером национал-большевистского направления был Эрнст Никиш. В нашем исследовании мы концентрируем внимание на осмыслиении его внешнеполитической концепции.

Объект и методы исследования. Объектом исследования выступает внешнеполитическая концепция Эрнста Никиша. Исследование опирается на принципы историзма, использования историко-системного метода и методологии новой интеллектуальной истории, позволяющую рассмотреть взаимосвязь структурных компонентов внешнеполитической концепции германского мыслителя.

Результаты и их обсуждение. Крах Германии в Первой мировой войне, Ноябрьская революция, провозглашение Веймарской республики и крайне неблагоприятные статьи Версальского договора серьёзно подорвали стабильность немецкого народа. Соглашения, заключенные в Версале после Первой мировой войны, часто рассматриваются как ключевой элемент, спровоцировавший внутренние трудности в послевоенной Германии. Версальский договор, по сути, был миром старого мира, в котором «народы с мощным потенциалом» потерпели поражение. Он был подписан «изувеченным и окованым народом», который не смог противостоять ему. Мир принес миру не свободу, а порабощение. Он не дал им мира». В Зеркальном зале Версальского дворца государственные деятели Антанты смогли утвердить свой политический порядок и навязать Германии свою власть [1, с.227]. Германские интеллектуалы были убеждены, что решение внешнеполитических проблем германской республики позволит справиться с внутренними трудностями немецкого общества. Таким образом, устранение последствий этого договора представлялось консервативным интеллектуалам Веймарской республике ключом к преодолению внутривополитических проблем и восстановлению страны. В этой связи они считали, что союз между Советским Союзом и Германией, заключенный в ходе Генуэзской конференции 1922 г. В виде Рапалльского договора, был самым эффективным способом разрушить Версальский порядок.

Один из первых, кто заговорил о необходимости восточной ориентации Германии был Мёллер ван ден Брук, немецкий политический мыслитель, один из редакторов издания первого собрания сочинений на немецком языке Ф.М. Достоевского. Главным стимулом для него была глубокая приверженность русской словесности: «Мы нуждаемся в Германии в безусловности русской культуры. Мы нуждаемся в ней как в противовесе

западничеству, чьё влияние мы прервём, как его прервали в России» [2, с.88]. Он развил взятую у Достоевского идею «старых» и «новых» народов опубликованную в книге «Право молодых народов», в которой он выдвигает версию особого пути, и выделяет группу «молодых народов», и включает в их число Германию и Россию, а также США, на которых возлагал надежду на их способность воздействовать на Францию и Великобританию при заключении мирного договора. В представлении немецкого консерватора «мир молодых народов» лежит на Востоке». Взаимодействие России и Германии должно привести к формированию «новой восточной политики», в результате которой «Россия сама станет Европой», а «молодые народы», то есть Германия, лишь «вносят равномерность поступи и ритмичность в жизненные ожидания Востока, в том числе и соразмерность во взбудороженную жизнь России» [1, с.226]. Идеи Мёллера ван ден Брука, касающиеся «восточной ориентации», не получили единодушного одобрения среди представителей «консервативной революции», разделявших его взгляды.

Эти идеи свое отражение нашли в кругах национал-большевистского движения. Одной из ключевых фигур национал-революционного направления «консервативной революции» являлся Эрнст Никиш – известный политический теоретик и деятель, создатель немецкой национал-большевистской доктрины, издатель журнала *Widerstand*. В эпоху Веймарской республики он играл заметную роль и оказал значительное влияние на множество национал-революционеров. Будучи непримириимым врагом Адольфа Гитлера, Э. Никиш выступал за установление союза между Германией и Советским Союзом.

Э. Никиш оценивал Версальский мирный договор традиционно негативно. Вместе со всеми националистами в Веймарской республике разделял сопротивление Версальскому миру, считая, что Версаль в целом был «немецкой смертью» [1,

с.235]. Э. Никиш пессимистично оценивал сложившуюся политическую ситуацию в Германии, видя необходимость возврата к 1648 году [5, с.55]. В своей книге «Основные вопросы немецкой внешней политики» он подчеркивал, что «мы рассматриваем ситуацию в немецких землях: она ужасна. Мы... ощущаем бессилие и узы нашего Отечества во всей их безнадежности». Эти примеры показывают, что пессимизм Э. Никиша во многом определял его позицию сопротивления, даёт понять, что он не смеет говорить об освобождении, а только призывает к сопротивлению. Но даже при этом он думает не о внешнем физическом сопротивлении, а только о сопротивлении духовном [9, с.12]. АнтиВерсаль превратился в националистический символ сопротивления, что отражалось от номера к номеру в издаваемом Э. Никишем журнале «Widerstand» [6, с.33].

Внешнеполитический вектор, выбранный немецким правительством и воплощенный Г. Штреземаном, интерпретировался Э. Никишем как поддержание условий, продиктованных Версальским договором. Фактически, западноевропейская дипломатия Германии являлась инструментом реализации чужой воли, которую он приписывал Франции.

В силу своей инертности Германия безоговорочно следовала указаниям Парижа. Политика Г. Штреземана, таким образом, рассматривалась не как самостоятельный курс, а как подчинение интересам Франции и сохранение послевоенного статус-кво, установленного Версальским договором. Э. Никиш полагал, что ориентация внешней политики на Францию означает следование системе европейской континентальной политики и представляет собой идею пан-Европы. Бряд ли в такой системе Германия сможет занять какое-то весомое положение [1, с.235].

По мнению Э. Никиша, «судьбой и роком» Германии во внешней политике было её центральноевропейское положение. Следовательно, любая разумная политика должна была исходить из этой позиции, тем

более что в современной истории Германии существование и расцвет Пруссии вплоть до «Договора перестраховки» Бисмарка доказали, что политика против России в долгосрочной перспективе невозможна и, по сути, пагубна. Земельный, героический, антигородской, антицивилизаторский, антинационалистический, антиевропейский стиль жизни ведет немецкий народ на восток [5, с.44]. Э. Никиш подчёркивал, что западные державы должны были признать, что их политика толкала немцев и русских в объятия друг друга. Он рассуждал о завершённом повороте Германии в сторону России, соответственно видел будущее Германии на Востоке.

Общая политика с Россией, «которая разделяет с нами ту же глобальную политическую судьбу», продолжает Э. Никиш, не может, однако, одновременно заключать союз с державами «капитализма Антанты» и Лигой Наций, тем более что последняя под влиянием Франции всё больше грозит «превратиться в военный союз против России». Германия, как показывает требование Франции о праве прохода, используется в политическом и военном отношении как плацдарм против Востока, и нельзя не заметить, какую воинственно-реакционную политко-социальную роль версальские державы отводят немецкой буржуазии, к которой всё больше примыкают социал-демократы. Цель западной политики состоит в «балканизации Германии» [5, с.43]. Россия избежала той опасности благодаря своей революции. Э. Никиш отмечал, что «неверно поймешь сущность русского развития, пока будешь рассматривать его исключительно как революционное социальное событие». Это «должно быть понято с точки зрения внешней политики». «Социальная структура России крестьянская, а не в высшей степени капиталистическая. Россия опиралась на это социально-структурное различие, существующее между Россией и Западной Европой, чтобы максимально усилить чувство антагонизма и, следовательно, защитные инстинкты русского народа против западных держав,

Россия представляла себя воплощением фундаментального антагонизма западных держав. Большевистская идеология, которой пользовалась Россия, не означала, что Россия действительно ориентируется на коммунистические принципы, в примитивных российских условиях производства отсутствовали все предпосылки для этого. Она лишь довела глубокую враждебность, непримиримый конфликт интересов между Россией и западными державами до резкого, безусловного и крайнего выражения. Россия хотела казаться совершенно иной личностью по сравнению с западными державами, чтобы представить свою борьбу с Западом как спасение и утверждение своей истинной и глубочайшей сути. Перенося «глобальную политическую оппозицию западным державам» большевиков на социальный уровень, их собственные феодальные и буржуазные классы представили «представителями» враждебного западного «социального принципа», «носителями его духа» и, соответственно, должны были быть устраниены. Большевистская революция, таким образом, фактически представляла собой функцию российской внешней политики, а советский имперализм в XX веке был лишь продолжением классически экспансионистской российской внешней политики другими средствами». Русские «переживали социальные потрясения как глобальную политическую борьбу», и блестящее достижение Ленина и большевиков состояло в том, что они позволили революции «переживаться как национальному акту, антикапиталистическому натиску – как средству спасения отечества, всемирно-революционной миссии – как заповеди преданного, государственно-утвердительного, патриотического чувства» [5, с.43-45]. По мнению Э. Никиша, российская революция была большим, чем просто политическая трансформация. Он видел в ней отражение гибели западной культуры, которая, как он считал, была серьезно подорвана стремлением к наживе и упадком нравственности.

Э. Никиш сформулировал свою

концепцию внешней политики, которая отвергала локарнскую политику Штрэземана и требовала широкого сотрудничества с Советским Союзом. Он подчеркивал, что государственная независимость – это ценность, которой нельзя поступаться в зависимости от обстоятельств отказываться от неё ради того, чтобы упростить себе жизнь «Немецкая политика и, следовательно, Сопротивление в целом, если оно хочет быть отчасти немецким, отчасти политическим, у него не может быть другой цели, кроме восстановления немецкой независимости, освобождения от навязанных оков и завоевания великого, влиятельного положения в мире. С немецкой точки зрения, которая, поскольку мы немцы, нет ничего важнее этой цели, поэтому вся наша внутренняя политика, социальная, экономическая и культурная должна получать свои самые истинные импульсы, своё общее направление и руководящий ею дух именно отсюда, она должна довольствоваться тем, чтобы быть лишь средством для достижения этой высшей цели» [3, с.269-270].

Единственной политикой, способной спасти немецких рабочих от участия «безнадёжного рабства», могла быть только политика разрыва договоров, отмены их обязательств и разрушения их связей: «В этот момент жизненные потребности немецкого рабочего с жизненными потребностями... вся нация вместе в одном... Национальная миссия ему превыше всего [5, с.58-59]. Э. Никиш с самого начала дает понять, что нельзя думать об открытой борьбе, а скорее следует призывать к терпению. Однако это не должно быть «терпением бездействующих, изнуренных и истощенных», а напротив, должно быть исполнено «непоколебимого духа сопротивления, непоколебимой воли к сопротивлению» [5, с.59-60]. Это означало освобождение от обязательности заключенных договоров, но не означало подготовку к новой войне. Э. Никиш считал, что это должно стать поводом «к моральной подготовке к ожидаемому моменту, когда

борьба снова станет возможной. Мы должны остерегаться смирения со своей судьбой и примирения с ситуацией, мы должны развивать дух сопротивления фактам власти, и тогда нынешнее бессилие останется лишь эпизодом. Однако воспитание этого духа есть не что иное, как «дух куртуазности, основанный на самой напряженной деятельности» [10, с.100].

«Дух сопротивления», который он сделал стержнем своей политической позиции, особенность которой заключалась в том, что он не был призван к борьбе и действию, а, напротив, основывался на убеждении, что время борьбы и действия ещё не пришло. У Германии не было ни сил, ни средств, что-либо изменить положения Версальского договора и последствия поражения. В сложившихся обстоятельствах подлинное немецкое освободительное движение было невозможno, и должно было пройти какое-то время до ревизии. Он считал, что только охваченный безумием человек мог сейчас думать об открытой борьбе, и только такой демагог, как Гитлер, мог убедить народ, что освобождение Германии в настоящее время находится в пределах политически возможного и может произойти в одночасье, как чудо, без применения какой-либо особой силы. Это принуждение к молчанию, по мнению Э. Никиша, не должно вести к духовному смирению с существующим положением, к забвению утраченной свободы или к её утрате. Германии не следует покоряться судьбе, а, напротив, поддерживать постоянную духовную готовность к борьбе и деятельности, в постоянном, высочайшем напряжении и с мужеством сделать всё возможное, если того потребует благо народа. Сам Э. Никиш являл собой яркий пример того, как это противодействие должно проявляться на практике. Он не считал, что германская делегация в Версале не должна была подписывать мирный договор, но она должна была сделать это с закрытыми глазами и отвернув лица, выражая, таким образом, немецкий протест. Такой жест был бы

несомненным сдаться действительности, а напротив, стремиться утверждаться в безоговорочном игнорировании [4, с.350].

В отношении сопротивления Версальской системе Э. Никиш полагал, что следовало интуитивно постичь сущностные и глубинные источники, питающие и движимые силами, с которыми оно призвано бороться. Ключевой причиной ослабления германского духа он считал влияние на германцев западной духовности. Однако идеологическое сопротивление Версалю должно было вестись не только во внешней политике, но и внутри самой страны, против тех сил, которые, будучи «агентами и сторонниками держав-победительниц», воплощали западный дух. Э. Никиш называл их «чуждыми и враждебными», как и всё, что жило за счёт Германии, ссылаясь на Версаль. «Постоянный бунт и восстание против них, как и против всего западного, по обе стороны наших границ, должны быть нашей самоочевидной позицией. Конечно, это революционно. Но не должно быть никаких сомнений: либо мы — революционный народ, либо мы задохнёмся в болоте и, в конце концов, перестанем быть свободным народом» [10, с.3]. Он подчеркивал, что «воистину, цепи, связывающие нас, крепки и тяжелы; требуется немалое сопротивление, чтобы не отчаяться... Кажется понятным, что трепет перед сверхчеловеческой задачей освобождения охватывает слабые умы. Однако: священное пламя не должно угаснуть ни в этом поколении, ни в следующем. Его следует беречь... до того дня, когда весь народ будет готов вновь обрести свободу» [5, с.62].

Э. Никиш довёл свою критику Версальского договора и его последствий до отрицания какой-либо политической общности с западными странами, а своё неприятие капитализма — до осуждения буржуазного общества и всех буржуазных образов жизни в целом. Благодаря послевоенным договорам Запад сделал бессилие Германии неотъемлемой частью европейского порядка, но немецкая буржуазия

согласилась на это, потому что больше заботилась о своей собственности, чем о свободе нации. В этих обстоятельствах Э. Никиш был убеждён, что спасение Германии и освобождение немецкого рабочего класса не могут зависеть от интеграции в эту паневропейскую систему [4, с.343]. Он утверждал, что Германия может защитить свои вполне осознанные национальные интересы, только проявив умеренность по отношению к своему восточному соседу, стремящемуся к прекращению войны, чтобы получить выгодную исходную позицию для переговоров с западными противниками. Германия должна принять принципиальное решение, а именно: за социалистический Восток против капиталистического Запада [4, с.335], необходимо стремиться к улучшению отношений с Россией.

В данном контексте национал-большевистская ориентация отображает тяготение ряда революционных консерваторов к «Востоку»: это был и «социалистический» Восток, и Восток в рамках культурной специфики интеллектуального течения, которая развивалась еще с конца XIX века, и особо сильное распространение получила в годы Веймарской республики. Национал-большевики видели в Советском Союзе ключевого партнера Германии в противостоянии «буржуазному Западу». Э. Никиш утверждал, что «социалистическая и революционная Германия, объединившись с революционной Россией, способна одержать верх над буржуазным Западом, а освобождение Германии от Версальского гнета даст стимул для мировой социалистической революции». В своей поздней работе «Третья империальная фигура» Э. Никиш размышлял о взаимосвязанности исторических путей русского и немецкого народов, подчеркивая важность геополитического вектора, направленного на Восток. «Мы должны, — писал он, — провести полное отделение от Запада. Мы объявляем себя сторонниками законов и ценностей стран восточней Эльбы. В странах Запада к

немцам относятся как к неполноценным, на Востоке же они — ведущая сила. Тем, чем был Рим для Запада, должен стать Потсдам для востока. Мировое господство всего римского прошло, на очере-ди — Восток» [7, с.110]. Судьба Германии, однако, заключается в том, что и её страна, и её душа представляют собой поле битвы конфликтующих исторических принципов, поэтому она духовно и практически стоит перед альтернативой: либо поддаться Западу и навсегда потерять свободу, либо полностью вернуть себе свободу и индивидуальность, примкнув к Востоку. Ситуация, созданная Версалем, делает этот выбор безотлагательным. Немецкий народ должен, следовательно, взять пример с русского народа, также потерпевшего поражение, и освободившегося от гнета, немецкий рабочий класс должен научиться у русских мыслить национально и переплавлять классовую борьбу в германскую волю к свободе. Свержение буржуазного общества знаменует начало возрождения Германии, поэтому немецкий народ должен, во-первых, поддержать глобальный русско-азиатский натиск на Европу и двигаться в этом направлении. Во-вторых, он должен, так же радикально, как и русский народ, уничтожить всё западное в своих границах и утвердить всё, что ненавистно Западу: антилиберализм, антииндивидуализм, самодержавие и открытую приверженность насилию. Он должен подражать глобальным политическим достижениям большевиков: социальному перевороту как национальному акту, выполнению всемирно-революционной миссии как заповеди патриотического убеждения.

В соответствии со столь далеко идущим отказом от любого политического сотрудничества с западными странами, Э. Никиш также поместил то, что он считал необходимой восточной ориентацией германской политики, в рамки всеобъемлющих всемирно-исторических категорий и расширил её, включив в неё принцип выбора Востока. Большевизм действительно

победил в России по западным формулам, к которым он относил и социализм, и использовал их как оружие против русской буржуазии, которая хотела продать Россию Западу. Однако на самом деле, согласно утверждениям Э. Никиша, восстание против всего европейского и западного представляло собой возрождение славяно-азиатского. Марксистская мысль дала славяно-азиатским первобытным инстинктам чистую совесть, уверенность в себе и чувство миссии в их войне на уничтожение буржуазного мира, но когда дело уничтожения было завершено, стало очевидно, что его движущие силы не исходили из марксистской теории. Напротив, Ленин перенес марксистскую доктрину классовой борьбы во внешнюю политику и мобилизовал антиевропейские инстинкты ради радикального освобождения русского народа. Stalin завершил его наследие, служа делу революции с беспрецедентной жестокостью.

В ориентации на восток, т.е. СССР, Пруссия сможет вновь обрести свое величие, а Германия получить новое мировое значение. Просоветская ориентация Э. Никиша вполне естественна для национал-большевика. Он полагал, что большевистская идеология переплетается с прусской моделью: мобилизация масс против внешнего врага соответствует призыву к ликвидации паразитических классов и исключению буржуазии. В своей геополитической концепции Э. Никиш широко использовал «потсдамскую идею» и уникальность прусской модели развития. В частности, он писал, что «Пруссия как юнкерское государство всегда стояло в стороне от собственно Европы. Можно было теперь подчеркивать и культивировать эту антиевропейскую тенденцию Пруссии, ее враждебность Европе» [3, с.241]. В его глазах «Россия была центром антиверсальского мира» [3, с.236]. Рассмотрение материалов, опубликованных в журнале Сопротивление под редакцией Э. Никиша, показывает, что в публикациях 1930 года Советская Россия

упоминалась примерно в 28% случаев. К 1931 году частота упоминаний увеличилась до 47%, и данная тенденция сохранилась почти на том же уровне и в 1932 году.

Наиболее ярким подтверждением прямого интереса Э. Никиша к реальным процессам, происходящим в СССР, служит его участие в «ARPLAN». Визит Эрнста Никиша в Советский Союз в 1932 г. был осуществлен по линии этой организации. «ARPLAN», созданная в 1931 г. как «ассоциация для анализа советского планового хозяйства», свидетельствует о направленности к «Востоку», а именно к социалистическому «Востоку». Однако, помимо этого, отчетливо прослеживается практический и предметный интерес участников этой группы к изучению именно советской системы планирования экономики. Таким образом, советская пятилетка представлялась как не имеющий precedентов экономический триумф, достигнутый благодаря принципиально другой экономической модели. Вполне обоснованно возникала мысль о заимствовании определенных методов этой системы для процветания Германии и укрепления потенциального политического союза с СССР через создание схожей экономической базы. Более того, в этом можно было увидеть еще один резкий контраст с капиталистическим и буржуазным миром Запада.

Важно подчеркнуть, что данное стремление к сближению с Советским Союзом не означало отказа Германии от своей независимости во внутренних и внешних делах. Э. Никиш выражал готовность к взаимодействию и совместным действиям, направленным против Версальского договора, однако неизменно акцентировал внимание на необходимости сохранения суверенного курса немецкой политики. Отношения с Россией не должны быть слишком тесными, иначе Германия вскоре окажется в унизительном положении по отношению к ней: «мы были бы брошены ему на произвол судьбы. Таким образом, мы должны осторожно и дальновидно лавировать

между Западом и востоком». «В этом российском развитии есть что-то удивительно загадочное», - отмечал он позднее. «Сто-миллионный народ подчиняет все свое культурное, экономическое и социальное существование исключительно точке зрения спасения своей внешнеполитической свободы. Многие черты чужды, это также народ, который во многих отношениях отличается от немецкого народа и, следовательно, никогда не смог бы устроить свою жизнь по его правилам» [8, с.201].

Хотя Э. Никиш с самого начала и в основе своей был убеждён в правильности союза между Германией и Россией со всеми вытекающими социальными последствиями, он не скрывал, что возможное освобождение от Версальского договора с помощью России имело бы мало смысла, если бы Германия впоследствии оказалась «втянута в те же удушающие отношения с Россией». «Спасение Германии не в том, что она, увлечённая русским примером, может большевизироваться от отчаяния, а в том, что она обладает гибкостью и пластичностью, чтобы сформировать свою политическую конституцию, свой общественный строй и свою экономическую организацию в соответствии с потребностями и законностью немецкого народа, в форму, способную максимально усилить её силу сопротивления, направленную вовне» [5, с.45].

Очевидно, отношение Э. Никиша к Советской России в эти годы было отнюдь не таким однозначным и ясным, как к буржуазно-капиталистическим западным державам, символизируемым именем Версаль.

Даже его идеологическому макиавелизму было трудно убедить беспокойную буржуазную молодежь в якобы принципиальной идентичности советского колlettivизма и немецкого «аристократического принципа», большевизма и «немецкого» и «прусского социализма». Очевидно, он поставил перед собой задачу, которую не мог выполнить изначально, несмотря на мобилизацию национальных чувств и постоянные исторические аналогии, из-за фундаментального внутреннего противоречия. Поскольку в этой молодежи преобладала открытость по отношению к Востоку, она в значительной степени была свойственна России до 1917 года, но не Советскому Союзу, и носила скорее литературный, чем политico-социальный характер [5, с.46-50].

Заключение (выводы). Таким образом, Эрнст Никиш видел решение проблемы германской внешней политики Германии именно в ориентации на Восток. Именно советско-германское объединение, по его мнению, позволит преодолеть Версальскую систему и в результате Германия сможет получить новое мировое значение. Оно позволяло объединить все антиверсальские силы германского общества вокруг восстановления германской национальной идеи, не исключавшей достижение социальной справедливости. В любом случае, его внешнеполитический проект означал сущностный разрыв с проводимой Веймарской республикой политикой и указание на перспективность развития германо-советских отношений как бастиона против негативного воздействия западного мира.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции. Брянск.: Брянский государственный университет, 2011. 312 с
2. Мёллер ван ден Брук А., Васильченко А.В. Миф о вечной империи и Третий рейх. М.: Вече, 2009. 368 с.
3. Никиш Э. Жизнь, на которую я отважился. Спб.: Владимир Даль, 2012. 560 с.
4. Buchheim H. Ernst Niekischs Ideologie des Widerstand //Vierteljahrsshefte für Zeitgeschichte (5), 1957.
5. Kabermann E. Ernst Niekisch. Widerstand und Leben. München., 1974. 415 S
6. Niekisch E. Deutsche Außenpolitik// Widerstand (4) 1929 Heft 2

7. Niekisch E. Die dritte imperiale Figur. – Berlin 1935.
8. Niekisch E. Der Funfjahrsplan Außenpolitik// Widerstand (5) 1930 Heft 7
9. Niekisch E. Grundfragen deutscher Außenpolitik. – Berlin, 1925.
10. Niekisch E. Revolutionare Politik // Widerstand. (1) 1926. Heft.

THE ORIENTATION OF GERMAN FOREIGN POLICY TOWARDS THE USSR IN THE VIEWS OF ERNST NIEKISCH.

This article explores the intellectual landscape of the Conservative Revolution in Germany's Weimar Republic. The subject of study is the intellectual and political legacy of German thinker Ernst Niekisch, a prominent figure in the National Bolshevik movement. This study analyzes the conservative thinker's foreign policy concept, which was characterized by a distinctive feature common to many representatives of the Conservative Revolution: a justification for a foreign policy orientation toward a prospective alliance with the Soviet Union. The Eastern orientation of Ernst Niekisch's foreign policy concept coincided with early plans for relations with Bolshevik Russia, developed in the early years of the intellectual movement by Moeller van den Bruck. In his concept of young nations, the prospect of German-Soviet cooperation was defined by an anti-universal orientation, in which the possibility of revising the Versailles system of international relations served as a unifying element. Ernst Niekisch, developing this idea, also added the prospect of political and economic cooperation, which was quite possibly influenced by the German thinker's prior socialist activities in the immediate post-war years. In the course of our research, we concluded that his political position and arguments in favor of the prospect of German-Soviet cooperation were ambiguous. Nevertheless, Ernst Niekisch would base future cooperation on the need for a joint revision of the Versailles system and overcoming the consequences of the global economic crisis of 1929 through the use of a system of state regulation of the economy based on the principles of the Soviet five-year plans.

Keywords: Conservative Revolution, Moeller van den Bruck, National Bolshevism, Ernst Niekisch, Versailles system, Weimar Republic, German-Soviet relations, German foreign policy.

References

1. Artamoshin S.V.(2011) Ponyatiya i pozicii konservativnoj revolyucii.[*Concepts and positions of the conservative revolution*] Bryansk.: Bryanskij gosudarstvennyj universitet, 2011. 312 S
2. Møller van den Broek A., Vasilchenko A.V. (2009) Mif o vechnoj imperii i Tretij rejx.[*The Myth of the Eternal Empire and the Third Reich*] M.: Veche, 2009. 368 S.
3. Nikish E. (2012) Zhizn', na kotoruyu ya otvazhilsya.[*The life I dared to live*] Spb.: Vladimir Dal', 2012. 560 S
4. Buchheim H.(1957) Ernst Niekischs Ideologie des Widerstand //Vierteljahrsshefte für Zeitgeschichte (5), 1957.
5. Kabermann E. (1974) Ernst Niekisch. Widerstand und Leben. München., 1974. 415 S
6. Niekisch E.(1929) Deutsche Außenpolitik// Widerstand (4) 1929 Heft 2
7. Niekisch E.(1935) Die dritte imperiale Figur. – Berlin 1935.
8. Niekisch E.(1930) Der Funfjahrsplan Außenpolitik// Widerstand (5) 1930 Heft 7
9. Niekisch E.(1925) Grundfragen deutscher Außenpolitik. – Berlin, 1925.
10. Niekisch E. (1926) Revolutionare Politik // Widerstand. (1) 1926. Heft.

Об авторе

Хомутова Елена Викторовна – преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: homutova-elena211181@yandex.ru

Khomutova Elena Viktorovna – lecturer at the Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, (Russia), E-mail: homutova-elena211181@yandex.ru

УДК 94 (410)

Шабунина А.К., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Россия)

РЕЦЕПЦИЯ РАБОТНЫХ ДОМОВ В АНГЛИЙСКИХ ПАМФЛЕТАХ (1834-1842)

Статья посвящена анализу социальной рецепции англичан о работных домах как социального института. Новая волна рефлексии была вызвана принятием и внедрением Нового законодательства о бедных в 1834 г. На основе архивных источников из Национального архива Великобритании, памфлетов и материалов газет была сделана попытка реконструировать восприятие системы работных домов в публицистических трудах современников. В статье выделяются специфические черты памфлета как отдельного жанра рассматриваемого периода, прослеживаются цели создания отдельных памфлетов, их влияние на систему английских работных домов, связь текстов опубликованных произведений с их популяризацией в газетах. Рассматриваемый в исследовании период 1834-1842 гг. стал временем ранней рефлексии и первичной рецепции на социальную трансформацию в сфере помощи бедным. Разнородный характер материала демонстрирует большую заинтересованность англичан в решении социальных проблем на локальном уровне, нежели движение за системные преобразования в общеанглийском масштабе. В статье выделяется критическое и контркритическое направление социальной рецепции. Делается вывод о том, что социальные страхи, вызванные содержанием памфлетов и его распространением, ограничивали внедрение системы работных домов, тогда как конструктивная критика способствовала сотрудничеству власти и общества в вопросе реформирования законодательства о бедных в викторианской Англии.

Ключевые слова: памфлет, работный дом, викторианская Англия, газеты, бедность, памфлетная война, социальное законодательство, социальный компромисс.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-122-133

Введение. Современный мир актуализирует изучение проблем бедности, социальной помощи и ее форм в исторической ретроспективе. Англоязычную историографию, посвященную истории работных домов, отличает разветвленный характер, напластование исследовательских подходов и детализация дефиниций исследования вплоть до воссоздания частного пространства отдельного работного дома. История работных домов – один из ключевых и спорных вопросов британской историографии социальной истории Нового времени. Однако, в отечественной исследовательской практике работные дома редко становились предметами отдельных изысканий. В последние годы данная проблематика начинает попадать в фокус исторических исследований. Вопросы рецепции работных домов освещаются в работах Ю. Е. Барловой, Е.К. Скляровой, О.В. Яблонской [1; 2; 5; 6] и др.

Необходимо отметить, что памфлеты

о работных домах редко привлекаются к источниковой базе исследований. Можно отметить несколько причин. Первая, плохая сохранность бумаги, на которой были напечатаны тексты, ориентированные для распространения среди бедных рабочих и жителей трущоб. Вторая, разнородность отраженной в них тематики, которая все более затрагивала частные вопросы и precedents локального и микроисторического уровней. Третья, большинство памфлетов было полностью или тезисно опубликовано в газетах и журналах, что требует от исследователя дополнительных операционных мер по реконструкции текста памфлета, прошедшего редакторскую правку изданий. Четвертая, сложность атрибуции данных источников, авторство, место издания и тираж издания в ряде случаев остается спорным или невыясненным. Однако, отмечу, что эти особенности не исключают привлечение памфлетов к исследованиям по истории работных

домов. Они вошли в исследовательскую базу таких современных британских авторов как: М. Кровтер, П. Джонс, С. Кинг, Э. Ройял, С. Вильямс [8; 12; 20; 26] и др. В данной статье впервые в отечественной исследовательской практике прослеживается разнонаправленная рецепция системы работных домов в первые годы действия «Нового законодательства о бедных», выделяется специфика памфлетов о работных домах.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования выступила социальная рецепция системы работных домов, отраженная в памфлетах 1834-1842 гг. В методологическом смысле основой исследования выступил принцип историзма и объективности. В ходе исследования были применены специально-исторические методы, такие как историко-системный, историко-сравнительный; проведены операции историко-психологической реконструкции рецепционной рефлексии британцев, как целостного процесса. В ряде случаев задачи исследования вызвали необходимость сопоставления архивных данных «Национального архива Великобритании» с материалами газет в вопросе анализа содержания и рецепции отдельного памфлета.

Результаты и их обсуждение. На рубеже XVIII-XIX вв. в Англии разворачиваются масштабные дебаты о формах и институциализации помощи беднякам. Эта проблема все более выдвигалась на первый план общественных дискуссий, чему способствовал общий социальный фон, выраженный в сумме конфликтогенерирующих факторов эпохи. Влияние промышленного переворота, изменения на рынке труда и новости с континента о последствиях французской революции все более обостряют публичные споры о социальном положении бедняков. В дебатах, с одной стороны, находились У. Годвин, Ч. Холл, У. Хэзлитт и их сторонники. Они, исходя из идей Просвещения и гуманистической интеллектуальной

традиции, выступали за расширение помощи беднякам. С другой стороны, были те «кто проповедовал принцип “личной обусловленности” бедности - люди сами виноваты в своей нищете, Дж. Тауншенд, Т. Мальтус, И. Бентам и их последователи призывали государственных деятелей перестать помогать бедным и либо ориентировать последних на самопомощь, либо использовать их как потенциальный производственный ресурс» [1, с. 74]. Вторая сторона формально побеждает, что приводит к внедрению «Новой системы» помощи бедным («Poor Law Unions»), основными звеньями которой становятся: работный дом и прекращение помощи на т.н. «открытом воздухе». Были отменены полностью или значительно ограничены выплаты, пособия, работа ночлежек и приютов для бедняков. Новая система гармонировала с ценностями протестантской этики. В основе законодательного акта 1834 г. лежала идея, что «бедные несут ответственность за свое положение, которое они, если захотят, могут изменить» [2, с. 68]. Однако, несмотря на принятие закона, «первая» сторона спора не спешила сдавать своих позиций и общественные прения разгораются с новой силой. Они находят свое отражение в памфлетах 1834-1842 гг., времени первичной реакции на работный дом. В этот период, с одной стороны, происходит рефлексия о нововведениях, с другой стороны, готовится почва для дальнейших преобразований работных домов, реализация которых приходится на 1840 гг.

Новая система начала действовать 1 июня 1835 г. и сразу столкнулась с валом петиций и жалоб. Уже в первые годы внедрения закона был создан миф о работном доме, в котором он приобрел репутацию места угнетения, а обратившийся к помощи признавал себя падшим в оценке социальной морали. При этом, как отмечает М.А. Кровтер, основную роль здесь сыграла «пропагандистская война» [8, р. 30], которая проявлялась

через памфлеты и деятельность редакторов газет, которые публиковали соответствующие тексты.

Необходимо отметить, что в 1834 г. недовольство нововведениями усиливалось разочарованием от избирательной реформы («Reform Act», 1832 г.). Работные дома внедрялись в атмосфере социального протesta, критики и гнева, вызванного ограниченностью избирательных прав после принятия «Закона о реформе» 1832 г. Новое законодательство о бедных воспринималось как предательство народа со стороны либеральных сил. В этом контексте «работный дом, рассматривался как дальнейшее наступление на права и средства к существованию бедных рабочих после многих лет агитации за фабричные и трудовые реформы» [20, р. 97]. Рабочие продолжали чувствовать себя обманутыми, что позволяло использовать памфлеты о работных домах как средство политической борьбы, прежде всего со стороны консерваторов. Межпартийное противостояние по вопросу Нового закона о бедных выходило далеко за рамки парламентских прений и дебатов в клубах. Так, в 1838 г. журнал «Blackwood's Magazine», один из ультра-торийских изданий, размещает на своих страницах анонимный памфлет «Новая схема поддержки бедных» [17]. В нем предлагалось заменить продукты в работных домах на «опилки и гранитную крошку» [17, р. 489], рассказывалось, что из костей умерших бедняков делают вилки [17, р. 491]. Текст был ни чем иным, как проявлением черной политической сатиры, однако вызвал большой резонанс, страх и панику среди пауперов. Такая ситуация не была единичной практикой. Через критические памфлеты и их популяризацию в газетах, работный дом стал «пугалом не только для чартистских памфлетов, но и для органов среднего класса, таких как The Times, Punch и нескольких ежедневных газет тори Лондона» [12, р. 18]. Образ работного дома стал игрушкой в руках разнонаправленных политических

сил. Общественное мнение было взбудорожено, бедняки боялись, а правительство только начинало внедрять еще не отлаженную систему помощи, которая должна была поддержать социальную стабильность в стране. Такая ситуация создавала условия для бурного роста памфлетов, целью которых становилось привлечение все большего числа сторонников на сторону того или иного памфлетиста.

Памфлетную литературу рассматриваемого периода отличает более «люльное отношение к самому бедняку» [26, р. 51], тогда как критика в основном касалась системы работных домов как социального института. Памфлет, рассматривая его как публицистическое произведение, «тенденциозен уже в силу самой своей цели» [4, с. 55]. Английский памфлет рассматриваемого периода во многом наследовал традиции XVIII в., времени наивысшего расцвета жанра. Однако, необходимо отметить, что в ранне-викторианский период памфлет отходит от прежних канонов. Так, если в XVIII в. памфлет выступает, как «наиболее свободный журналистский жанр... будучи пограничным жанром между журналистикой и литературой» [3, р. 219], то в рассматриваемый период памфлет в своем классическом понимании начинает угадывать, эволюционировать в другие литературные формы. Сокращается их численность, все чаще памфлеты начинают перерождаться в журнальные статьи, большие газетные заметки или краткие социальные эссе, в которых начинают очерчиваться будущие контуры научно-популярной литературы социологического толка. Памфлет в викторианской Англии все более уступает место прессе и социальным романам, переживающими в это время зенит своей славы. В целом, содержание памфлетов о работном доме редко повествует о вопросах структуры и организации работных домов. Однако, практически все критически настроенные памфлеты были основаны на громких прецедентах,

популяризованных в СМИ аргументах и скандалах. Большинство претензий касалось вопроса моральной оценки нищих обществом и практических аспектов применения законодательства.

Исследователи отмечают риторический поворот в критике работных домов. Для 1830-1840 гг. характерна сенсационность в их описаниях, которые были связаны с «“ злоупотреблений в работных домах”, “жестокости” и “бесчеловечности”» [12, р. 1], что было наиболее заметно в памфлетах, публикующихся в газетах. Работный дом становился объектом пристального внимания памфлетистов еще при действии так называемого «Старого закона о бедных» и в целом не выходил из фокуса социальной критики.

Постоянная публичная критика работных домов была доминирующей в первые годы «Нового закона о бедных». Это была одна из ведущих тем социального диалога британского общества второй половины 1830-х гг. Самые популярные тексты памфлетов затем публиковались и перепечатывались (полностью или в сжатом виде) в ведущих газетах страны. Таковым стал памфлет Дж. Вестерна «О тюремной дисциплине», который в сокращенном виде был опубликован в лондонском «Morning Herald» [16, р. 3]. Содержание памфлета подхватывалось газетами и листовками, ориентированными на разные социальные группы. В рассматриваемый период литературная форма, прежде популярная преимущественно среди образованной публики, вырывается за рамки светских и клубных бесед, донося свое содержание до малограмотных пауперов, неквалифицированных рабочих и жителей городских трущоб, чей возможный протест составлял социальный страх респектабельных классов.

Общественное мнение, выраженное в памфлетах, отражало преимущественно критическое отношение к Новому закону о бедных. Можно фиксировать протестные высказывания, локальное

недовольство и выступления отдельных лиц, однако нельзя сказать, что в целом для Англии это движение было единым и последовательным до середины века. В памфлетах рассматриваемого периода отражено общее недовольство нововведениями, осмысление происходящих изменений. Вместе с тем, в рассматриваемый период основной заботой центральных властей были т. н. «трудоспособные пауперы», тогда как дети, пожилые и немощные, больные и инвалиды — группы, которые в совокупности составляли подавляющее большинство претендентов на помощь по закону о бедных — продолжали получать помощь полностью в соответствии с усмотрением советов опекунов. В следствие чего помощь бедным оказывалась не только исходя из официальных приказов, но и в соответствии с принятой локальной практикой, определенной на местном уровне, и неразрывно связанной с характером экономики и традиционными обычаями социального обеспечения в регионе. В первые годы действия закона отсутствие распоряжений от правительства по узким вопросам внедрения системы работных домов не редко вызывало споры и нарушение в законодательстве, что в свою очередь, в условиях пристального внимания общественности, через памфлеты и газеты делало подобные ситуации сенсационными, превращая их в скандальные известия.

Памфlet как публицистическое произведение, отвечая на остроСоциальное явление, демонстрирует свой художественный модус при формировании образа работного дома. А.О. Иерусалимская подчеркивает: «поскольку задача памфleta -эффективно и надежно убедить читателя, приемы и методы публицистики, представленные в этом жанре в максимально концентрированном виде, усиливаются благодаря использованию тропов, вымышленных и масковых образов, говорящих имен» [3, с. 219]. Наиболее наглядно эта черта жанра проявилась в

адресованном королю памфлете «Английский проходящий колокол, или траурные церемонии национальной святости, свободы и чести». Автором стал С. Робертс, писатель, предприниматель и смотритель за бедными в Шеффилде. Стоимость памфлета в один шиллинг позволяет говорить, что он был адресован беднякам и рабочим. Позаботился автор и о малограммном читателя, предваряя издания фронтисписом. Изображение и приложенное к нему описание изобилует образами, концентрация которых художественно собрана на одном листе, здесь и старый Джон Булль с завязанными глазами, и лорд-канцлер попирающий «Великую хартию вольностей», и плачущая на ступеньках парламента Британия, которую утешает темнокожий мужчина. Изображение дополняется описанием: «справа на картине изображен епископ Лондонский, бьющий бедную молодую женщину [образ Англии...здесь и далее прим. А.К.] девятихвосткой, в то время как мертворожденный младенец лежит у ее ног, отец которого, со звездой на груди, стоит и смеется над ней. В левой руке епископ держит свиток с надписью “Мальтузианский план”. В середине картины, вдалеке, большой новый работный дом с датой 1834. Возле дверей Парламента катафалк, в который собираются положить три свитка, на них надписи – “Поруганная Национальная Святость”, “Национальная Свобода” и “Национальной Честь”» [19, р. 2]. Сумма этого визуального ряда позже будет заимствована из памфлета и распространена по всей стране через публикации в демократических изданиях, преимущественно однопенсовых, таких как «Poor Man's Guardian», бывших, одновременно, и рупорами чартизма.

Послабление налоговых сборов на печатные издания в 1835 г. означало их большую доступность, прежде всего газет, которые берут на себя роль транслятора идей памфлетов среди демократических

слоев населения. Можно было встретить подобные резюме: «Ну что ж, люди Англии, наконец-то у нас есть свободная народная пресса. Вы можете иметь дешевые памфлеты!» [18, р. 4-5]. Газеты популяризовали памфлеты и привлекали к ним внимание. К примеру, говоря о памфлете «Перспективы промышленности» П. Гаскелла [10], газета приводит краткое содержание памфлета, а резюмируя подчеркивает: он «заслуживает прочтения всеми, кто интересуется процветанием и счастьем народа» [13, р. 3].

В 1838 г. выходит в свет памфлет «Книга убийств», написанный автором под псевдонимом «Маркус». В произведении приводилось множество обвинений к комиссарам «Правительственной комиссии по делам бедных», утверждалось, что они намеревались использовать детоубийство для контроля взрывоопасной численности бедных. Автор подчеркивал: «С лживой и коварной филантропией на устах они лелеяли самые грязные и убийственные чувства в своих сердцах. С льстивым и лицемерным стремлением к безопасности и миру общества они на самом деле замышляли, плели интриги и готовили средства для совершения убийства детей» [14, р. 3]. Произведение становится выражением страхов бедняков и еще больше возмущает общественность. Автор памфleta, предполагая скептицизм публики и то, на сколько широким будет резонанс, восклицает: «Не отшатывайся, читатель, с содроганием недоверия, или вздрогиванием ужаса от обвинения, которое должно показаться тебе столь же необоснованным, сколь и чудовищным!» [14, р. 4]. Череда приведенных в памфлете аргументов и рассуждений о влиянии философии Т. Мальтуза и его сторонников, приходит к выводу, что «новый закон о бедных предусматривает, что они [бедняки] будут не только под надзором и принуждаться, но и заключены в тюрьму» [25, р. 4-5]. Этим тезисом была положена традиция сравнивать работный дом и

тюрьму, трактовать их равнозначными. Формула «работный дом = тюрьма» была широко заимствована прессой, а затем проникла в социальный диалог викторианцев, став константой для поколений пауперов. Сразу после памфлета «Книга убийств» началось создание «Книги Бастилий» (1841 г.) - обширного труда валлийского писателя Дж. Р. Бакстера. Книга стала в последствии своеобразной библией протестующих против работных домов – квинтэссенцией критики.

Критическая памфлетная литература и распространение ее содержания в газетах приводила к формированию сугубо негативного образа работного дома, который в восприятии современников не столько помогал, сколько устрашал и заставлял нищего прилагать все силы что бы не попадать в них. Страхи и общественное порицание бедняка привели к тому, что бедняки не хотели обращаться в «диккенсовские обители жестокости и бесчеловечности, поэтому многие предпочитали им голод, холод и преступный способ добывания средств к существованию» [14, р. 39]. Созданный образ работного дома ограничивал внедрение нового закона о бедных, «к 1842 г. только 16% прежних получателей помощи отправились в работные дома» [6, с. 39]. В этих условиях правительство решается на улучшение действующей системы, чтобы сделать ее более привлекательной для бедняков. Однако, поправки в закон, улучшение санитарного состояния, разработка специализированных диет, организация обучения и досуга бедняков не помогали развеять негативные коннотации, созданные первыми памфлетными этюдами авторов. В этих условиях, как ответ на критический памфлет о работном доме, начинает формироваться второй тип – контркритическое направление. Авторами данных памфлетов не редко становились лица близкие к работным домам – священники, попечители, благотворители. Распространение текстов находилось в поле зрения парламентской

комиссии и в целом одобрялось на правительственном уровне, однако не было найдено доказательств, что написание такого рода памфлетов было инициировано правящей элитой.

Типичным текстом контркритического направления является памфлет «Вся история и тайна нового закона о бедных», написанный Ф. Чаплином, одного из попечителей работных домов в Стортфорде (Хартфордшир). Памфлет был опубликован в виде небольшой брошюры, написан легко читаемым крупным шрифтом и понятным простым языком. Его стоимость в один пенни делало памфлет доступным для бедных низкоквалифицированных рабочих, для которых новости, слухи и мнения о работном доме оказывались судьбоносным. Они были наиболее близки к пауперам – как социально-стратово, так и в локальном пространстве города, что позволяло через устные разговоры в бытовом пространстве переносить мнения и суждения текстов памфлетов. С другой стороны, в случае экономического кризиса, рабочие были первыми кандидатами для обращения в работный дом, наиболее уязвимой прослойкой английского общества, переживающего следствия промышленной революции. Указанный памфлет, появившийся в ноябре 1835 г., должен был показать недостатки «Старой системы» закона о бедных и преимущества «Нового закона», снять страх в среде рабочих и пауперов. Основной текст предваряется анализом негативных сторон традиционного законодательства. В нем последовательно доказывалось, что приходские выплаты для бедняка были недостаточными для содержания паупера и его семьи. Памфлетист подчеркивал, что частный выбор бедняка оказывал влияние на всех нищих прихода. Паупер, оставаясь вне работного дома, не мог жить на выплачиваемую сумму и был вынужден искать себе работу, что в свою очередь приводило к перенасыщению рынка труда, обесцениванию рабочей силы. Такая практика, по мнению Чаплина, «подрывала

других рабочих» [25, р. 238], тогда как «работодатели искали таких бедняков для работы, потому что это сокращало расходы» [25, р. 238]. Автор памфлета находит компромисс между моральной оценкой бедняка и необходимостью помощи. В тексте подчеркивается: «Закон был изменен! По новому закону приход должен содержать калеку или инвалида, и содержать его полностью. Пока он в состоянии содержать свою семью своим трудом, пусть он это делает; а когда его постигнет болезнь или немощь, приход будет содержать его и его семью тоже. Но пока приход содержит его, фермер не должен забирать его труд... это неотъемлемое право способного и трудолюбивого человека, который честно и с благодарностью отдает пот своего лица хозяину, который платит ему» [25, р. 238]. Памфлет был направлен против фермеров-работодателей, подчеркивал трудолюбивость бедняков, тем самым обеляя их в глазах общественности. В тексте можнофиксировать четкое разграничение двух дискурсов о бедняке, где с одной стороны почищаемый паупер-бездельник, а с другой – честный трудолюбивый бедняк, попавший в сложную экономическую ситуацию. В этой связи необходимо упомянуть памфлет Д. Каппера, который был посвящен моральной стороне внедряемой системы. В нем автор приходит к выводу, что бедняки теперь «находятся в лучших обстоятельствах, чем раньше» [7, р. 25]. С точки зрения социальной морали критикуется и старый закон: «приходская сумочка была слишком легкодоступной, и возможность получить еще несколько шиллингов всегда оказывалась достаточным стимулом для бездельных и расточительных. То обстоятельство, что в помощи редко отказывалось таким персонажам, постепенно приводило к деморализации всего населения, обескураживая трудолюбивых, побуждая одного за другим ослаблять свои усилия» [7, р. 6]. Таким образом аргументы в поддержку новой системы былиозвучны с идеями протестантской этики. Работный дом в

социальной проповеди сторонников становился местом и физического, и духовного спасения. Викарий Д. Каппер лишь сожалеет о малочисленности бедняков, обратившихся в работный дом [25, р. 2; 24-26].

Ценностный конструкт идеи полезности демонстрирует указанный выше памфлет Ф. Чаплина. Автор играет на контрасте с созданным в газетах и проповедях образом тунеядцев, падших обитателей работных домов. Чаплин пишет: «Если люди приходят в приход, то будет справедливо и правильно, если они сделают себя полезными; любая работа, которую они делают, будет выполняться на территории прихода, который их содержит, а не на территории фермера или торговца, который их не обеспечивает. И, в то же время, работа, которую они делают, будет по возможности такой, чтобы не мешать работе других людей; не отнимать работу у других людей» [25, р. 239]. Общую цель памфлета автор видит в стремлении «не допустить, чтобы [бедняк] боялся закончить свои дни в работном доме» [25, р. 240]. Отмечалась и справедливость со стороны попечителей к беднякам: «Раньше часто говорили, что самые достойные из бедных, будучи скромными и тихими, реже получали помощь от прихода, чем шумные и беспокойные. Все это теперь будет исправлено. Будет трудно обмануть совет опекунов, и еще труднее их напугать. Каждый случай будет спокойно и обдуманно рассмотрен, и решен по общим правилам; и решение будет строго соблюдано» [25, р. 240]. Памфлетист в своем тексте буквально отвечает на претензии, которые оформляли аргументацию более ранних критических памфлетов. И в целом контркритическое направление социально обеляет работный дом как социальный институт. Памфлетисты, выступающие на стороне нового закона, в своих текстах вступают в общественную полемику с критическим направлением. Так 17 июня 1841 г. в Дорсете был распространен анонимный памфлет «О новом законе о бедных.

Правда выйдет наружу!», в нем автор гневно подчеркивал, что не предъявлены доказательства, о том, что «работные дома – это жалкие тюрьмы» [22, р. 402]. Типичными доводами контркритического направления становится подобные рассуждения: «Если внимательно рассмотреть, то будет доказано, что Новый Закон о бедных ни в одном отношении не тяготит бедных тяжелее, чем Старые Законы, и что все возражения против него — ханжество и лицемерие или основано на невежестве, лжи или преувеличении» [22, р. 402].

Большинство контркритических памфлетов отличает спокойствие и рассудительность. Так Ф. Чаплин, основываясь на современных ему политико-экономических идеях, рассуждает: «цель нового закона заключается в том, чтобы работа выполнялась, а заработка плата использовалась теми, кто будет содержать себя и свои семьи собственным трудом» [25, р. 239]. Обращаясь к общественности разного уровня дохода, он приходит к выводу: «платежи, возможно, поначалу покажутся несколько тяжелыми, хотя они, без сомнения, принесут большую пользу впоследствии. Для трудолюбивых бедняков, которые действительно готовы работать, не должно быть никаких сомнений, что новый закон принесет им наибольшую пользу, какую они только могут получить» [25, р. 241]. Позиция нашла отклик. Памфлет стал быстро популярным, распространялся в приходах, упоминался в газетах. Практически сразу, его подхватывают местные газеты. Однако, наибольшая его популярность приходится на начало 1840-х гг., о чём говорит его упоминание в газетах Девона [9, р. 2], Йоркшира [21, р. 7] и др. В них издание характеризовалось как «памфлет, который должна быть в руках каждого церковника» [9, р. 2] для подготовки к проповедям. Важное отличие между критическими памфлетами и текстами в поддержку работных домов заключается в стиле повествования. В первом случае оно более эмоциональное и сконцентрировано на деталях отдельного precedента. Во

втором случае более частым является рассудительный тон, проведение дополнительных исследований и уточнений, которые должны были обосновать плюсы внедряемого законодательства. Отмечу, что истоки неаргументированной критики сторонники закона видели преимущественно в нежелании платежеспособных слоев общества оплачивать содержание бедняков. К примеру, памфлетист А. Робертсон высказывает надежду, что работные дома будут сохранены, несмотря на широкую критику, в которой он видит лишь то, что «собственность избегает части своей законной ответственности, а богатые уклоняются от полного исполнения морального долга» [15, р. 6]. Апеллирование к моральной стороне в целом было свойственно двум полюсам противостояния, которые по-разному понимали формы реализации морального долга.

Следствием памфлетной войны становится появление конструктивной критики работных домов. Она касалась частных изменений и порядка реализации законодательства, предлагала поправки и улучшения. Наиболее частыми для рассмотрения становились бытовые вопросы. В памфлетах обсуждались условия содержания – пространство, архитектура зданий, одежда, отдельное внимание уделялось питанию. Голод выступал устрашающей силой для паупера и основным маркером бедности в викторианской Англии. Множество памфлетов были связаны с анализом, критикой и предложениями по рациону для обездоленных, разрабатывались основы «экономной кулинарии» [2, с. 188]. К примеру, популярный памфлет Ч. Лесли «Основное питание», бурно обсуждавшийся в прессе, был посвящен нормированию использования мяса для готовки. Подчеркивалось, что памфлет «не защищал дело ленивых праздных бродяг, которые наводнили работные дома, а честных трудящихся, которые были вынуждены искать помощи» [15, р. 4]. В свою очередь СМИ не оставались в стороне, популяризируя тексты с предложениями новаций,

так за создание диетических таблиц газета, «выражала благодарность г-ну Лесли за его памфлет, которую должен был прочитать каждый» [15, р. 4]. В восприятии современников, наследуя традиции Проповедования, памфлеты и изложенные в них факты могли выступать основаниями для расширения работного дома. К примеру, преподобный Г. Смит, капеллан работного дома в Хэмпшире, обращается в комиссию для бедных с просьбой строительства дополнительных площадей работного дома, при этом прикладывает написанные им памфлеты, в которых рассуждает о благах создания работного дома нового типа в округе [23, р. 107-107]. В памфлетах конца 1830 гг. появляется все больше практических советов по улучшению состояния работных домов, приводятся примеры успешно реализованных мер. Здесь практически нет рефлексивных рассуждений, напротив, памфлеты полны утилитаристских планов, демонстрации успешности попечителей в организации быта бедняков. Так, газета «Hampshire Advertiser» в 1837 г. публикует «хорошо написанный памфлет, показывающий работу новой системы при самых благоприятных обстоятельствах» [11, р. 4] попечителя работного дома Дж. Б. Беста. В нем призываются добавить ко всем английским заведениям для бедных, по примеру описываемого образцового дома «классную комнату для девочек и общежитие; классную комнату для мальчиков, общежитие и игровую площадку; лазарет для мужчин; еще одну для женщин с примыкающей к каждому дневной комнатой; две карантинные; комнату для достойного прощания с покойными» [11, р. 4]. На рубеже 1830-1840 гг. пересматривается модус критики. Из социального института, который необходимо отменить, работный дом превращается в объект, который необходимо, сохранив, улучшить.

В ноябре 1842 г. был опубликован памфлет «Общие ночлежки, странствующее нищенство и санитарные меры». За

авторством А. Робертсона, председатель совета опекунов союза для бедных из городского округа Берик на Туиде [Berwick-upon-Tweed] (Нортумберленд). Создание памфleta он обуславливает «возбуждаемым чувством гуманности, стимулируемое чувством долга». Автор посещает несколько ночлежных домов в Твидмате [Tweedmouth] и приводит в памфлете описание ночлежек, организованных частных образом - «обычные ночлежные дома, где бродягам и нищим, или кому угодно, будь то здоровым или больным, за ничтожную сумму предоставляется жилье» [24, р. 4]. Памфлетист приводит расходы на нищего в работном доме и размышляет о том, что они не столь велики по сравнению с вредом от попрошаек и мелкого воровства. Автор обращается к состоятельным классам с требованием пересмотра отношения к нищим. Робертсон подчеркивает, что старый закон для бедных «имел тенденцию сокращать продолжительность жизни взрослому населению, делал их непредусмотрительными, безрассудными и невоздержанными, с привычной жадностью к чувственным наслаждениям» [24, р. 6-7]. Автор памфleta выражает надежду, что: «донося до влиятельных лиц и официальных властей знание как морального, так и физического зла обычных ночлежек, а также пагубных факторов, которым позволено скапливаться на наших улицах, я смогу побудить их к каким-то быстрым и эффективным действиям по их устранению или улучшению» [24, р. 7]. Здесь намечается и деятельное сотрудничество власти и общества. Так, памфлет Робертсона попадает в комиссию по делам бедных, которая ставит свою резолюцию на документе: «признать и заявить о готовности Комиссии содействовать расследованиям» [24, р. 2].

В 1840-х гг. памфлетная риторика меняется, а критика работных домов становится все более конструктивной, оформившись к середине века в «реформаторское движение» [12, р. 110] системы работных домов. Эволюция памфleta не означала

отсутствие сенсационных статей в газетах и разоблачений через художественные формы. Однако, именно рассматриваемый жанр предоставил формат через который в дальнейшем обосновывались предложения по конкретной трансформации существующих социальных проблем бедняков. Система работных домов смогла выдержать критику, но ее переосмысление и учитывание рациональных предложений позволило на практике сгладить в глазах бедняка образ работного дома, внедрить более широко новое законодательство.

Заключение (выводы). Вклад автора заключается в пяти выводах. Первое, памфлет как жанр в рассматриваемый период имеет ряд уникальных особенностей, а при анализе его влияния на современников необходимо учитывать связь памфлетной литературы и ее отражение в газетах. Второе, рецепция системы работных домов в 1834-1842 гг. стала

продолжением общественной полемики о способах помощи беднякам и выражалась в двух основных направлениях – критическом и контркритическом. Третье, рецепция была тесно переплетена с аксиологическими концептами социальной морали англичан. Четвертое, сформированный миф о работном доме и связанные с ним страхи влияли на эффективность реализации нового законодательства. Пятое, памфлетная война по вопросу законодательства о бедных привела к формированию конструктивной памфлетной критики, которая учитывалась правительством и стала основой для сотрудничества власти и общества в вопросе дальнейшего реформирования и усовершенствования системы работных домов. Исследование может быть продолжено с учетом привлечения более широкого пласта источников, в первую очередь эссеистики, публичных писем, трактатов.

Список литературы

1. Барлова Ю. Е. Английское законодательство о бедных в XVIII - первой половине XIX века // Ярославский педагогический вестник. 2010. №3. С. 27-31.
2. Барлова Ю. Е. Помогать нельзя наказывать, терпеть нельзя просить? Бедность и помочь нуждающимся в социокультурном пространстве Англии Нового времени. СПб.: Алетейя, 2018. 244 с.
3. Иерусалимская А. О. Поэтика английского памфлета XVIII века // Вестник ННГУ. 2016. №2. С. 217-221.
4. Курочкин С. С. Дискуссия о снабжении британских войск в Крыму зимой 1854-55 гг. в британской публицистике в период Крымской войны (по материалам памфлета «Whom shall we hang») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2021. Vol. 7 №3. С. 46-57.
5. Склярова Е. К. Пауперизм в становлении социальной политики Великобритании // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 90-97.
6. Яблонская О.В. Библия и лопата – путь спасения бедняков Э. Брентона // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2022. № 108. С. 34-46.
7. Capper D. Practical results of the workhouse system as adopted in the parish of Great Missenden, Bucks during the year 1833-34. L.: Hatchard and Son, 1834. 26 p.
8. Crowther M.A. The Workhouse System 1834-1929 (The History of an English Social Institution). L.: Taylor & Francis, 2016. – 318 p.
9. Exeter and Plymouth Gazette. 1841. Aprl. 24.
10. Gaskell P. Prospects of industry: being a brief exposition of the past and present conditions of the labouring classes. L.: Smith, Elder and Co., 1835. 44p.
11. Hampshire Advertiser. 1837. Feb. 18.
12. Jones P., King S. Pauper Voices, Public Opinion and Workhouse Reform in Mid-

- Victorian England. L.: Palgrave Macmillan, 2020. 136 p.
13. Liverpool Albion. 1835. July 7.
  14. Marcus. Book of Murder. L.: Union free press, 1838. 11 p.
  15. Morning Chronicle. 1835. May 25.
  16. Morning Herald. 1838. Jule 17.
  17. New Scheme for maintaining the poor // Blackwood's Edinburgh Magazine. 1838. № 270 - April. Pp. 489 – 493.
  18. Poor Man's Guardian. 1834. June 21.
  19. Roberts S. England's Passing Bell, or the Obsequies of National Holiness, Liberty and Honour. L.: Steill & Whitaker, 1834. 19 p.
  20. Royle E. Revolutionary Britannia? Reflections on the threat of revolution in Britain, 1789–1848. Manchester: Manchester University Press, 2000. – 224 p.
  21. Sheffield Iris. 1843. Dec. 16.
  22. The National Archives (TNA) MH 12/2096/218.
  23. TNA HO 44/34/25.
  24. TNA MH 12/8978/1.
  25. TNA MH 12/4536/109.
  26. Williams S. Unmarried Motherhood in the Metropolis, 1700–1850. Pregnancy, the Poor Law and Provision. N.-Y.: Springer International Publishing, 2018. 270 p.

RECEPTION OF WORKHOUSES IN ENGLISH PAMPHLETS (1834-1842)

The article is devoted to the analysis of the social reception of the English about workhouses as a social institution. A new wave of reflection was caused by the adoption and implementation of the New Poor Law in 1834. Based on archival sources from the National Archives of Great Britain, pamphlets and newspaper materials, an attempt was made to reconstruct the perception of the workhouse system in the journalistic works of contemporaries. The article highlights the specific features of the pamphlet as a separate genre of the period under consideration, traces the goals of creating individual pamphlets, their influence on the system of English workhouses, the connection of the texts of published works with their popularization in newspapers. The period of 1834-1842 considered in the study became the time of early reflection and primary reception of social transformation in the sphere of assistance to the poor. The heterogeneous nature of the material demonstrates a greater interest of the English in solving social problems at the local level than the movement for systemic transformations on a nationwide scale. The article highlights the critical and counter-critical directions of social reception. It is concluded that social fears caused by the content of pamphlets and their distribution limited the implementation of the workhouse system, while constructive criticism contributed to the cooperation of the authorities and society in the issue of reforming the poor law in Victorian England.

Keywords: pamphlet, workhouse, Victorian England, newspapers, poverty, pamphlet war, social legislation, social compromise.

References

1. Barlova Yu. E. (2010) Anglijskoe zakonodatel'stvo o bednyh v XVIII - pervoj polovine XIX veka [English poor law in the 18th - first half of the 19th century] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. N 3. S. 27-31.
2. Barlova Yu. E. (2018) Pomogat' nel'zya nakazyvat', terpet' nel'zya prosit'? Bednost' i pomoshch' nuzhdayushchimsya v sociokul'turnom prostranstve Anglii Novogo vremeni. [You can't help, you can't punish, you can't tolerate asking? Poverty and assistance to those in need in the socio-cultural space of Modern England] SPb.: Aletejya. 244 s.
3. Ierusalimskaya A. O. (2016) Poetika anglijskogo pamfleta XVIII veka [The poetics of the English pamphlet of the XVIII century]// *Vestnik NNGU*. N 2. S. 217-221.
4. Kurochkin S. S. (2021) Diskussiya o snabzhenii britanskikh vojsk v Krymu zimoj 1854-55 gg. v britanskoj publicistike v period Krymskoj vojny (po materialam pamfleta

«Whom shall we hang») [The discussion about the supply of British troops in the Crimea in the winter of 1854–55 in British journalism during the Crimean War (based on the pamphlet "Who shall we hang")] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. Vol. 7 N 3. S. 46–57.

5. Sklyarova E. K. (2019) Pauperizm v stanovlenii social'noj politiki Velikobritanii [Pauperism in the formation of British social policy] // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. N 2. S. 90–97.

6. Yablonskaya O.V. (2022) Bibliya i lopata – put' spaseniya bednyakov E. Brentona [The Bible and the shovel – the way to save the poor by E. Brenton] // *Vestnik PSTGU. Seriya 2: Iстория. История Русской Православной Церкви*. N 108. S. 34–46.

7. Capper D. (1834) Practical results of the workhouse system as adopted in the parish of Great Missenden, Bucks during the year 1833–34. L.: Hatchard and Son, 26 p.

8. Crowther M.A. (2016) The Workhouse System 1834–1929 (The History of an English Social Institution). L.: Taylor & Francis. 318 p.

9. Exeter and Plymouth Gazette. 1841. Aprl. 24.

10. Gaskell P. (1835) Prospects of industry: being a brief exposition of the past and present conditions of the labouring classes. L.: Smith, Elder and Co. 44 p.

11. Hampshire Advertiser. 1837. Feb. 18.

12. Jones P., King S. (2020) Pauper Voices, Public Opinion and Workhouse Reform in Mid-Victorian England. L.: Palgrave Macmillan. 136 p.

13. Liverpool Albion. 1835. July 7.

14. Marcus. Book of Murder. L.: Union free press, 1838. 11 p.

15. Morning Chronicle. 1835. May 25.

16. Morning Herald. 1838. Jule 17.

17. [Anonymous] (1838). New Scheme for maintaining the poor // *Blackwood's Edinburgh Magazine*. N 270 - April. pp. 489 – 493.

18. Poor Man's Guardian. 1834. June 21.

19. Roberts S. (1834) England's Passing Bell, or the Obsequies of National Holiness, Liberty and Honour. L.: Steill & Whitaker. 19 p.

20. Royle E. (2000) Revolutionary Britannia? Reflections on the threat of revolution in Britain, 1789–1848. Manchester: Manchester University Press. 224 p.

21. Sheffield Iris. 1843. Dec. 16.

22. TNA MH 12/2096/218.

23. TNA HO 44/34/25.

24. TNA MH 12/8978/1.

25. TNA MN 12/4536/109.

26. Williams S. (2018) Unmarried Motherhood in the Metropolis, 1700–1850. Pregnancy, the Poor Law and Provision. N.-Y.: Springer International Publishing. 270 p.

Об авторе

Шабунина Анастасия Константиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Россия), E-mail: shabunina@bk.ru

Shabunina Anastasia Konstantinovna – Ph.D. in History, senior research fellow, Institute of World History, RAS (Russia), E-mail: shabunina@bk.ru

Шумаков А.А., кандидат исторических наук, доцент, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия)

БИТВА ПРИ БЛЭК ДЖЕКЕ – ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ МАЛОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КАНЗАСЕ

В данной статье речь идет об одном из самых известных столкновений в ходе гражданского конфликта в Канзасе 1854-1859 гг., часто именуемого исследователями Малой гражданской войной. Сражение при Блэк Джеке или, как его еще называют, битва у Пальмиры, без всяких сомнений, стало поворотным моментом в истории данного противостояния, в свою очередь, послужившего прологом к более крупному конфликту – Гражданской войне 1861-1865 гг. В какой-то степени ее вполне можно даже назвать не только первым вооруженным столкновением между противниками и сторонниками рабства в США, но и первым вооруженным столкновением между Севером и Югом. Данная статья посвящена подробной реконструкции событий 2 июня 1856 г. При этом автор уделяет особое внимание их непосредственной предыстории, выявлению мотивов лидера аболиционистов Джона Брауна, а также общегенетическому контексту. В заключении рассматриваются последствия указанного сражения, которые можно назвать весьма существенными не только для хода гражданской войны на Территории Канзас, но и для всей американской истории. В качестве основных методов исследования используются нарративный, историко-генетический, каузальный и ретроспективный анализ.

Ключевые слова: битва при Блэк Джеке (2 июня 1856 г.), гражданская война в Канзасе 1854-1859 гг., малая гражданская война, «Истекающий кровью Канзас», фристайтеры, рабство, аболиционизм, Джон Браун, Территория Канзас, история Канзаса

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-04-134-149

Введение. Наверное, российскому читателю, слабо знакомому с историей покорения Дикого Запада и гражданского конфликта в Канзасе, такое название может показаться излишне пафосным. Действительно, масштабы указанного противостояния, равно как и знаменитого «сражения», по меркам отечественной истории весьма скромны. Достаточно сказать, что даже по самым завышенным подсчетам количество участников «битвы» при Блэк Джеке не превышало и сотни человек [7]. Однако это как раз тот случай, когда цифры не имеют значения, т.к. не способны отразить истинной значимости рассматриваемого события. А она, стоит отметить, весьма существенна...

Данная «стычка» стала важнейшим и даже поворотным моментом в ходе гражданского конфликта в Канзасе 1854-1859 гг., ознаменовав собой его переход в новую «горячую» фазу – партизанской

войны. Именно битву при Блэк Джеке принято считать первым открытым вооруженным столкновением между сторонниками и противниками рабства на территории США, именно она вывела тлеющий региональный конфликт на новый уровень, заставив многих сочувствовать делу освобождения черных невольников, и, наконец, именно она положила начало легенде о воинствующем аболиционисте *Джоне Брауне*, в конечном счете, сделавшей его иконой одноименного движения, символом сопротивления расовому угнетению и, без преувеличения, самым известным героем-мучеником в американской истории.

Объекты и методы исследования

Данная работа представляет собой первое в отечественной историографии исследование, посвященное знаменитому сражению между сторонниками «Свободного штата» и т.н. «пограничными

негодяями»¹ из Миссури. Его основными задачами являются рассмотрение предыстории и последствий битвы при Блэк Джеке, а главное – подробная реконструкция событий 2 июня 1856 г.

Исследование опирается на широкую источниковую базу. В ее основе лежат многочисленные свидетельства участников упомянутого сражения, а также материалы ведущих американских исследователей.

Первая часть посвящена краткому изложению общей истории первого этапа гражданской войны в Канзасе 1854-1859 г., без которой неподготовленному читателю будет сложно ориентироваться в перипетиях рассматриваемого исторического сюжета, а главное – понять причины и суть конфликта между фристайтерами и «миссурийцами».

Вторая – затрагивает вопросы непосредственной предыстории сражения. При этом автор подробно останавливается на выявлении причинно-следственной связи с предшествующими событиями и личной мотивации капитана Джона Брауна, которые, в конечном счете, и привели его на поле боя у дубовой рощи Блэк Джек.

Третья – самая важная – заключается попытке реконструкции событий 2 июня. Причем речь идет об обстоятельном и критическом анализе имеющихся сведений и основных версий произошедшего в тот памятный день.

В заключении автор затрагивает вопрос прямых и косвенных последствий и значения битвы при Блэк Джеке.

Результаты и их обсуждение

Предыстория

Гражданский конфликт в Канзасе 1854-1859 гг. является весьма необычным, но в то же время, несомненно, знаковым эпизодом в истории США.

Необычность его заключается в крайне низкой интенсивности указанного вооруженного противостояния, достаточно отметить, что за 5 лет оно унесло жизни всего 56 человек [22], а знаковость – в том, что, несмотря на столь ограниченные масштабы, данное событие все же имело колossalное значение, став, по сути, прологом к грядущему столкновению Севера и Юга. Именно поэтому «Истекающий кровью Канзас»² часто называют прелюдией к Гражданской войне 1861-1865 гг. [4].

Причем в данном случае следует четко разделять масштабы конкретного события и масштабы его общественного восприятия, которые были гораздо более существенными. На протяжении всего конфликта с 1854 по 1859 г. тема «Истекающего кровью Канзаса» не сходила со страниц ведущих изданий. Американская пресса не просто внимательнейшим образом следила за ходом данного противостояния, но и существенно преувеличивала масштабы и последствия происходивших там событий, придавая им особую значимость [10]. То же самое можно сказать и о восприятии конфликта американским политикумом. Положение дел на указанной территории на долгое время стало одной из главных тем обсуждения в Конгрессе и Законодательных собраниях отдельных штатов, проведя тем самым четкую разделительную линию между сторонниками и противниками рабства в США, а заодно – между Севером и Югом. Еще одним важным последствием гражданского противостояния в Канзасе стало возникновение такой ведущей политической силы, как Республикаанская партия [15, р. 11].

Начало конфликту было положено в мае 1854 г. подписанием президентом **Франклином Пирсом** т.н. «Акта Канзас-

¹ Так abolitionисты называли вооруженные группы жителей Миссури, которые въезжали на Территорию Канзас для противодействия сторонникам «Свободного штата». Впоследствии это наименование прочно вошло в употребление и даже закрепилось в американской историографии.

² Именно такое название закрепилось в американской историографии за гражданским конфликтом в Канзасе 1854-1859 гг.

Небраска» [9], передававшего решение вопроса о допустимости или запрете рабства на указанных территориях местным жителям в рамках т.н. политики народного суверенитета.¹ Фактически принятие данного документа открыло «киндейские земли» для активного заселения белыми американцами. Однако миграционные потоки, устремившиеся на Территорию Канзас, существенно отличались друг от друга [2, с. 162]. С одной стороны на новые земли переезжали представители т.н. «свободных» штатов Новой Англии и Среднего Запада, а с другой – южане, львиную долю которых составляли жители «соседнего» Миссури. С самого начала вопрос допустимости рабовладения приобрел здесь принципиальное значение, ведь фактически речь шла о сохранении политического баланса между Севером и Югом в Конгрессе. Для южан было принципиально важным не допустить появления сразу двух «свободных» штатов,² один из которых к тому же стоял на пути их сельскохозяйственной экспансии на Запад. Фристейтеры рассуждали во многом схожим образом: плодородные земли Канзаса ни в коем случае не должны были достаться богатым плантаторам Юга.³ Кроме того, распространение рабства на Территории Канзас существенно снижало конкурентоспособность поселенцев-северян как вольнонаемных рабочих и производителей сельхозпродукции, в то время как рабовладельцы Миссури всерьез опасались, что с появлением на границе нового «свободного» штата, находящегося под сильным влияниемabolиционистов, их невольники получат дополнительные возможности для

организации побегов, а возможно, и массовых восстаний.

Поначалу борьба велась почти исключительно мирными методами, а столкновения носили спорадический характер. Впрочем, ситуация оказалась слишком сложной и запутанной, чтобы решить ее путем обычного голосования, как предполагал «Акт Канзас-Небраска». Уже первые выборы, состоявшиеся 29 ноября 1854 г., обнажили важную проблему. Внезапно выяснилось, что власти Миссури имеют возможность прямого влияния на итоги любого волеизъявления на соседней территории. За несколько дней до открытия избирательных участков в Восточный Канзас в массовом порядке стали пребывать группы вооруженных южан, запугивая местное население и отдавая свои голоса за открытого сторонника рабства, представителя Демократической партии – полковника **Джона Уилкинса Уитфилда**. Последний как раз и должен был представлять Территорию в Конгрессе. Впоследствии в ходе федерального расследования выяснилось, что из 2258 голосов, поданных за указанного кандидата, 1729 оказались «незаконными» [8, р. 54]. Еще более скандальными выдались выборы в Законодательное собрание 30 марта 1855 г. После выяснилось, что из 2905 официально зарегистрированных избирателей 5427 отдали свои голоса за сторонников рабства [8, р. 59]. Нарушения выглядели настолько вопиющими, что губернатор **Эндрю Горацио Ридер** был вынужден отменить итоги голосования. Тем не менее перевыборы 22 мая завершились с тем же результатом. Новое Законодательное собрание расположилось в Миссии Шауни. 30 августа 1855 г. там было

¹ Речь идет о доктрине, выдвинутой в 1847 г. сенатором-демократом от штата Мичиган и кандидатом в президенты Льюисом Кассом и впоследствии горячо поддержанной его известным однопартийцем – сенатором от штата Иллинойс Стивеном Арнольдом Дугласом. Суть концепции заключалась в том, что жители территорий США (т.е. земель, не входящих в состав штатов, но находящихся под управлением правительства) должны были получить возможность самостоятельно решать вопрос о разрешении или запрете рабства на их территории.

² На Территории Небраска вопрос допустимости рабовладения не стоял так остро, как в Канзасе. Подавляющее большинство населения там выступало за его запрет.

³ Справедливости ради следует отметить, что почти все переселенцы из Южных штатов являлись фермерами, а количество рабов на Территории было крайне незначительным.

объявлено о создании «Партии сторонников рабства – приверженцев Союза на Территории Канзас», которую оппоненты сразу же окрестили Партией Миссури [1].

Разумеется, фристайтеры¹ не могли согласиться с подобным положением. 5 сентября они созвали съезд в Биг-Спрингс, объявив о создании «Партии свободного штата Канзас» [1]. В октябре-ноябре 1855 г. ее сторонники провели конституционный конвент, утвердивший проект основного закона, а в январе – выборы губернатора и депутатов «альтернативного» Законодательного собрания, располагавшегося в городе Топика. С этого момента на Территории Канзас фактически оформляется двоевластие.

Стоит отметить, что еще в декабре между сторонниками «Свободного штата» и «миссурийцами»² произошел крупный конфликт, который едва не перерос в открытое вооруженное противостояние. Главный оплот фристайтеров – город Лоуренс на несколько дней оказался в осаде, окруженный превосходящими силами противника. Избежать кровопролития удалось лишь благодаря прямым переговорам нового губернатора *Уилсона Шеннона* и лидеров «Свободного штата» *Чарльза Робинсона* и *Джеймса Лейна* [20].

Тем не менее ситуация в Канзасе вызвала крайнее недовольство у действующего президента Ф. Пирса, который открыто встал на сторону Законодательного собрания в Шауни, обвинив их оппонентов в незаконном присвоении представительных полномочий. Получив поддержку Вашингтона, местные власти начали подготовку к подавлению основных центров «мятежников» на Территории Канзас. В ответ радикально настроенные аболиционисты под руководством Джона Брауна в Осаватоми объявили о своем отказе от уплаты налогов «рабовладельческому

Законодательному

собранию и неподчинении его решениям. С этого момента, можно сказать, столкновение стало неизбежным...

Непосредственно перед сражением

21 мая по приказу губернатора силы местного ополчения и миссурийцев разграбили Лоуренс, не встретив никакого сопротивления со стороны местных жителей. В ответ небольшой отряд аболиционистов под командованием Джона Брауна в ночь на 25 мая совершил неожиданное нападение на поселенцев-южан на Поттаватоми-крик, казнив 5 сторонников рабства. Это событие вызвало небывалый резонанс, как на Севере, так и на Юге, принеся капитану Брауну общенациональную известность. Однако восприятие «полуночных казней» в американском обществе было, скорее, негативным. Даже самые известные аболиционисты и сторонники «Свободного штата» не поддержали бессудных расправ над безоружными поселенцами, как и подавляющее большинство жителей Канзаса [14, р. 42].

В частности, 28 мая в Осаватоми состоялось заседание, на котором секретарем выступил видный противник рабства, командующий ротой «Стрелки Поттаватоми» *Генри Уильямс*. Еще за неделю до этого он находился в одном отряде с Джоном Брауном и его сыновьями, спешащими на помощь осажденному Лоуренсу. Собрание единогласно приняло резолюцию, признававшую произошедшее на Поттаватоми-крик «самым темным и отвратительным преступлением», а также призывающую к выявлению и передаче уголовным властям всех виновных [21, р. 168].

Любопытно, что имя Джона Брауна в этом документе не фигурировало. Хотя в прессе оно уже звучало, судебное производство в отношении аболициониста и его сыновей также было открыто, да и некоторые присутствующие совершенно точно знали о его личном участии в

---

¹ Сторонники «Свободного штата».

² В Канзасе, как правило, так называли всех сторонников рабства вне зависимости от происхождения и места проживания.

расправе. К примеру, за три дня до собрания в Осаватоми его секретарь Г. Уильямс сменил старшего сына капитана **Джона Брауна-младшего** на посту командующего ротой «Стрелки Поттаватомии» [23, р. 125-126]. По словам его брата Джейсона, причиной стало формальное одобрение действий отца в ночь на 25 мая, которое вызвало резкое осуждение других бойцов отряда [11, р. 139].¹

Тем не менее «Поттаватомская резня» все же внесла раскол в семью Джона Брауна, послужив важным прологом для последующих событий. 26 мая Джон-младший и Джейсон отделились от его отряда и попытались укрыться в Осаватоми в доме своего родственника преподобного **Сэмюеля Адера**. Уже на следующий день оба сына покинули временное убежище. Джейсон через несколько часов был задержан отрядом под командованием **Марттина Уайта** [21, р. 194],² а Джон-младший – пленен спустя 3-4 дня группой миссурийцев поблизости от жилища С. Адера. Причем почти все источники отмечают, что на момент ареста он находился в абсолютно невменяемом состоянии.

Задержание сыновей послужило важнейшим мотивационным фактором для капитана. Можно сказать, что этого момента освобождение сыновей стало фактически его основной целью пребывания на Территории Канзас, а добиться ее можно было лишь путем проведения спасательной операции или же обмена на пленных «миссурийцев». Данное обстоятельство объясняет, почему капитан ответил согласием на последующее предложение Сэмюеля Т. Шора (см. ниже).

Еще одной причиной стало то, что 28 мая федеральный судья **Стерлинг Като**, опросив свидетелей, выдал ордера на арест Джона Брауна и других участников нападения на поселенцев на

Поттаватоми-крик, а также тех, кто участвовал в «незаконном и злостном» сопротивлении сбору налогов [11, р. 143]. Первыми на него откликнулись ополченцы Миссури, заинтересованные «наведении порядка» на соседней территории. Таким образом, капитан и члены его отряда оказались вне закона, а учитывая тяжесть предъявленных им обвинений, скрыться на территории «свободных штатов» не представлялось возможным. Это делало положение Брауна и его людей практически безвыходным, тем самым толкая их к активным действиям.

И наконец, еще одним важным мотивационным фактором стало неожиданное³ появление 30 мая в лагере капитана специального корреспондента *New York Tribune* в Канзасе **Джеймса Редпата** [19, р. 294]. Последний оставил восторженный отчет о своем пребывании средиabolиционистов и «покинул это священное место с еще большим уважением к Великой Борьбе, чем когда-либо прежде, и с обновленной и возросшей верой в благородных и бескорыстных защитников правых сил» [16, р. 114]. При этом, нужно понимать, что сам Редпат всячески опровергал «слухи» об участии отряда Джона Брауна в расправе на Поттаватоми-крик, называя подобные обвинения «ложными» [16, р. 115]. Визит журналиста, явно симпатизировавшему «делу освобождения Канзаса», несомненно, утвердил капитана не только в правильности своих действий, но и в их поддержке со стороны широкой общественности. Собственно, все перечисленное во многом объясняет, почему Джон Браун, скрывавшийся на протяжении 5 дней со своими людьми в тайном лагере на берегу Оттава-крик, в конечном счете решил на проведение боевой операции.

Еще 26 мая его группа, которую составляли участники нападения на

¹ Д. Таунсли впоследствии заявлял, что Джон Браун-младший сам ушел в отставку, предложив выбрать нового командира, а Джордж Грант – еще один участник отряда, – что он передал командование Г. Уильямсу.

² По свидетельству Джону-младшего, в этот момент Джейсон шел сдаваться федеральным властям.

³ Заблудившийся Д. Редпат был случайно обнаружен Фредериком Брауном.

Поттаватоми-крик,¹ получила «неожиданное подкрепление» в лице *Огастеса Бонди*, одного из членов роты «Стрелки Поттаватоми», участвовавшего в майском походе аболиционистов на Лоуренс, и фермера из округа Дуглас *О.А. Карпентера*.²³ Последний, по свидетельству Джона Брауна-младшего, попросил капитана перенести лагерь из Вайн Бранч, что в полутора милях от Миддл-Крик-Боттом (Норт-Миддл-Крик) [11, р. 147], поближе к Пальмире и Прейри-сити, на которые ожидалось нападение миссурийцев [19, р. 292]. Аболиционист согласился. Бонди так описывал состав и вооружение группы: «*Нас было десять человек: капитан Браун, Оуэн, Фредерик, Сэлмон и Оливер Брауны, Генри Томпсон, Теодор Винер, Джеймс Таунсли, Карпентер и я. Наше вооружение было следующим: капитан Браун нес саблю и тяжелый семизарядный револьвер; все его сыновья и зять были вооружены револьверами, длинными ножами и обычным «беличьим ружьем», Таунсли – старым мушкетом, Винер – двусторонним ружьем, я – старым мушкетом с кремневым замком, а Карпентер – револьвером*» [19, р. 293]. Проехав 20 миль по совету проводника, жившего неподалеку, аболиционисты разбили лагерь в лесу на берегу Оттава-крик, отправив *Оуэна Брауна* в Осаватоми за провизией и на поиски братьев – Джейсона и Джона.

28 мая в лагерь прибыли еще два бойца, изъявившие желание присоединиться к отряду капитана Брауна. Первый – местный житель *Чарльз Кайзер*, второй – еще один член роты «Стрелки

Поттаватоми» *Бенджамин Кокрэн*. Последний, помимо всего прочего, сообщил, что дом Бонди и магазин Винера на Поттаватоми-крик разграблены и сожжены, а скот – угнан [21, р. 200]. Сам капитан в письме супруге также упоминал о сожжении и разграблении домов Джейсона и Джона-младшего [23, р. 141-142]. Видный биограф аболициониста – американский историк *Дэвид С. Рейнолдс* пошел дальше, настаивая, что еще 26 мая отряд капитана посетил Станцию Брауна, обнаружив свои дома сожженными и разграбленными [17, р. 238]. Как бы то ни было, это вполне можно рассматривать как дополнительный мотив.

29 мая лагерь аболиционистов посетил капитан ополчения «Свободного штата» *Сэмюэль Т. Шор* из Прейри-сити, который привез провизию и предложил поучаствовать в обороне города. 31 мая он сообщил Брауну, что большой отряд миссурийцев остановился у местечка Блэк Джек на Тропе Санта Фе, и что трое из них уже ворвались в блокгауз и разоружили фристайтеров в соседней Пальмире [11, р. 151].⁵ Капитан согласился помочь. На следующее утро он со своими людьми прибыл в Прейри-сити для участия церковной службе, которую проводил странствующий проповедник. В самый разгар мероприятия неподалеку была замечена группа вооруженных южан. Четырех из них удалось схватить [18, р. 202], двое скрылись⁶. Задержанные оказались бойцами из того самого отряда миссурийцев, разбившего лагерь близ Блэк Джека. Полученные сведения в целом подтверждали озвученную ранее информацию. Пленные южане

¹ Джон Браун, Оливер, Оуэн, Сэлмон и Фредерик Брауны (сыновья), Генри Томпсон (зять), Джеймс Таунсли, Теодор Винер.

² В материалах упоминаются лишь инициалы. Сэлмон Браун почему-то называет его Говард Карпентер, хотя по другим свидетельствам так звали его родного брата, проживавшего неподалеку от лагеря аболиционистов на Оттава-крик близ Прейри-сити.

³ По свидетельству Д. Таунсли, именно Карпентер сообщил Брауну о том, что его разыскивает отряд Г.К. Пейта.

⁴ Зять Джона Брауна.

⁵ Специальный корреспондент New York Tribune Уильям Филлипс в своем отчете писал о разграблении Пальмиры. Сам Г.К. Пейт впоследствии это категорически отрицал.

⁶ Д. Таунсли и Г.К. Пейт позднее показывали, что миссурийцев было 6, из них 4 удалось задержать, а Джон Браун говорил о 5 «незнакомцах» и 4 задержанных.

сообщили, что перед их подразделением поставлена задача – арестовать Джона Брауна и его сыновей, а также всех причастных к «Поттаватомской резне», и что в их лагере имеются задержанные, в том числе баптистский проповедник по фамилии Мур из Прейри-сити [21, р. 201].

Помимо этого, фристайтеры выяснили, что командиром роты является заместитель федерального маршала, корреспондент газеты *Missouri Republican Генри Клей Пейт*, участвовавший в недавнем разграблении Лоуренса [3, р. 132] и, вероятно, домов Браунов, Бонди и магазина Винера на Поттаватоми-крик 5 днями ранее [13, р. 332-333]. 30 мая в указанном издании вышла его статья, в которой капитан ополчения Миссури заявлял, что об аресте 13 предполагаемых участников нападения, и оправдывал возможное применение к ним суда Линча [21, р. 189]. Это дает основания предполагать, что Пейт лично участвовал в задержании и конвоировании Джона-младшего и Джейсона. В отчете специального корреспондента *New York Tribune Уильяма Филлипса* 1856 г. подобное утверждение подается как неоспоримый факт [13, р. 332]. Несмотря на явную ангажированность данного источника, грешащего неточностями и преувеличениями, подобный вариант развития событий нельзя исключать, учитывая миссию отряда Пейта. В любом случае, если допустить подобное, то у Джона Брауна появлялся еще один личный мотив к проведению боевой операции, которая вполне могла рассматриваться как спасательная, т.к. капитан вполне мог пребывать в полной уверенности, что в лагере южан находятся его сыновья.

Аболиционист тут же приступил к планированию нападения. Отвергнув вариант немедленной атаки, он предложил совершить ее на рассвете. Это кажется не вполне логичным, учитывая, что как минимум одному из миссурийцев удалось

бежать, и он вполне мог предупредить своих товарищей.

Реконструкция событий 2 июня 1856 г.

Описания событий 2 июня не менее запутаны и противоречивы, чем их предыстория. Помимо Д. Брауна и Г.К. Пейта, свидетельства о битве при Блэк Джеке остались Г. Томпсон, Сэлмон и Оуэн Брауны, Д. Таунсли, О. Бонди и некоторые другие. Все они рисуют примерно одну и ту же картину произошедшего, но в то же время заметно расходятся в деталях, оставляя исследователю широкое поле для интерпретаций и размышлений.

К примеру, совершенно неясно, как и когда abolitionistам удалось обнаружить конкретное месторасположение лагеря миссурийцев, находившегося примерно в 5 милях на северо-восток от Прейри-сити [19, р. 298]. Д. Таунсли заявлял, что Браун и Шор еще вечером отправились в погоню [5, р. 74]. **Сэлмон Браун** дает в целом схожее описание, уточняя, что они выехали из Пальмиры¹ «поздним вечером» в воскресенье и разбили лагерь неподалеку от источника, решив дождаться рассвета [6, р. 147-148]. Капитан Браун в письме супруге сообщает, что тщетные поиски продолжались до 6 утра [23, р. 142]. Журналист Д. Редпат и вовсе настаивает, что этиочные поиски не увенчались успехом, вынудив фристайтеров вернуться в Прейри-Сити на рассвете, но вскоре два разведчика принесли известие, что враг расположился лагерем близ дубравы Блэк Джек, примерно в «четырех или пяти милях» [16, р. 128]. Что касается Г.К. Пейта, то он в своем отчете ограничивается слово-сочетанием – «ранним утром» [12, р. 30].

Еще большей загадкой является определение общего количества нападавших и оборонявшихся. Сегодня общепринятым считается, что в атаке на лагерь Пейта приняли участие 26 фристайтеров [21, р. 202]. Именно такое количество

¹ Упоминание Пальмиры, а не Прейри-сити не должно смущать, т.к. поселения не просто располагались рядом, но и фактически представляли собой одну агломерацию.

фигурирует в поименном списке, составленном позднее Джоном Брауном [19, р. 290]. Из них 9 входили в его отряд, 15 – в роту С.Т. Шора. Впрочем, свидетельства других участников сражения расходятся. Д. Таунсли определяет общее количество фристайтеров, принимавших участие в операции, как – 24 человека, 7 из которых остались присматривать за лошадьми, а 17 штурмовали на лагерь миссурийцев [5, р. 74]. Это при том, что капитан Браун четко указывает, что миссия по охране лошадей была возложена на двух бойцов – **Фредерика Брауна** и «одного из людей С.Т. Шора» [23, р. 142-143].¹ Сэлмон Браун и вовсе упоминал, что у обоих капитанов в подчинении находилось по 15 комбатантов [6, р. 147-148]. Еще более запутанные сведения по поводу численности abolitionистов дает Г.К. Пейт. В своем первом отчете, опубликованном в 9 июня 1856 г. в газете *St. Louis Republican*, он сообщает, что на момент начала сражения силы сторон были примерно равны (т.е. около 25-30 человек с каждой стороны), однако к его окончанию к фристайтерам прибыло большое подкрепление. Это, собственно, и побудило капитана миссурийцев пойти на переговоры [12, р. 33]. Позднее Пейт даже будет утверждать, ссылаясь на беседу 22 ноября в Чарльстоне с самим Брауном,² что к моменту окончания сражения на поле боя находилось от 70 до 100 вооруженных и хорошо экипированных фристайтеров [12, р. 31]. Подобное объяснение капитана миссурийцев сложно принять, т.к. в таком случае остается неясным, почему в итоге он вступил в переговоры с Джоном Брауном, а не с командующим этого «большого подкрепления».

Еще сложнее обстоит дело с подсчетом точного количества ополченцев-южан. В различных источниках оно варьируется от 25 [23, р. 140] до 60 [16, р. 129].

При этом нужно учитывать, что количество задействованных в отражении атаки 2 июня могло не совпадать с количеством пленных, число которых точно установлено, т.к. некоторые из них могли дезертировать, не дожидаясь развязки сражения. Косвенным подтверждением этого служит заявление Г.К. Пейта, что в начале битвы у него было 30 с лишним человек, а в конце – около 20 [12, р. 34]. Сэлмон Браун открыто указывает на бегство противника с поля боя, отмечая, что «почти половина людей Пейта были ранены или дезертировали» [6, р. 148].

Время начала атаки в большинстве источников указывается одно и то же – 6 часов утра, именно такое время указал Джон Браун [23, р. 142]. Последний, по его собственным словам, в силу возраста осуществлял командование всеми объединенными силами [19, р. 238]. Судя по всему, abolitionисты прибыли на место за 2 часа до рассвета, т.е. около 4 часов утра [17, р. 242], хотя из рассказа Брауна и Редпата можно сделать вывод, что фристайтеры вступили в бой почти сразу по прибытию на место.

Примечательно, что и Браун, и Пейт сходятся на том, что первоначальный план стремительной атаки abolitionистов провалился. Фактор внезапности, на который так рассчитывали фристайтеры, не сработал. По словам Брауна, примерно в миле они были обнаружены разведчиками южан, после чего им «пришлось двигаться в быстром темпе» [23, р. 142]. Его сын Сэлмон уточнял, что их обнаружил часовой, который произвел первый выстрел и сразу побежал к своим [6, р. 147]. Из этого можно сделать вывод, что abolitionисты пошли в вынужденную атаку после того, как их передвижение были обнаружены неприятелем. Пейт же, в свою очередь, и вовсе заявлял, что прекрасно знал о готовящемся нападении,

---

¹ В своем списке капитан позже уточнил, что это был некий Дэвид Хендрикс.

² Несмотря на подтверждение данного заявления со стороны трех свидетелей, присутствовавших на этой встрече, тюремное интервью Брауна является крайне сомнительным источником.

т.к. еще в воскресенье вечером получил эту информацию от двух разведчиков, чудом избежавших плена в Прейри-сити [12, р. 32].¹ В этой связи он специально расположил свой лагерь около оврага, чтобы в случае нападения использовать его как укрытие, и выставил часовых. Они-то, по словам Пейта, и обнаружили прибытие конного отряда, своевременно предупредив остальных. Правда, по его мнению, первые выстрелы раздались все же со стороны аболиционистов в ответ на вопрос южан: «*Кто вы, и чего хотите* [12, р. 32]?» Такое расхождение в деталях вполне объяснимо, т.к. каждой стороне было принципиально важным обвинить в открытии огня противника.

В ходе атаки отряды Брауна и Шора действовали отдельно друг от друга. Первый наступал на позиции южан, которые предполагалось взять в охват, справа, второй – слева. По всей видимости, Браун оказался гораздо более искушенным тактиком, чем Шор. Его бойцам было приказано двигаться парами, скрываясь в складках местности, и не стрелять до тех пор, пока не подойдут к позициям противника на расстояние 15-20 ярдов (порядка 75-100 метров), где как раз располагалась еще один овраг глубиной в 10 футов [17, р. 242]. Отряд Брауна преодолел это расстояние без потерь, в то время как продвижение роты Шора в самом начале было остановлено плотным ружейным огнем на открытой местности в 60 ярдах (300 метрах) [19, р. 239]. Сэлмон Браун свидетельствует, что это произошло в 200 ярдах [6, р. 148]. Следовательно, можно предположить, что люди Шора, сами того не ожидая, вызвали огонь на себя, позволив тем самым Брауну и его бойцам добраться до укрытия в непосредственной близости от лагеря противника. Показания Сэлмона

Брауна в этом отношении несколько расходятся с показаниями отца. Он заявляет, что его отряду все же пришлось двигаться под «яростным» ружейным огнем, скрываясь за небольшой двухфутовой насыпью.² Зато когда они добрались до оврага, то сами накрыли запаниковавшего противника перекрестным огнем, позволив тем самым людям Шора отойти на безопасные позиции. К слову, многие из них потом, по словам Джона и Сэлмона Браунов, так и не вернулись, дезертируя с поля боя [6, р. 148].

В своем письме Джон Браун отмечает еще одно важное обстоятельство, обусловившее выбор подобной тактики. Дело в том, что в его отряде не было ни одного бойца с дальнобойной винтовкой системы Шарпса, в то время как у миссурийцев и у людей Шора такие имелись [21, р. 202]. Это подтверждается и приведенными выше показаниями О. Бонди. Следовательно, у капитана Брауна фактически не оставалось иного выбора, кроме как максимально сократить дистанцию и найти укрытие.

Г.К. Пейт в своем отчете от 9 июня дает несколько иное описание начала сражения. В частности, он заявляет, что основные потери (5 человек ранеными) его отряд понес в первые минуты, когда не все еще успели переместиться в овраг. В своем первом отчете капитан называет их имена, происхождение и даже указывает характер ранений [12, р. 32-33].³ Такие подробности позволяют предполагать, что представленное описание соответствует действительности. Впрочем, командир миссурийцев все же не указывает, с какой стороны по ним велся огонь. В своем первом отчете капитан Пейт утверждает, что его обстреливали бойцы противника с открытой позиции с расстояния

¹ Общая же численность группы, отправленной в Прейри-сити, по версии Г.К. Пейта составляла 6 человек. 4 из них попали в плен после того, как были обстреляны.

² Подобное объяснение вполне можно сплыть на общую неразбериху и волнение С. Брауна в начале сражения.

³ Р.А. Вуд (уроженец Джорджии) – пулевое ранение в горло, Е. МакГолдрик (уроженец Джорджии) – пулевое ранение в ротовую полость, Дж. Б. Ламберт (уроженец Вирджинии) – пулевое ранение в плечо, Джеймс МакГи (уроженец Кентукки) – легкое ранение, Тим Конелли – пулевое ранение в бедро.

300-400 ярдов, а затем после встречных залпов – бежали в овраг [12, р. 33]. Нетрудно догадаться, что он описывает атаку роты С.Т. Шора. Джон Браун в своей ответной статье в газете *Tribune* от 11 июля 1856 г. прямо указывал на эту ошибку, заявляя, что Пейт ведет речь исключительно об их левом фланге, в то время как на правом его люди уверенно удерживали позиции на протяжении всего боя [21, р. 204].

Здесь логично будет предположить, что внезапное появление отряда Брауна на близком расстоянии от лагеря застало людей Пейта, увлеченных дальней перестрелкой с отрядом Шора, врасплох. Понеся потери ранеными, они были вынуждены спешно покинуть лагерь и спуститься в овраг. Только это может объяснить последующее описание Пейтом героизма своих бойцов, пытавшихся пробираться в палатки за боеприпасами под градом пуль неприятеля [12, р. 33]. В то же время подобное поведение южан говорит о спешном отступлении, а также опровергает слова Пейта о готовности к нападению.

Как бы ни было, бой довольно быстро приобрел позиционный характер. Особых подробностей этой перестрелки не сохранилось, если не считать описанного Г.К. Пейтом эпизода, с 19-летним *Генри Джеймсом*, который пробрался в палатку и метким выстрелом через проделанную в ткани дыру сразил одного из молодыхabolиционистов, «постоянно вскакивающего и что-то кричащего» [12, р. 33].

Сражение явно шло не по плану атакующих. Выбравшись из-под обстрела и израсходовав боеприпасы, люди Шора стали покидать поле боя. Сэлмон Браун, явно иронизируя по этому поводу, заявлял: «*Они отправились домой, сказав, что голодны, ибо ничего не ели со вчерашнего завтрака*» [6, р. 148]. По словам

Брауна, только пятеро из них, включая С.Т. Шора, присоединились к его отряду в овраге. Второго капитана он вскоре был вынужден отправить за подкреплением.

Рота Брауна также несла потери. В частности, тяжелое ранение получил его зять Г. Томпсон, после этого еще около часа остававшийся на позиции [18, р. 86]. Другими ранеными в ходе перестрелки оказались «проводник» О.А. Карпентер и некий «мистер Пармели» из отряда Шора. Еще трое бойцов Брауна¹ самовольно оставили поле боя. Капитан писал своей жене, что к окончанию схватки с ним оставалось всего 8 человек, 4 из которых относились к его отряду.² Впоследствии он составил список раненых и тех, кто сражался до конца [21, р. 203; 19, р. 29].

Видя иссякающий энтузиазмabolиционистов, Браун перебрался на позиции из бойцов Шора, и приказал одному из них, вооруженному дальнобойной винтовкой Шарпса, открыть огонь по лошадям и мулам, привязанными неподалеку от лагеря южан [23, р. 143]. Это, по всей видимости, и стало переломным моментом сражения, заставив Пейта спешно запросить переговоры.

Впрочем, существует еще одно важное свидетельство, объясняющее поспешную капитуляцию южан. Вспоминая о сражении при Блэк Джеке, Оуэн Браун заявил, что в самый разгар битвы, когда лошади и пони миссурийцев падали одна за другой, на поле боя внезапно появился его младший брат Фредерик верхом на жеребце по кличке «Нед Скарлет». ³ Не в силах больше оставаться вдали от сражения, он проскасал вокруг лагеря Пейта, размахивая клинком и громко крича: «Вперед, ребята! Мы окружили и отрезали их». Через 5-8 минут капитан миссурийцев повязал на шомпол белый носовой платок и отправил двух парламентеров с предложением перемирия

---

¹ По всей видимости, это были О. Бонди, Т. Винер и Д. Таунсли.

² Из отряда Джона Брауна, помимо капитана, на позициях оставались Бенджамин Коクリн, Оуэн, Оливер и Сэлмон Брауны, из отряда Сэмюэля Шора – Элизар Хилл, Вильям Дэвид, Хью Мьюинни, Чарльз Кайзер.

³ Это была лошадь Оуэна Брауна.

[19, р. 299]. Несмотря на то, что этот эпизод, представленный как кульмиационный момент сражения при Блэк Джеке, вошел во все биографии Джона Брауна, его подлинность крайне сомнительна. Достаточно сказать, что ни Г.К. Пейт, ни сам аболиционист, описывая героизм и самоотверженность своих людей, не упоминали о нем в своих ранних отчетах. Впервые изложение «подвига Фредерика» появляется в книге У. Филлипса вместе с другими явно вымыщленными «деталями» [13, р. 33]. При этом, справедливости ради, стоит отметить, что 2 июля Джон Браун встречался с журналистом в Лоуренсе, а следовательно, вполне мог поведать эту и другие истории, о которых почему-то умолчал в первом отчете и письме жене.

Описание переговорного процесса составляет едва ли не самую большую загадку событий 2 июня. Именно капитуляция Г.К. Пейта станет затем причиной длительных разбирательств и споров. Капитан миссурийцев в своем отчете подтверждал, что именно он, воспользовавшись затащем, обратился к фристайтерам с предложением о прекращении огня. При этом Пейт не скрывал того, что с его стороны это была всего лишь уловка, т.к. еще в самом начале боя капитан послал майора Л.Б. Вашингтона за подкреплением [12, р. 33]. Первоначально к фристайтерам были отправлены два парламентера, одним из которых являлся выше упомянутый Генри Джеймс [13, р. 340]. Однако капитан Браун категорически отказался вести с ними любые переговоры, потребовав встречи с командиром. «Я пошел к нему, – писал Пейт, – и довел до сведения тот факт, что я действовал по приказу федерального маршала и только в отношении лиц, на имя которых были выданы ордера на арест, и что я хотел бы сделать предложение. Он ответил, что не намерен выслушивать никаких предложений, и требует безоговорочной капитуляции. Я попросил пятнадцать минут на ответ. Он отказался, и я стал

пленником под флагом перемирия, что было варварством, невиданным в этой стране, и неслыханным в анналах благородных войн. Рядом с ним находились люди, которые направили на меня свои винтовки Шарпа, и у меня не было иного выбора, кроме как подчиниться или бежать и быть застреленным. Если бы я знал, с кем сражаюсь, то не доверился бы флагу перемирия. К тому времени вражеские солдаты приблизились ко мне на расстояние пятидесяти шагов, и я встал прямо перед ними. Капитан Браун сказал мне отдать приказ моей роте сложить оружие. Приставив револьвер к моей груди, он повторил команду, дав мне одну или две минуты на то, чтобы отдать приказ. Он мог бы застрелить меня, его люди, возможно, изрешетили бы меня, но я бы не отдал приказ ни за что на свете, не говоря уже о своей жалкой жизни. Браун нарушил самые священные правила ведения войны. Он показал себя лишенным чести, а смерть куда лучше, чем сдача такому человеку. Но рота, видя ситуацию, в которой я оказался, добровольно сложила оружие, чтобы спасти жизнь своего капитана» [12, р. 33-34].

В ответ Браун 11 июля на страницах газеты «*Tribune*» изложил свое видение той ситуации. Он указывал на то, что узнал об уловке Пейта от его собственных парламентеров, а, следовательно, ни о каком нарушении законов войны не могло идти и речи. Более того, Браун утверждал, что отправился к лагерю южан в сопровождении капитана миссурийцев и Г. Джеймса, которые даже не были разоружены, в то время как остальные фристайтеры находились в 40 родах (200 метрах) от своего командира [21, р. 205].

В этой связи особо стоит отметить показания Сэлмона Брауна, заявлявшего, что отец послал его и других бойцов в обход к позициям миссурийцев, когда сам отправился к ним с предложением капитуляции в сопровождении Пейта и Джеймса. По словам сына, Джон Браун

сначала предложил сдаться принявшему командование лейтенанту У.Б. Брокетту, а после того, как тот отказался, сославшись на отсутствие полномочий, обратился к капитану с тем же предложением, и тот согласился [6, р. 148-149].

22 ноября 1859 г. Г.К. Пейт попытался поставить точку в этом затянувшемся споре, посетив Брауна, дожидавшегося исполнения смертного приговора в тюрьме Чарльстона. В ходе их беседы в присутствии трех свидетелейabolиционист якобы признал правильность версии своего оппонента [12, р. 30-31]. Однако в силу понятных причин отнести эти показания к достоверным и уж тем более неопровергимым доказательствам не представляется возможным.

Чего нельзя сказать об условиях капитуляции Г.К. Пейта 2 июня, которые сохранились в полном объеме. Документ был подписан капитанами Д. Брауном и С.Т. Шором – с одной стороны, и капитаном Г.К. Пейтом и лейтенантом У.Б. Брокеттом – с другой. Согласно его положениям, пленных миссурийцев в количестве 25 человек,¹ двое из которых были ранены, надлежало обменять на аналогичное количество фристайтеров, захваченных ранее у Стэнтона, Осаватоми и Поттаватоми. Причем в этот список в обязательном порядке включались сыновьяabolициониста – Джейсон и Джон-младший. Их предлагалось обменять непосредственно на Г.К. Пейта и У.Б. Брокетта [19, р. 240].

Пожалуй, последним, заслуживающим рассмотрения, является вопрос продолжительности сражения. Капитан миссурийцев в своем раннем отчете писал, что оно длилось около 3 часов [12, р. 33], а в более позднем – «три-четыре» [12, р. 30]. Джон Браун же заявлял, что перестрелка продолжалась 2-3 часа [23, р. 143]. Сэлмон Браун, не обозначая

конкретного временного отрезка, указывал на то, что когда добровольческая рота **Джеймса Б. Эбботта** из Лоуренса прибыла на место сражения около полудня, все было уже кончено [6, р. 148-149]. Суммируя все сказанное, можно прийти к выводу, что бой состоялся в промежутке между 6:00 и 11:00 часами.

Заключение. Последствия сражения близ Блэк Джека уместно разделить на две группы – частные и общие.

Первые, стоит признать, имели весьма ограниченный эффект. Ведь, в конечном счете, несмотря на все приложенные усилия, Джону Брауну так и не удалось достичь своей главной цели. Уже 5 июня полковник армии США **Эдвин В. Самнер** освободил пленных миссурийцев без выполнения каких-либо условий с его стороны. Отрядabolиционистов не оказал сопротивления федеральным войскам, хотя капитан и попытался с ними договориться. В этой связи особый интерес представляют показания участника операции майора **Джона Седжвика**, заявившего, что в укрепленном лагере фристайтеров на Оттава-крик насчитывалось 150 вооруженных бойцов и 20 пленных [21, р. 209]. Первая цифра не кажется преувеличением, учитывая потому, что именно такое количество называл Оуэн Браун, описывая прибывшие к Блэк Джеку после окончания сражения подкрепления Д.Б. Эбботта [21, р. 208].² При этом отряд Самнера насчитывал всего 50 кавалеристов. Подобное поведение «отважного и всегда рвущегося в бой» капитана Брауна можно объяснить лишь его категорическим нежеланием вступать в открытый конфликт с федеральным правительством и армейскими частями. В свою очередь, Э.В. Самнер явно не горел желанием «сокрушить мятежников». Достаточно сказать, что он не только не задержал Брауна и его сыновей за убийства

¹ Сэлмон Браун утверждает, что пленных южан было 28.

² При том, что сам Д.Б. Эбботт в этот день с частью своих людей в этот день – 5 июня – совершил набег на Франклайн.

на Поттаватоми-крик, но и даже не разоружил отряд фристайтеров.

К прочим проблемам капитана Брауна прибавилось еще и то, что сразу после битвы при Блэк Джеке его сын Сэлмон получил ранение в результате неосторожного обращения с оружием, и какое-то время ему пришлось лечиться. Это обстоятельство, несомненно, сковывало действия капитана, который после принятия ультимата Э. Самнера вновь скрылся в лесу неподалеку (в полумиле от месторасположения прежнего лагеря), пока сын вместе с зятем Г. Томпсоном находились под наблюдением О. Бонди в доме Карпентера.

Что же касается общих последствий, то они были поистине колоссальными. Нужно признать, и Браун, и Пейт это прекрасно понимали, пытаясь превознести значение своего столкновения. Капитан фристайтеров называл битву при Блэк Джеке «первым регулярным сражением между сторонниками «Свободного штата» и сторонниками рабства в Канзасе» [19, р. 241], а его оппонент характеризовал ее как «первый раз, когда американские граждане из разных штатов, исповедующие различные политические взгляды, встретились в боевом порядке» [12, р. 36]. Несмотря на всю пафосность, оба этих утверждения сегодня приобрели вполне академическое звучание и находят отражение в большинстве научных работ, посвященных указанному периоду.

Политические последствия сражения при Блэк Джеке оказались не менее значимыми, ознаменовав собой существенные сдвиги в восприятии гражданского противостояния местными и федеральными властями. Губернатор Канзаса У. Шенон, лично докладывая президенту Ф. Пирсу о произошедшем 2 июня столкновении, внезапно обнаружил незаконность действий Г.К. Пейта и высказал опасения в скорой эскалации конфликта на подотчетной ему территории. Подобное изменение риторики весьма показательно. Местную исполнительную власть

все больше раздражала практика систематического вмешательства южан во внутренние дела вверенной Территории, а население – грабежи и притеснения со стороны вооруженных отрядов «пограничных негодяев». В итоге У. Шенон заявил о необходимости разоружения всех незаконных формирований и даже призвал местное армейское командование способствовать «выдворению» с территории Канзаса отрядов «добровольных помощников» из Миссури.

Северная пресса откровенно злорадствовала по поводу произошедшего 2 июня, подавая это как своеобразный реванш за разграбление Лоуренса 21 мая. Южные же издания восприняли разгром отряда Г.К. Пейта как вопиющее нарушение законности и открытый вызов со стороны противников рабства. Причем наибольшую ярость у южан, как нетрудно догадаться, вызывало именно бездействие федеральных властей и армии. Для многих это стало тревожным предзнаменованием неизбежности грядущего противостояния между Севером и Югом. Правда, несмотря на все громкие заявления, звучащие с обеих сторон, стоит отметить, что в Канзасе гражданский конфликт все же принял форму партизанской, а не регулярной войны, как того хотел Джон Браун, чему в немалой степени способствовала малонаселенность территории, «перемешанное» население, позиция федеральных властей и отсутствие крупных центров, контролируемых аболиционистами.

И наконец, битва при Блэк Джеке создала вокруг Джона Брауна ореол непримиримого борца с рабством и бескорыстного идеалиста. Последнее выглядело весьма парадоксальным, учитывая, что буквально за еще неделю до нее – после резни на Поттаватоми-крик – он воспринимался подавляющим большинством населения как откровенно маргинальная фигура, осуждаемая даже ближайшими сподвижниками. Однако события 2 июня все изменили. После сражения с Г.К. Пейтом

многие увидели в 56-летнем капитане человека, способного объединить и вести за собой как противников рабства, так и сторонников «свободного штата», а главное –

готового сражаться и умеющего побеждать. Таким образом, можно сказать, что легенда о «герое-мученике» Джоне Брауне родилась именно в этот день.

Список литературы

1. Исаев С.А. Гражданская война в Канзасе, 1855-1859 // Американский ежегодник. 2018. № 2017. С. 193-213. [Электронный ресурс] URL: <https://america-xix.ru/library/isaev-bleeding-kansas/?ysclid=mbiaaurb99414950769> (Дата обращения: 15.08.2025).
2. Супоницкая И.М. Антиномия американского Юга: Свобода и рабство. М.: ЛЕНАНД, 2022. 232 с.
3. Andreas A.T. History of the State of Kansas. Chicago: A.T. Andreas, 1883. 1606 p.
4. Bleeding Kansas: The Prelude to the American Civil War. [Электронный ресурс] URL: <https://themindguild.com/bleeding-kansas-prelude-to-civil-war/> (дата обращения: 15.08.2025).
5. Brown G.W. The truth at last. History corrected. Reminiscences of old John Brown. Thrilling incidents of border life in Kansas; with an appendix, containing statements and full details of the Pottawatomie massacre, by Gov. Crawford, Col. Blood, Jas. Townsley, Col. Walker, and others. Rockford, Ill.: Stereotyped and printed by A.E. Smith, 1880. 100 p.
6. Brown S. John Brown and Sons in Kansas Territory // Indiana Magazine of History. Volume 31, Issue 2, June 1935. P. 142-150.
7. Dulle B. Battle of Black Jack: The story behind the «first Civil War battle» in Kansas. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ksn.com/news/local/battle-of-black-jack-the-story-behind-the-first-civil-war-battle-in-kansas/> (дата обращения: 15.08.2025).
8. Etcheson N. Bleeding Kansas. Contested Liberty in the Civil War Era. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2004. 370 p.
9. Kansas-Nebraska Act 1854. May 30, 1854. [Электронный ресурс] URL: https://www.emersonkent.com/historic_documents/kansas_nebraska_act_1854.htm (дата обращения: 15.08.2025).
10. Morelock J.D. Was «Bleeding Kansas» Really That Violent? [Электронный ресурс] URL: <https://www.historynet.com/bleeding-kansas-2/> (дата обращения: 15.08.2025).
11. Oates S.B. To purge this land with blood: a biography of John Brown. NY: Harper & Row, 1972. 484 p.
12. Pate H.C. John Brown. New York: Published by the Author, 1859. 60 p.
13. Phillips W.A. The Conquest of Kansas by Missouri and her allies: a history of the troubles in Kansas, from the passage of the Organic Act until the close of July, 1856. Boston: Phillips, Sampson and Company, 1856. 432 p.
14. Poland C.P. America's Good Terrorist: John Brown and the Harpers Ferry Raid. Casemate Publishers & Book Distributors, LLC, 2020. 413 p.
15. Puleo S. The caning: the assault that drove America to civil war. Yardley, Pennsylvania: Westholme Publishing, 2012. 375 p.
16. Redpath J. The public life of Capt. John Brown. Boston: Thayer and Eldridge, 1860. 428 p.
17. Reynolds D.S. John Brown, Abolitionist: The Man Who Killed Slavery, Sparked the Civil War, and Seeded Civil Rights. New York: Alfred A. Knopf, 2005. 728 p.
18. Ruchmaes L., ed, A John Brown Reader; the story of John Brown in his own words, in the words of those who knew him, and in the poetry and prose of the literary heritage. London, New York: Abelard-Schuman, 1959. 434 p.
19. Sanborn F.B. The life and letters of John Brown, liberator of Kansas, and martyr of Virginia. Boston: Roberts Brothers, 1885. 682 p.

20. The Wakarusa War. [Электронный ресурс] URL: <http://www.thecivilwarmuse.com/index.php?page=the-wakarusa-war> (дата обращения: 15.08.2025).
21. Villard O.G. John Brown 1800-1859: A Biography Fifty Years After. London: Constable & Co, 1910. 808 p.
22. Watts D.E. How bloody was Bleeding Kansas? Political Killings in Kansas Territory, 1854-1861 // Kansas History: A Journal of the Central Plains, 18 (2) (Summer 1995). P. 116-129.
23. Wilson H.P. John Brown, soldier of fortune: a critique. Lawrence, Kansas: Hill P. Wilson, 1913. 450 p.

THE BATTLE OF BLACK JACK IS THE FIRST BATTLE OF THE SMALL CIVIL WAR IN KANSAS

This article describes one of the most famous clashes during the civil conflict in Kansas in 1854-1859, often referred to by researchers as the Small Civil War. The Battle of Black Jack, or, as it is also called, the Battle of Palmyra, was a turning point in the history of this confrontation, which in turn served as a prologue to a larger conflict – the Civil War of 1861-1865. It can be called not only the first armed conflict between opponents and supporters of slavery in the United States, but also the first armed conflict between the North and the South. This article is devoted to a detailed reconstruction of the events of June 2, 1856. At the same time, the author pays great attention to their immediate background, the identification of the motives of abolitionist leader John Brown, as well as the general historical context. In conclusion, the consequences of this battle are examined, which can be called very significant not only for the course of the civil war in Kansas, but also for the entire American history. Narrative, historical-genetic, causal and retrospective analysis are used as the main research methods.

Keywords: the Battle of Black Jack (June 2, 1856), the Kansas Civil War of 1854-1859, the Small Civil War, "Bleeding Kansas", freestaters, slavery, abolitionism, John Brown, Kansas Territory, Kansas history

References

1. Isaev S.A. (2018) Grazhdanskaya vojna v Kanzase, 1855-1859 [The Kansas Civil War, 1855-1859] // Amerikanskij ezhegodnik. № 2017. S. 193-213. [Электронный ресурс] URL: <https://america-xix.ru/library/isaev-bleeding-kansas/?ysclid=mbiaurb99414950769> (дата обрашени: 15.08.2025).
2. Suponickaya I.M. (2022) Antinomiya amerikanskogo Yuga: Svoboda i rabstvo [The Antinomy of the American South: Freedom and Slavery]. M.: LENAND. 232 s.
3. Andreas A.T. (1883) History of the State of Kansas. Chicago: A.T. Andreas. 1606 p.
4. Bleeding Kansas: The Prelude to the American Civil War. [Электронный ресурс] URL: <https://themindguild.com/bleeding-kansas-prelude-to-civil-war/> (дата обрашени: 15.08.2025).
5. Brown G.W. (1880) The truth at last. History corrected. Reminiscences of old John Brown. Thrilling incidents of border life in Kansas; with an appendix, containing statements and full details of the Pottawatomie massacre, by Gov. Crawford, Col. Blood, Jas. Townsley, Col. Walker, and others. Rockford, Ill.: Stereotyped and printed by A.E. Smith. 100 p.
6. Brown S. (1935) John Brown and Sons in Kansas Territory // Indiana Magazine of History. Volume 31, Issue 2, June 1935. P. 142-150.
7. Dulle B. (2021) Battle of Black Jack: The story behind the «first Civil War battle» in Kansas. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ksn.com/news/local/battle-of-black-jack-the-story-behind-the-first-civil-war-battle-in-kansas/> (дата обрашени: 15.08.2025).
8. Etcheson N. (2004) Bleeding Kansas. Contested Liberty in the Civil War Era. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas. 370 p.
9. Kansas-Nebraska Act 1854. May 30, 1854. [Электронный ресурс] URL: https://www.emersonkent.com/historic_documents/kansas_nebraska_act_1854.htm (дата обрашени: 15.08.2025).
10. Morelock J.D. (2023) Was «Bleeding Kansas» Really That Violent? [Электронный ресурс] URL: <https://www.historynet.com/bleeding-kansas-2/> (дата обрашени: 15.08.2025).

11. Oates S.B. (1972) To purge this land with blood: a biography of John Brown. NY: Harper & Row. 484 p.
12. Pate H.C. (1859) John Brown. New York: Published by the Author. 60 p.
13. Phillips W.A. (1856) The Conquest of Kansas by Missouri and her allies: a history of the troubles in Kansas, from the passage of the Organic Act until the close of July, 1856. Boston: Phillips, Sampson and Company. 432 p.
14. Poland C.P. (2020) America's Good Terrorist: John Brown and the Harpers Ferry Raid. Casemate Publishers & Book Distributors, LLC. 413 p.
15. Puleo S. (2012) The caning: the assault that drove America to civil war. Yardley, Pennsylvania: Westholme Publishing. 375 p.
16. Redpath J. (1860) The public life of Capt. John Brown. Boston: Thayer and Eldridge. 428 p.
17. Reynolds D.S. (2005) John Brown, Abolitionist: The Man Who Killed Slavery, Sparked the Civil War, and Seeded Civil Rights. New York: Alfred A. Knopf. 728 p.
18. Ruchmaes L., ed. (1959) A John Brown Reader; the story of John Brown in his own words, in the words of those who knew him, and in the poetry and prose of the literary heritage. London, New York: Abelard-Schuman. 434 p.
19. Sanborn F.B. (1885) The life and letters of John Brown, liberator of Kansas, and martyr of Virginia. Boston: Roberts Brothers. 682 p.
20. The Wakarusa War. [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.thecivilwarmuse.com/index.php?page=the-wakarusa-war> (data obrashcheniya: 15.08.2025).
21. Villard O.G. (1910) John Brown 1800-1859: A Biography Fifty Years After. London: Constable & Co. 808 p.
22. Watts D.E. (1995) How bloody was Bleeding Kansas? Political Killings in Kansas Territory, 1854-1861 // Kansas History: A Journal of the Central Plains, 18 (2) (Summer 1995). P. 116-129.
23. Wilson H.P. (1913) John Brown, soldier of fortune: a critique. Lawrence, Kansas: Hill P. Wilson, 1913. 450 p.

Об авторе

Шумаков Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия), E-mail: takamori@rambler.ru

Shumakov Andrey Andreevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics (Russia), E-mail: takamori@rambler.ru

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли – исторические науки. Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» – жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы.

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы)** – повторное обобщенное перечисление основных результатов **и их значимость (оценка) для науки.** Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег,** которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы.**

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи представляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую ссылку в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок:** фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

1	2	3	4	5	6

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутооновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

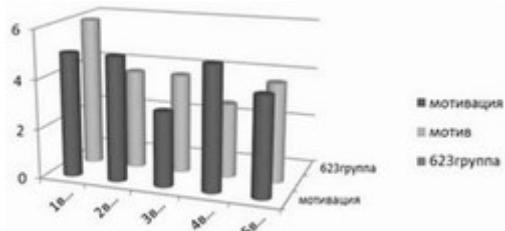

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редакция оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; E-mail: gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№4 (66) 2025

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.12.2025.
Дата выхода журнала в свет: 30.12.2025.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 19,25. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**